

РУСАЛОЧЬЯ КРОВЬ

ЕВА СВЯТЕНКО

Посреди моря-окияна стоит бел-горюч Алатырь камень. Стоит незыблемо, непоколебимо веками и тысячелетиями. Издревле так повелось, что Перуновы создания, Мореновы твари и все, видимые и невидимые, сокрытые в Нави и гуляющие среди людей, ужасные и прячущие облик под мороком, кланялись святыне своей и оберегали её. Никто и не подозревал, что влюбленная русалка запустит череду событий, из-за которых трещина расколет Алатырь камень от самой вершины до основания, и под угрозой гибели окажется весь волшебный мир. И сойдутся оборотни и крылатые змеи, водяницы и ведьмы, полночица да полуденница, чтобы решить судьбу тайного мира. Жить ему иль умереть.

Пролог

Посреди моря-окияна стоит бел-горюч Алатырь камень. Стоит незыблемо, непоколебимо веками и тысячелетиями. Издревле так повелось, что Перуновы создания, Мореновы твари и все, видимые и невидимые, сокрытые в Нави и гуляющие среди людей, ужасные и прячущие облик под мороком, кланялись святыне своей и оберегали её.

Никто и не подозревал, что влюбленная русалка запустит череду событий, из-за которых трещина расколет Алатырь камень от самой вершины до основания, и под угрозой гибели окажется весь волшебный мир. И сойдутся оборотни и крылатые змеи, водяницы и ведьмы, полночица да полуденница, чтобы решить судьбу тайного мира. Жить ему иль умереть.

Глава 1

Все знают, что два облика есть у русалок — навья личина, которая истинная, и вторая человеческая, надеваемая в люди, на выход.

— Помпасы свои пообтянут и ходят тут. Проститутутьки. — прокаркала бабка и грузно бухнулась на скамейку. — Неча на автобусах ездить с честными-то людьми.

Настя вздрогнула и подтянула короткие шортики. Зря она их надела. Нужно было в длинной юбке, как обычно. И косу не следовало распускать. Смотрят, обсуждают, осуждают.

Хотя белой вороной негоже выделяться в городе, даже таком захолустном, как Сервуга. «Адаптация — наше всё, — говорил дед Потап, отвечивая лещей нерадивым ученикам. — Выбери себе человека или двух и копируй: и походку, и повадки, и внешность. Чтоб от живых не отличить».

Она и копировала. Маечка выше пупка с колечком пирсинга, кеды от Макс Мара, макияж, маникюр и презрительный взгляд, как у соседки из квартиры напротив.

Фух, наконец-то восемнадцатый подъехал, а то спина скоро задымится от косых взглядов. Девушка пропустила всех и последней забралась в автобус с синими полосками на боках, удобно устроившись на задней площадке. Мельком оглядела попутчиков, отметила смазливого парня около кабины водителя, и ещё одного, сидящего лицом к ней. Хотя сидящий выглядит слишком измученным, такой не подойдёт.

Автобус медленно плёлся по маршруту, изрыгая смрад и шум, как от целого римского легиона. Звуки были настолько привычными, что успокаивали и убаюкивали своей обыденностью. Настя расслабилась и прикрыла глаза.

А хорошо-то как покачивается будто на воде лежишь. А на пределе слышимости что-то скрипит в механических недрах.

Можно подумать, что плывёшь ты на лодке посреди озера, а вокруг парной, нагретый воздух, мошкара вьётся и всё родное, деревенское, простое. Такой же тихий летний вечер, как и сейчас. Затягивает, заманивает. И доверчиво тянешься вниз, к воде, за кувшинкой. Теряешь равновесие. Летишь, и холод снаружи и жар внутри, ни верха, ни низа, темень непроглядная вокруг. И цепенеешь. И страха нет, только великая усталость. Не бороться, отпустить. Не жить.

— Волосья-то свои подбери, размахалась тут.

Девушка дёрнулась и очнулась. Ещё одна вредная бабка недовольно зыркала на неё снизу вверх. И что к ней прижалась? Места полно в транспорте, предпоследний рейс идёт, почти пустой.

Спорить и ругаться не было смысла, такие люди — как пиявки, вцепятся и сосут радость через слова. Девушка спокойно отошла в сторону, но волосы на всякий случай перекинула вперёд. Пряди заструились, заискрились, мягко скатываясь по груди к талии и ниже, до самых бёдер. Пора.

Еще раз осмотревшись, Настя выбрала смазливого. Он казался бодрым, сильным, да и брютет к тому же. Брюнеты ей всегда нравились.

Из бирюзовой сумочки было извлечено такого же цвета раскладное зеркальце и направлено на избранника. Так, поймать отражение. Потом провести по стеклу пальцами, чтобы рябь пошла и сменилась на... Боги водяные, что опять? Мысли парнишки занимала штампованная блондинка с формами снеговика и коровьими ресницами. Что ж они все о

таких мечтают?

Настя сокрушённо вздохнула и зашептала.

— На море-океане, на острове Буяне.

Намеченная жертва беспокойно заёрзала.

— Стоит бел-горюч Алатырь камень.

Теперь перевести зеркало на себя.

— Ручьи кипучие, ключи могучие.

Её отражение постепенно менялось: глаза тускнели, лицо темнело и трескалось, вспучивалось буграми.

— С хрупких плечей, с ясных очей, с алых кровей.

Кожа осыпалась с лёгким шелестом, явив миру новый облик кукольной блондинки с губами-бантиками. Точь-в-точь, как в видении смазливового паренька.

— Слова мои крепче камня, быстрее водицы, ярче зари-заряницы.

Готово. Настя убрала волшебную вещицу, слегка взъерошила волосы, посильнее оголила животик и изобразила приветливую улыбку. Теперь она во всеоружии.

Окружающие оставались совершенно спокойными: для них девушка ничуть не изменилась — как зашла в автобус, такая и стоит. Не зря она в совершенстве освоила отвод глаз. Только избранник увидит её новый блондинистый облик.

Настя продефилировала к передней площадке, там резко развернулась, схватившись за поручень, сделала вид, что падает. Белая грива взлетела и шлёпнула смазливового брюнета по щеке.

Парень раздраженно вскинулся, но сразу осёкся, разглядев кто залепил ему пощёчину волосами.

— Привет. Меня Вячеслав зовут. А что такая красивая девушка здесь делает?

— Анастасия. Пытаюсь не умереть от скуки.

— А здесь на конечной есть классное заведение.

— Нормальное? — Настя равнодушно зевнула

— Классное вообще! Завалимся?

Русалка заученно флиртвала, когда ощутила колючий взгляд. Исподволь скосила глаза. Бабка, приставшая к её волосам, стоит в метре, уставилась в упор. Неужели видит сквозь морок?! Нечистая она, что ли? Девушка незаметно потянула носом. Да нет, человеческим духом пахнет. Обычная бабка. Может ненормальная какая.

На всякий случай Настя спряталась за смазливового, доверчиво положив голову ему на плечо. Вячеслав не растерялся — обвинил её талию и крепко прижал к себе. Сейчас они выглядели юной влюбленной парочкой для всех, кроме Тамары Ивановны, которая ясно различала заклятье смены личины.

Тамара запомнила эту наглую девочку, но решила заняться ей позже. Неотложные дела ждали её этой ночью на городском кладбище. И пусть внешностью пигалица перекинуться может, а вот голос у неё не меняется. Тонкий и прозрачный как ручей. Такой не спутаешь.

Настя с брюнетом вышли вместе у ночного клуба «Сахар». Сегодня Славка готов был глубоко залезть в свой кошелёк, чтобы произвести впечатление. Он хоть и ездил на общественном транспорте, но кое-какие сбережения у него имелись. А тут такая красotka, очень ему понравилась. Наверняка нетяжёлого поведения, судя по одежде и выкрутасам в автобусе. Ну ничего — он заставит её свернуть с кривой дорожки, а затем сделает предложение. А уж способ обеспечить их будущую семью найдёт.

Славка гордо подвёл девушку ко входу, рядом с которым тусовались сливки Сервуги. Но тут, как по волшебству, на дороге нарисовался массивный охранник с косящим глазом. Глаз хитро прищурился, отчего вся нижняя часть лица скривилась, сверкнув золотым зубом справа. Рожа выглядела донельзя бандитской и прохиндейской.

— Девушка проходит, а парниша — нет. Фейс-контроль, ребята, звиняйте.

— Давай отойдём на пару минут, есть аргумент, — Славка потёр пальцы, изображая денежные купюры.

— Аргумент свой знаешь куда засунь, мы тут люди честные, — возмутился косой глаз.

Второй глаз, то есть, второй охранник появился из-за спины первого, взял Славку за шкуру и оттащил в сторону, как кутёнка. Парень рванулся обратно с угрозами натянуть глаз на места не столь далёкие, но силы были явно не равны.

Настя ткнула охранника в грудь и тихо зашипела.

— Пропусти, собачья морда, а то хуже будет. Войны хочешь, перевёртыш? Так я Марусе и передам. — Да ладно, ладно. Пошутил я просто. Пусть проходит. С вашим племенем нам ссориться не с руки. — И внутрь сегодня не заходите, — строго добавила девушка.

Косой глаз злобно сверкнул и продемонстрировал все четыре золотых клыка.

— Опять чаровать будете? Русалья неделя сейчас что ли?

— А тебе-то что?

— Ну так охрана мы. Наняли нас. Охранять.

— Вот и охраняйте. От разбоя. А в наши дела не лезьте.

Охранник смачно сплюнул прямо перед Настей, чуть не попав на кеды и издевательски ухмыльнулся.

— Внутрь не пойдём. Но должок за вами, подводные.

Второй глаз, то есть, охранник, наконец, отпустил буянящего Славку и отечески подтолкнул вперёд.

— Настя, ты в порядке? — разгорячённый паренёк подлетел к девушке, сжимая кулаки

— Если обидел её, то пожалеешь, — это уже в сторону косоного глаза.

Настя успокаивающе погладила спутника по руке.

— Нет. Слав, не обидел. Мы просто поговорили, он маму мою знает, учила его в школе. Всё нормально. Пойдём внутрь?

Клуб встретил их жарой и вонью потных тел. Первое помещение представляло собой затемнённое кафе с баром и дешёвыми новогодними гирляндами. На потолке мигала неоновая стрелочка с пляшущими человечками, указывая направление к танцполу.

— Настаська! Дорогая, как давно не пересекались. Чмоки, чмоки.

К русалке устремились две знойные красотки: женщина-вамп с губами на пол-лица и рыжая бестия в кожаном шмоте.

— Маруська, Катенька, как я рада вас видеть. Знакомьтесь, это Слава. Посидим вместе?

Вячеслав отвесил шуточный поклон.

— Столько красивых девушек сразу. У нас в городе, наверное, слёт фотомоделей?

Подруги прыснули в кулаки.

— Галантный он у тебя. Пойдём к нашим найдёнышам теперь.

Чернявая Маруся пришла с худым блондином стенд-апером, который непрерывно и несмешно шутил. Девушка натужно улыбалась и подливала спутнику свой коктейль. Правда с каждым новым глотком остроты делались всё ниже и ниже, пока не пробили нулевой уровень и не перешли в откровенные приставания.

Огненноволосяя Катерина привела кряжистого байкера, который единственный смеялся над анекдотами блондина и отечески похлопывал того по спине. Байкер возвышался над барной стойкой, как горный утёс и алкоголь поглощал так же. Будто в речку подземную пиво вливалось литр за литром, а потом изливалось наружу на белых горах в заповедных местах.

Настя со Славкой легко вписались в компанию и сразу предложили игру.

— А давайте соревноваться — кто кого перепьёт. Девушки против парней.

— Да вы против нас, — байкер оскалился, — сплюнуть и растереть.

— Выигравшему — исполнение любого желания, — лукаво подмигнула Катенька.

И понеслась.

Через час на танцпол ввалились три парочки. Парни немного покачивались, и Настя с товарками незаметно поддерживали своих спутников, непрерывно хихикая и ритмично подёргиваясь в такт дьявольским звукам из басыщих колонок.

Парни уже назагадывали своих нехитрых желаний и пытались их исполнить прямо на месте. Однако, девчонки попались юркие — ловко выворачивались из рук. Впрочем, деревянный, выдавший виды пол тоже взбеленился и выворачивался, хотя на него они никаких видов не имели.

Тем временем девушки пробрались в самую гущу толпы, подражая окружающим, повторяя несложные движения. Катенька сбагрила своего спутника Марусе и, оторвавшись от остальных, нырнула в море из человеческих извивающихся тел, не торопясь поплыв в сторону диджея.

Блондин со Славкой зачем-то сели на пол и разулись. Видимо, решили с ним, с полом, познакомиться поближе. Байкер, наоборот, оживился и принялся намахивать круги руками и делать зачётные качи, чем сразу привлёк внимание троих пацанчиков, повредив разные части их тел столь энергичными движениями. Назревал нехилый такой конфликт, и Настя занервничала — почему Катенька не торопится?

Музыка резко захлебнулась, дёрнулась пару раз и сменилась на заунывное бормотание.

На берёзоньке, на Семик, на ветвях качалась.

На Купальницу ходила с русалками сплясалась.

Танцующие застыли на мгновение, а потом собрались в широкий круг, словно дети вокруг ёлки. Глаза у всех сделались стеклянными и мутными, плечи поникли, пальцы на руках скрючились. Лица ничего не выражали, у кого-то отвисла нижняя челюсть и текла слюна, кто-то мычал, кто-то раскачивался взад-вперёд.

Настя осталась в самом центре толпы, широко разведя руки и запрокинув голову. Сквозь купол она видела шершавое небо с крапинками звёзд; острые рога месяца кололи Алатырь камень, а из ран выбегал и разливался на полнеба молочный ручей. Полупрозрачные фигуры её подруг парили справа и слева: лица бледные, белёсые волосы текут до самых пят, а дальше превращаются в светлые щупальца, окутывающие людей.

Три парня рядом, которые пришли с ними. Стоят истуканами, соляными столбами.

— Сейчас, девочки. Давайте.

Белым потоком опустились русалки, потянули руки к своим спутникам. И хоть стояли не близко, а вытянулись предплечья метра на два-три, пока не достали и вокруг шеи не обвилились. Еще гуще стали волосы, заполнили всю площадь танцпола, казалось, что люди стоят по колено в шевелящемся тумане.

Парни зашлись вдруг в неестественном смехе.

— Получается, девочки. Щекочите сильнее.

И русалки щекочут. Человеческий хохот выплёскивается из глоток, разлетается в стороны, разбивается прибоем об стены. Зачарованные посетители раскачиваются и перетоптываются, а потом начинают двигаться в едином порыве, вращаясь по часовой стрелке, как гигантский хоровод.

Смех конденсируется янтарными каплями в воздухе, закручивается в спираль вместе с людским потоком, густеет и темнеет. Заунывная песня смолкает и воцаряется тишина, слышно только шорох переступающих ног и тяжёлое дыхание.

Сверкающая спираль взмывает до потолка, змеей свивается в тугий клубок и ложится Чёрной Жемчужиной в ладони Маруськи. Одновременно спадает и морок. Настя не видит больше ни неба, ни млечного пути, только кирпичную неухоженную кладку потолка.

Растерянные люди толкуются на месте. А девушки ловко ныряют в хоровод, пролезают под сцепленными руками и исчезают прежде, чем кто-то успевает опомниться.

Память человеческая сохранит обрывки произошедшего вечером перед Троицей — нет у русалок столько сил, чтобы начистую воспоминания стереть. Но на следующий день всё покажется смутным сном, для описания которого не найдётся слов. А через неделю и это забудется, сгинет в постоянных делах.

— Ты теперь новая Кострома, Маруська. На весь год.

Настя поклонилась Первой Русалке, но гневно сжала кулачки за спиной. В этот раз она, Настя, должна быть получить символ власти и водяную силу. Маруська, как всегда, будет заветы деда Потапа блюсти, чтоб сидеть ниже травы, тише воды. А неправильно это. По-иному надо.

— Может, в следующий раз я возьму оберег?

— Настенька, не сможешь ты выдержать столь тяжкого груза.

— Откуда ты знаешь, Маруся? Дай я попробую.

— Пока ещё рано, милая.

Настя раздражённо махнула косой, но сдержалась от резких слов. Пусть Маруся самая старшая из них, но и они уже не те несмышлёныши, как сразу после обращения. Можно было бы подговорить Катеньку, чтоб поддержала Настю. Но нет, та слишком мягкотелая, от любого неласкового слова слёзы льёт — толку с неё не будет.

Девушка молча направилась к выходу из комнаты.

— Куда, ты Настенька?

— Наверх, хочу побыть одна. Устала сегодня.

Настя размышляла на крыше, сидя в тени какой-то надстройки. Здесь было хорошо, уютно. Русалки так высоко боялись забираться, а люди не считали нужным. Изредка поднимались романтические парочки, но их легко отпугнуть чарами.

Ветер трепал русые волосы. Рассветные солнечные лучи гладили босые ноги, а руки автоматически плели очередную ловушку снов.

Узелок, узелок, камешек, перо. Пусть этот узелок — Маруська, а этот — Катенька, камешек — Чёрная Жемчужина, а я буду в центре. Пальцы сбились на мгновение, запутали нити, Настя раздражённо дернула и рассмеялась. Кажется, она нашла выход. Но для задуманного придётся кое-кого привлечь. Пожалуй, Дарина-полуденница подойдёт.

Телефонный номер Дарины долго не отвечал. С третьего раза в трубке раздался сонный голос.

— Ты время видела? Утро же еще.

— Здравствуй, Дарина, и тебе не хворать. Увидеться нужно. Давай через два часа в кафе

около сухого пруда.

Получив согласие полуденницы, Настя радостно сбежала по лестнице и поспешила на остановку. Ехать ей целый час, зато далеко от русалочьей обители, никому на глаза не попадётся и вопросов лишних не возникнет.

В маленьком кафе они были единственными посетителями. Зевающая Дарина уселась напротив и принялась чесать пальцами спутанные чёрные волосы. Практически девочка из "Звонка", только живая и красивая.

— Чего звала, Настаська?

— Дело есть срочное. Ты же летом в силе своей? Помощь твоя нужна.

— В силе, да не в силе. Под кондиционерами-то грош цена силушке этой.

— Так я заплачу тебе.

— Заплатишь? — протянула, как будто кошка хребет горбом выглянула. — Интересно, чем?

Брюнетка лениво откинулась на спинку стула и прищурилась, рассматривая собеседницу. Длинная шея, зелёные глаза со старинный пятак и тяжёлая волна тёмно-русых волос. Тонкая и звонкая, как ивушка прибрежная. Тьфу, вот ведь жидкая русалочья кровь.

— На меня, Настька, чары твои не действуют. Так что не старайся.

— Да я не нарочно. Само как-то получилось.

Русалка покаянно склонила голову, скромно прикрыв ресницы.

— Так что ж за дело у тебя важное такое?

— Поклянись жаровым вихрем, что молчать будешь.

— Ну ты и загнула, подруга. Клятвы мои родовые не трожь. — Брюнетка хищно оскалилась и угрожающе подалась вперёд. Красный язычок мазнул по белым ровным зубкам.

— Ладно, ладно, остынь. Просто не говори никому.

— Так-то лучше. Ну что там у тебя?

Настя подняла взгляд, сглотнула, сплела и расплела тонкие пальцы.

— Нам нужны новые сёстры.

Дарина не двигалась и не комментировала, но вся её сухая фигурка напряглась и словно вытянулась в струну.

— Род наш чахнет, мало нас совсем, — продолжала русалка. — Всего трое на всю Сервугу. Ты речку нашу давно видела? Одна грязь. А из живых там только кишечная палочка купается. Пруд единственный давно пересох.

— А Маруся знает? Или сама ты это задумала?

— Конечно, с её ведома всё делаю, — вскинулась Настя. — И оплата будет достойная. Любое желание у Чёрной Жемчужины загадаешь.

Дарина удивленно присвистнула. Заманчивое и действительно щедрое предложение. Отказываться от такого нельзя.

— Хорошо. Показывай, кто вам надобен.

Глава 2

Тёплой летней ночью Толик возвращался домой после второй смены. Его новенькая, взятая в ипотеку, квартира находилась в спальном районе, почти за городом, из-за чего каждый день приходилось топтать километров пять пешкодралом от конечной. Но Толик не жаловался. Воздух здесь был чище, чем в центре и напоминал ему о вечерах в деревне у бабушки Нюры.

Деревня называлась "Старый Колодезь" и реально была старовата: покосившиеся строения, заросшие мхом подвалы, дома из деревянных брёвен с печами, где можно было запечь и барашка и Ивашку, попадись он Бабе Яге.

Вот такими же тихими светлыми ночами, как сегодня, прибегал Толик к крайней избе после игр с ребятнёй, а бабушка Нюра уже сидит на завалинке и ждёт его.

Он нырял ей под бочок, выпрашивал сказку и слушал с замиранием необычные истории про навье царство, летающих чёрных кошек и поросят с огромными зубищами, ведьмовские войны в славном городе Смоленске. А потом засыпал и просыпался отдохнувшим и свежим в своей постели. Славное было времечко.

Толик поднял голову и полюбовался на звёздные разводы, хорошо видимые в темноте. Он подошёл к Пьяной улице, где отродясь не было никакого освещения, кроме природного. Да и зачем оно, если по бокам высились только гаражи, да сервис с автомойкой. Улица имела какое-то официальное название, но в людях звалась "Пьяной" из-за необычной корявости и извилистости.

На дороге мелькнуло белое пятнышко и скрылось за поворотом. Собака, наверное, или показалось. Толик прошёл еще немного, с необъяснимой тревогой вглядываясь в темноту, но ничего страшного не заметил. Совсем что-то нервы расшалились — надо ужастиков поменьше смотреть.

Пьяная улица закончилась выходом к новостройкам и фонарным столбом, торжественно водружённым прямо посреди проезжей части.

Под столбом в ореоле света стояла девушка. Толик сразу рассмотрел, что ладная и волосы шикарные до самой попы вьются, переливаются. Глаза распахнутые тёмные, губы припухлые манящие. Смотрит, улыбается.

— Здравствуй, красавица. Не меня ли ждёшь?

— А коли и тебя? — усмехнулась девушка.

— Так вот он я.

— И куда ты путь держишь, добрый молодец?

— А куда скажешь, красавица.

— Куда скажу? Ну ладно. Направо пойдёшь — смерть свою найдёшь, налево пойдёшь —

живым

пропадёшь.

— А если прямо? — заулыбался Толик, направляясь к девушке.

— Там еще про коня было, слышал?

— Слышал, красна девица, Толик остановился рядом и понял, что пропал. Такой красоты он ещё не встречал.

— Так вот. Прямо пойдёшь — конём заржёшь, на себе повезёшь.

Девушка вдруг завертелась вокруг своей оси и подпрыгнула, да так, что её туфельки

мелькнули перед лицом ошеломлённого Толика, и враз перемахнула ему за спину. И прежде, чем парень успел опомниться, девушка оседлала его сзади, больно схватив за волосы и сдавив шею.

— Нооо, пошёл, — звонкий смех рассыпался колокольчиками.

Толик побежал. Ирреальность происходящего зашкаливала. Он нёсся по освещённым современным улицам мимо многоэтажек и парковок, мимо окон мерцающих телевизионными передачами, мимо блаженно спящих жителей. Вот миновал свою квартиру и уже приближался к пустырю, за которым только поле и лес.

Толик попытался остановиться, но тело покорно выполняло все команды ведьмы, не слушаясь хозяина. Он мог только слегка подправлять движения, чтобы не свалиться в яму или не врезаться в препятствие.

Вспомнились бабушкины сказки и "Вий" Гоголя, которого он так и не дочитал в школе. Что-то там было такое про бег и ведьму. Также она на мужике ездила. Как его? Хомяк что ли какой-то или Хома? Если ведьма она, то должна бояться молитв.

Подпрыгивая, чтобы не убиться о строительный мусор, Толик вбежал на пустырь. Усталость накатывала волнами, ноги сделались как ватные; дышалка давно сбилась, и воздух входил и выходил со хрипами. Как назло, никаких молитв в голову не приходило.

— Баб Ньюр, помоги, — Толик отчаянно взвизгнул, чувствуя, как подступает паника.

Пустырь закончился и неожиданно ведьма дернула его за волосы

— Тпруу.

Перед ними топталась маленькая сгорбленная фигурка в платочке. Сухонькая рука поднялась и погрозила узловатым пальцем.

— А ты чегой-то на внучка моего забралась? Ополоумела что ль на старости лет, а Тамарка? Так вразумить я всегда могу.

Толик почувствовал, как исчезла тяжесть со спины и облегченно выдохнул. В груди горело, а ноги тряслись от напряжения. Он кулем опустился на землю и попытался отдышаться.

— Ты давай-ка, внучок, домой ступай, да спать ложися. А мне тута побалакать надо с Тamar Ивановой. Да смотри, не оглядывайся, а то плохо буде.

Толик молча поднялся и пошёл. Он ни разу не оглянулся, пока не попал в квартиру и не запер дверь. Потом сполз на пол тут же в прихожей и заплакал. Баб Ньюра-то уже пять лет, как умерла. Сам он на похороны ездил, прощался, землю на гроб кидал.

Говорят, долго отходила, тяжело, крышу над ней разбирали. Просила, чтоб Анатолия позвали, а он не смог тогда, в заграничной командировке деньгу зашибал. Пока до "Колодезя" добрался, баб Ньюра уже и кончилась.

Утром Анатолий поехал на завод.

— Толян Семёныч, да не могу я тебя отпустить, — устало отговаривался начальник цех.

— Увольюсь тогда.

— Да ты пойми, что во вторую смену ты один технолог остался. Василёк на больничном ещё две недели будет точно. Как я тебя отпущу, а?!

— С первой смены кого-то переведите.

— Эх, Анатолий. Ну ладно, вижу, что серьезное что-то у тебя. Давай бумагу, подпишу тебе «без содержания».

Толик мрачно кивнул, пожал начальству руку и направился в сторону проходной.

— А, еще забыл. Тут какая-то бабка с утра пораньше приходила, тебя спрашивала.

Тамара Ивановна, кажись. Сказали ей, что ты после трёх приедешь.

Толика передёрнуло. Через проходную он прошел спокойно, а потом припустил на всех парах к автобусной остановке. К счастью, его родной «двадцать шестой» не заставил себя ждать и подъехал точно вовремя.

Пустых мест было много, и Толик плюхнулся около окна, напротив юной девушки с бейджиком на груди "Гаяна".

— Девушка, с вами всё в порядке?

— Да, всё хорошо, — она отвернулась, пряча заплаканные глаза.

— А хотите я угадаю, как вас зовут?

— Ой, — Гаяна прикрыла бейджик полой кофточки. — Извините, мне пора выходить.

Девушка вскочила и юркнула в открывшуюся автобусную дверь маленьким испуганным зверьком. Жаль, хорошенькая девчушка. Хотелось хоть кого-то утешить, потому что своя ситуация патовая.

Еще ночью Толик продумал, что делать дальше и решил продвигаться чётко по плану. Всё равно других вариантов нет. Хотя мелькнула мысль, что он сбрендил от переработок, и по нему психушка плачет. Но ведь в остальном голова была ясная, никаких голосов и фантазий. Ладно, сдать врачам всегда успеет.

Сумка с вещами первой необходимости уже была собрана. Теперь вызвать такси и на автовокзал за билетами. До "Старого колодезя" добираться 14 часов с пересадками и то, если грунтовку не размост.

С дорогой ему повезло. Солнце шпарило, как проклятое и высушило болотистые земли вокруг Сервуги, сделав их проходимыми для всех видов транспорта. В итоге, старенький Пазик так разогнался, что прибыл к месту назначения на полчаса раньше.

Толика высадили на каменной остановке с красивыми надписями о вечном. Дальнейший путь к деревне пролегал через кладбище, которое днём выглядело весьма приветливо и колоритно. Могилы явно заброшенные и не прибранные, а вот и баб Ньюра.

— Спасибо тебе, бабусь, за помощь твою. Что ж теперь делать мне?

Знойная тишина была ему ответом. Вздохнув, паренёк поднялся и направился к деревне.

"Колодезь" состоял всего из пяти развалюх. Остальные здания не выдержали бега времени, разрушились и скрылись под зарослями бурьяна.

— Эй, ты чьих будешь?

Толик повернулся. Средних лет женщина загородилась от него корзиной с травами и подозрительно косилась сквозь стебли.

— Я здесь жил раньше. У бабушки, вон там.

— Эт, у Анны что ли? Ты её внук, Анатолий?

— Получается, что так.

— А что ж приехал?

Парень пожал плечами, не зная, что отвечать.

— Ну пойдём в дом ко мне. Чаем травяным напою, поговорим.

Деревянный домик встретил их прохладой и запахом смолы. Хозяйка схватила с полки несколько пучков трав, ловко надёргала из них листья и бросила в заварочный чайник.

— Меня Инна зовут, я травница. Скоро тут экопоселение обещали сделать по гос. программе, вот я и вернулась.

— Инна?

Он помнил одну Инну, вернее её свадьбу, где их с ребятами накормили огромным

белоснежным тортом в виде лебедя. А ещё они тайком попробовали шампанское, в затем и отцовского ремня.

— Что-то ты бледный какой? Заболел что ль

— Инна, скажите. Что про мою бабушку говорили?

Женщина помолчала. Присела, помяла в руках кухонное полотенце.

— А ты, Анатолий, в ведьм веришь?

— Раньше не верил, а сейчас не знаю. А что?

— Бабка твоя, Анна, ведьмой была. По ночам, говорят, в чёрную собаку обращалась и скотину грызла. Много пакостей людям наделала.

Толик не стал комментировать, и Инна продолжила.

— Умирала она плохо, сила её мучила, передать хотела. Только ты не приехал, а деревенские боялись, не подходили. Меня тоже звала, руки всё тянула, а я не взяла.

— А ты тоже ведьма?

— Ты не смотри, что я с травами возжусь. Сила у меня есть, но с нечистым не знаюсь. Да и у тебя есть своя сила, не чувствуешь, что ли, Анатолий?

— Что ж за сила такая?

— А вот такая. Чтобы ясно видеть и мир ведать.

Сердце замёрзло и пропустило удар.

— Инна, научишь меня?

Женщина усмехнулась.

— Ну оставайся, коль пришёл. Чему смогу — научу. До остального сам дойдёшь, как время придёт.

Инна постелила ему в дальней комнате. Договорились, что тяжёлую работу парень возьмёт на себя, а готовить будет хозяйка.

Толик хоть и считал себя подкаченным, но спина и ноги ныли с непривычки. То воды натаскай, то забор подлатай. Парень быстро покрылся густым загаром, даже волосы выгорели почти до белизны.

Инна довольно посматривала на него.

— Травам учить тебя не буду, долго это, терпения требует и особого отношения. Чую, что не твоё это призвание.

— А чему будешь?

— Как смотреть и слушать. Да не глазами, балда ты такая. Глаза закрывай и сиди. Хорошо, если вздремнёшь, только глубоко не засыпай, иначе с границы свалишься и время зазря потеряешь.

— А как я пойму, что правильно делаю?

— Поймёшь. Мимо не пройдёшь, точно. Только знаешь что? Иди-ка ты в лесу покукуй пока, чтобы под руку мне не попадаться.

Лес встретил Толика приветливо: ласковой прохладой и успокаивающим шёпотом. Парень выбрался на поляну и заметил раскидистый дуб, под ним и примостился. Ни фига не понятно, что делать. Попробовать подремать что ли?

Толик закрыл глаза и привалился к дереву. Как хорошо-то. Он вспоминал себя мелкого, лучшего друга Веньку, как они на речке тонули и выбрались, малину воровали ночью, как поругались и поклялись страшной клятвой быть врагами на всю жизнь.

— Хай, Толь. — Венька пошаркал босой ногой и сел в позу лотоса.

— Ты что здесь делаешь? — Толик спросил, а потом сообразил, что Венька перед ним

двенадцатилетний с дурацким чупом, из-за которого они и поссорились.

— Да вот. Глупо как-то всё вышло тогда.

— Глупо. Я помириться хотел, а тебя родители забрали и больше не привезли.

— Ага, мы на север укатили, на заработки.

— Ты это, извини, Вень. Я пошутить хотел, нормальная у тебя стрижка.

— Да, лады, чего уж там. Ты эт, чего я пришёл-то. Осторожней там. Ищут тебя.

— Кто ищет? — похолодел Толик.

— Да эта, Тамара Иванна.

Толик подскочил, ударился головой о ветку и проснулся. Полянка была пуста, никакого Веньки не было и в помине. Фух, приснилось. Вот и думай теперь — это вещей сон был или игры разума?

— Надо верить себе, — убеждала Инна. — И проблему твою разрешать придётся.

— Да как её разрешить? — Толик стукнул кулаком по столу и взахлёб начал рассказывать про свою беду.

— Да уж. Анна помогла тебе значит. Только вечно она помогать не сможет. Возвращайся-ка ты в город и найди эту Тамару.

— Да как я её найду?

— Так это не беда. Сама она придёт, видно дело своё до конца не довела, вот и мучается. Тебе, главное, защититься от неё смочь.

— Так не научился я ничему, неделю только здесь прожил.

— И этого хватит. Ты ум свой открыл и предупреждение получил. Дальше сам дар свой разовьёшь. А вот защиту от ведьмы я тебе дам и ставить научу, не пропадёшь.

Через два дня Толик вернулся в город, сжимая пакет с травами и инструкцией от Инны. У него было время до ночи, чтобы закупить необходимое и подготовиться. Вскоре дверной косяк ошетинился гвоздями, порог и подоконники были щедро обсыпаны солью и украшены веточками полыни и корешками плакун-травы. В подъезде и на лестничной клетке Толик рассыпал просо и начертил мелом мелкие крестики на стенах. Оставалось только ждать. Он устроился в прихожей, притащив туда стол с кухни и поставив два термоса с кофе.

В полночь раздался стук.

— Кто там?

— Это я пришла, подковку коню принесла.

— Уходи.

— Я рогатая, я бодатая, соль нам ни по чём, если за своим идём.

Замки со щелчком провернулись, и дверь со скрипом приоткрылась. Толик удивился — петли он смазывал месяц назад — ржавеют они от ведьм что ли.

Дряблая рука просунулась внутрь и постучала заскорузлым ногтем по косяку. Гвозди заёрзали, изогнулись и медленно поползли наружу, очищая путь для нечистой.

— Скоро покатаемся, поваляемся, — прокаркала ведьма и просочилась внутрь.

Растопырив руки и растянув рот в лягушачьей гримасе, бабка двигалась к Толику. Она подходила всё ближе и меняла внешность — из обычной старушки превращалась в редкостную страхолюдину. Нос удлинился и загнулся к верхней губе, глаза запали, спина сгорбилась, а морщины стали глубиной с Мариинскую впадину.

— Хороша ли я, добрый молодец? — прошамкал беззубый рот.

— Ну и мерзость, — не выдержал Толик, втыкая нож снизу в столешницу. — Теперь не выйди тебе отсюда.

Ведьма зашипела, скрючила пальцы и прыгнула к нему, да ловко, как молодница. Но и Толик не дремал, успел увернуться и выскочить в кухню, а оттуда на балкон, где была заблаговременно прицеплена веревочная лестница. Адреналин зашкаливал настолько, что парень просто слетел вниз, почти не прикасаясь к верёвкам.

Ведьма металась наверху.

— Пусти, выпусти.

— Нет старая карга, так и будешь там сидеть, пока не разложишься.

Толик отчаянно блефовал. Стоило случайному прохожему заинтересоваться бабкой и сразу возникнут вопросы — кто он, и зачем удерживает немощную женщину взаперти. А там и полицию вызовут и его заметут. Надежда была только на то, что ведьма так быстро не вспомнит, что они в цивилизованном веке живут, а явно под кайфом своим сейчас. Инна рассказывала, что соком аконита и белены они мажутся особым образом. Тогда человеческое сознание мутнеет, а просыпается звериная сущность со звериными же повадками. Хищные становятся, да не соображают ничего. — Выпусти, — завывала старуха, осознав безнадёжность своего положения. — Что хочешь сделаю.

— Хочу, чтобы ты никому в городе не вредила.

— Дак, я не смогу. Сожрёт меня саму изнутри. Пощади, выпусти. Тебя не трону, клянусь.

— Не так клянись. Там книга лежит в спальне, на тумбочке. Вынеси её на балкон и руку приложи.

Ведьма застонала, но всё исполнила. Черные страницы слегка дымились и явно жгли ей кожу, бабка морщилась, но терпела. Только после запирающего слова Толик поднялся в квартиру и вытащил нож из столешницы.

— Ну что, Тамара Иванна, надеюсь с вами больше не увидимся.

Ведьма сердито зыркнула в его сторону и поковыляла за дверь. Сдаваться было не в её правилах, Сладка будет месть этому сопляку с непонятно откуда взявшимся гримуаром. Ох, сладка. Тамара довольно улыбнулась, перекинулась чёрной собакой и, нырнув в тень, исчезла.

ЛИЗА

Лиза расхаживала дома в максимально открытом купальнике и периодически обтиралась прохладной водой. В квартире было жарко и душно. Окна выходили на юго-запад, и большую часть дня беспощадное солнце напрямую заглядывало в комнаты, никакие шторы и жалюзи не спасали.

— В этом году обязательно поставлю кондиционер. Это невыносимо. Дождусь только сентября, чтобы скидки.

Коротко тренькнул дверной звонок. Мутный глазок продемонстрировал эффектную брюнетку в алом костюме.

— Здравствуйте. Меня зовут Дарина Владимировна, я из вашей управляющей компании. Проверка показаний счётчиков.

В другой день Лиза не открыла бы дверь. Но уже три недели не было горячей воды вместо заявленных десяти дней профилактики. А ещё неверные начисления в последних квитанциях. Откуда-то взялся долг в пять тысяч. В общем, у неё накопилось много вопросов к управляющей. А они сами пришли.

— Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Женщина перешагнула порог, небрежно скинула туфли и уверенно направилась в ванную комнату, пренебрежительно мазнув взглядом по хозяйке. Лиза почувствовала себя странно, боевой настрой куда-то испарился. Было ощущение, что она стоит голой на ковре у директрисы, и та её отчитывает. Хотя нет, ещё хуже — молча и с презрением осматривает с головы до ног.

— Счётчики у вас в порядке. Давайте пройдем на кухню и заполним бланк проверки. Нужна ваша подпись.

Лиза зачарованно смотрела, как холёные пальцы с острыми красными ногтями перебирают какие-то бумаги. Тонкие, выкрашенные алым под цвет ногтей, губы двигались и что-то говорили. Боже, что же так жарко?! И какие глаза у неё чёрные и колючие.

— С вами всё нормально? Вы какая-то бледная.

Безумно хотелось пить, а ещё лучше окунуться в речку. Но здесь речки нет. Только раскалённый добела и сухой воздух, как в пустыне. Даже кажется, что вокруг гости закручиваются пылевые вихри, и сама она меняется — то вихрь, то человек.

У соседей сверху заиграли детские часы с электронной кукушкой: ку-ку, 12 ровно, полдень. Надо умыться, что-то голова совсем дурная, и ничего не видно — серая хмарь дрожит перед глазами.

Опираясь на стол, Лиза приподнялась и на ощупь побрела в ванную, оставив гостью в одиночестве. Дарина выждала три дыхания, запустила острые пальцы в пучок и сдёрнула резинку. Тёмные космы в беспорядке рассыпались. Тонкая синяя дымка окружила её, нагретый воздух кухни мерцал и накатывал горячими волнами, пышный бальзамин на подоконнике бессильно поник.

Зашумела вода в ванной. Опустив голову, Дарина разбирала пряди, прорезала их острыми ноготками и пела себе под нос.

Лебедой-лебедицей распустилась душица,

Свет на рожь ложится — полуденница рядится.

Наступила тишина. А затем: кап-кап, кап-кап, шлёп-шлёп. В поле зрения Дарины показались босые ноги. Она закрыла глаза и тихонько позвала:

— Принимай, Настька, новую сестру свою.

Входная дверь отворилась, впустив девушку с русой косой. Молча подошла она к Лизе, взяла её за руку и заглянула в глаза.

— Идём со мной, сестрица-водяница.

ГАЯНА

Гаяна раздражённо сдернула бейджик с блузки и швырнула в тёмную воду реки Жиринки. Сегодня её снова уволили. Строгая начальница, настоящая мегера, каждый день доводила девушку до слёз, убеждая, что никуда та не годится — рассеянная, витает в облаках, деловой хватки нет. Сегодня девушка не выдержала и попыталась впервые дать отпор, а Тамара Ивановна рассердилась и выбросила её на улицу. Вот ведьма!

Платить за съёмную квартиру ей теперь нечем, на еду денег не осталось. Что же делать? Гаяна прижала потные ладони к вискам. Как же болит голова, всё путается, ничего не сообразить. Наверное, это из-за жары. От воды вроде попрохладнее.

— Гаяна, опять ты рисуешь. Делай уроки, нужно хорошо учиться, чтобы стать юристом. Юристы хорошо получают.

— Mam, можно я ещё порисую.

— Лишь бы ерундой страдать — то поёт, то танцует, теперь вот за мазню взялась. Этим, дочка, на жизнь не заработаешь. Ты пойми, мы же с папой добра тебе хотим.

Гаяна усердно училась, закончив школу с золотой медалью. Легко поступила на юридический. Всё было легко, но так серо и скучно. Будто жизнь проходила где-то мимо, а она, Гаяна, стояла на обочине и тосковала.

На втором курсе она попала в больницу. Подняла руку ответить на семинаре, да так и застыла с этой рукой. Только что видела лектора, а потом резко темнота. Врачи ничего серьёзного не нашли, поставили диагноз — вегетососудистая дистония, прокололи, прокапали и отпустили домой, наказав не переутомляться. Зрение постепенно восстановилось, а желание учиться — нет.

Гаяна прогуляла одну пару, затем вторую и так пошло-поехало. Через полгода её отчислили за неуспеваемость, и она сбежала от родителей в захолустную Сервугу. Однако, город принял её с неприязнью и пытался выжить всеми способами. А ведь она так старалась быть как все, устроилась на хорошую работу, ходила на дискотеки с коллегами. А вечерами, втайне от всех, пыталась рисовать, мечтая стать художницей.

— Художник должен быть голодным.

— Что? — Гаяна обернулась и почти столкнулась нос к носу с черноволосой девушкой. — Вы что-то сказали?

— У вас бумажка какая-то выпала из сумочки, говорю. Вот, держите и не теряйте.

— Ой, спасибо. Там эскизы мои.

Незнакомка встала рядом с ней и тоже уставилась на воду. Разговор сам собой увял.

Как же невыносимо жарко. Гаяна перегнулась через парапет насколько смогла. Ох, так действительно лучше. Она ещё больше привстала на носочки и, балансируя, наклонилась ниже. И ещё ниже. Неожиданно порыв сухого горячего ветра налетел и ткнулся ей в спину, нарушив хрупкое равновесие. Тихий всплеск никто не услышал, как и вскрик. Девушка не умела плавать и сразу ушла под воду.

Небольшой вихрь ещё с минуту покружил над местом трагедии, уплотняясь до

состояния грозовой тучи. А затем распался длинными тёмными прядями волос, из которых шагнула незнакомка с хищным лицом.

— Принимай, Настька, новую сестру свою.

Под мостом сидела девушка с русой косой и плела ловушку для снов. Нанизала последнюю бусину и спокойно подняла глаза. Безвольно опустив руки, перед ней стояла Гаяна покрытая ряской и грязью.

— Идём со мной, сестрица-водяница.

СОНЯ

— Макса, Макса, — где ты псинушка моя ненаглядная? — белокурая девушка носилась по берегу и встревоженно кликала убежавшую собаку.

— Вот, блин, стрекача задала, подумаешь жирную чайку увидела. Говорили мне — Соня, не бери эту пузохвостку с собой.

Из кустов высунулась довольная морда и хитро прищурилась.

— Макса, вот ты где, кабачок мой пузатый. Иди-ка ко мне.

Рыжая толстая собака благосклонно кивнула и вальяжно направилась к хозяйке. Но у самой воды вдруг застопорилась и оскалилась.

— Ты чего? Сейчас домой пойдём. Корма твоего любимого поедем. Макса

— Не укусит?

Соня удивлённо обернулась. Сзади стояла высокая сухая брюнетка.

— Нет, она дружелюбная. Просто напугалась чего-то.

— Ну, не знаю. Что-то она у вас странная. Вон в воду полезла.

Соня взвизгнула и, не раздумывая, бросилась за собакой. Та успела довольно далеко отплыть и продолжала перебирать лапками, жалобно поскуливая.

Ей всегда нравились животные. Они были настоящими и верными, не то, что люди. Люди лгали, предавали, притворялись. А Соня, на свою беду, была настоящей красавицей — щёчки с ямочками, белокурые волосы до талии, бездонные васильковые глаза. Все поголовно парни на неё западали и все получали от ворот поворот.

— Макса, стой. Дурёха, ну доберусь до тебя.

Соня была на середине реки, когда горячий вихрь закружился над головой. Поначалу маленький и слабый, он набирал силу, захватывал воду, пока не превратился в две воронки напротив друг друга — воздушную и водяную. Всего минуту длилась дьявольская вакханалия, а потом растворилась, исчезла, как будто и не было ничего. Гладкое водяное зеркало безмятежно отражало небо, и только на противоположном берегу выла одинокая собака.

— Принимай, Настька, новую сестру свою.

— Идём со мной, сестрица-водяница.

Русая и черноволосая стояли у реки и наблюдали, как бледная Соня идёт к ним по дну.

— Уговор наш я выполнила. На полную луну августа приду за платой своей.

— Приходи, да меня зови.

— До встречи, русалка.

— До встречи, полуденница.

ЗНАКОМСТВО

Три бледных девушки молча и неподвижно застыли посреди зала. Их тела мерцали, то уплотняясь, то делаясь совершенно прозрачными. Пока девы сохраняли свой людской облик, но трансформация уже началась.

Маруся вздохнула и повернулась к подругам.

— Три новых русалки за неделю. Как так вышло?

Настя и Катенька пожали плечами — не ведаем, мол. Получилось и получилось.

— Настаська, признавайся — твоих рук дело?

— Водяной силой клянусь, я их не обращала.

— Хм. Чую, что правду говоришь. Ты ни при чём.

— Что ты делать будешь с ними, Маруся? Обучать же их надобно.

Маруся и сама знала. В этом году она снова приняла тяжкую корону главной русалки, Костромы, а вместе с ней и оберег — Чёрную Жемчужину. Теперь ей и учить, и рядить, а по первости и кормить новорождённых сестёр. Не продохнуть теперь от забот.

— Как зовут-то вас, горемычные?

— Лиза, Соня, Гаяна, — выдохнули девы, как листья сухие прошуршали.

— Пока поживёте здесь, в общем доме. Выходить наружу нельзя, там железо везде, сожжёт дотла сразу.

Девы послушно кивнули, только одна вскинула глаза. Гаяна, кажется.

— А что не так с железом?

Маруся устало вздохнула, махнула рукой — мол, садитесь, разговор долгий предстоит. И завела напевный сказ.

Сказывала русалка, что кровь у них голубая, светлая, как водица. А потому это, что нет в той крови железа. А коли было бы, то и секунды не прожили бы, сгнули бы в синем пламени, сами себя сожгли.

Сказывала ещё, что раньше жили и не тужили в лесах привольных, в реках чистых. Но время утекло, что вода, великий раздел случился, и некуда было им податься, токмо в города человеческие. Там и пища, и кров, и сила.

И всё бы хорошо, но с каждым годом всё больше и больше железа использовали люди. Поначалу русалочье племя стороной бегало, да избегало вещиц стальных. Но потом невозможно стало — куда ни шагнёшь, везде оно страшное и калёное.

— Но как же? Вы же здесь, — растерянно прошептала Гаяна, когда напев иссяк.

— Завтра узнаете, — Маруся тепло улыбнулась. Начну наставлять вас.

Всю ночь Гаяна ворочалась. Она пыталась вспомнить свою прошлую жизнь и как попала сюда. В голову приходили смутные образы, какие-то отрывки разговоров, имена людей, но всё приглушённое, присыпанное пеплом, не вызывающее эмоций.

Интересно, как спят русалки? Сама она то проваливалась в поверхностное забытьё, совсем непохожее на обычный сон, то вскакивала и переполненная энергией начинала носиться по комнате.

В моменты активности тело становилось совсем лёгким, словно наполненным щекотными пузырьками внутри. Девушка подпрыгивала, зависала в воздухе, потом медленно опускалась на пол и радостно хохотала. Почему-то казалось, что она так умела в детстве, а потом забыла.

Ответный смех донёсся из-за приоткрытой двери, и из коридора медленно вплыли Лиза и Соня.

— Я поймала темноту, — нежно прозвенел Сонечкин голос. — Смотрите.

Из раскрытых ладонек выскользнул тёмный шарик и ощерился белыми клычками. Круглые жёлтые глаза распахнулись и с любопытством осмотрели присутствующих. Из комочка развернулись лапки и крылья.

— Это Тьма.

— Как ты это сделала? Это же котёнок. Только с крыльями!

— Мяу, — возмутилась пушистая Тьма и приземлилась на плечо своей создательницы.

— Я не знаю, само как-то получилось, — растерянно ахнула Соня и попыталась пожать плечами, чем вызвала ещё одно недовольное мяуканье.

Комната словно бы наполнилась призрачным, нереальным светом. Темно, а всё видно, и какой-то экстаз во всех мыслях и чувствах.

Девушки схватились за руки и закружились хороводом между полом и потолком. Воздух был густым, как вода, только двигай руками-ногами и плыви. А можно даже и не шевелиться, а только пожелать и полетишь, куда захочется.

— А всё-таки быть русалкой не так плохо, — счастливо подумала Гаяна и закрыла глаза в сладкой истоме.

Маленькая когтистая Тьма вспорхнула к люстре и басовито загудела, как большой барабан.

— Она так мурлычет, слышите?

— Осторожнее, а то у нас тут зверинец скоро будет, — выкрикнула Лиза.

— Ну и что, я люблю животных, у меня раньше и собака была, — Соня вдруг осеклась и расплакалась. — Я вспомнила, моя Макса. Что с ней? Она там на берегу осталась.

— Ну не надо, — Гаяна обняла девушку. — Мы её обязательно найдём. Обещаю. Я тебе помогу. Твоя Макса ещё с Тьмой подружится.

Наутро Маруся собрала всех новеньких у Чёрной Жемчужины. Рядом с артефактом на вышитой подушечке лежал ржавый разводной ключ.

— Ну что, все попробовали коснуться железа? — Маруся удовлетворённо оглядела девушек, усиленно дующих на обожжённые пальцы. Как говорится, собственный опыт — лучший учитель. — А теперь я испытаю.

Главная русалка не спеша подошла к столу и спокойно обхватила инструмент рукой.

— Как это?

— Видела я, вы вчера танцевали. А музыку слышали?

Две девушки отрицательно покачали головами, а Гаяна задумалась:

— Кажется, я слышала. Но ведь тихо было.

— Так и есть. Музыку ту ловишь не ушами, а сердцем. Все существа, растения, камни, что ни возьми, — все они поют. И каждый на свой лад. Надо только эту мелодию почуять и подхватить.

Гаяна вспомнила статьи про ауру, вибрации энергетических полей. Световые волны, да в принципе любую энергию, вполне можно описать как музыку.

— Посмотрите внимательно, а потом закройте глаза и представьте гудение пчелиного улья. Попробуйте услышать его. Это звук железа. Как сможете петь с ним вместе, так и отсюда выйдете.

Гаяна послушно выполнила инструкции и... ничего. Она ждала, ждала и вдруг услышала низкий шум.

— Уууууу, мяу, ууууу.

Нечто пушистое мазнуло по ногам, прижалось тёплым боком и загудело-зажужжало громче. И тихим далёким эхом отозвался другой звук — низкий и вибрирующий, пронизывающий всё тело и всю суть. Железо запело.

— Я слышу, — Гаяна распахнула глаза.

— Я слышу, — эхом откликнулась Соня.

И только Лиза молчала, крепко зажмурившись и сжав кулачки.

В тяжком учении прошла неделя. Каждой новенькой было выдано раскладное зеркальце, чтобы облик человеческий наводить, и людей не пугать русалочьей бледностью и хрупкостью. Одна сторона была отражающая. Посмотришься в такую и вернется к тебе привычная людская личина. А на вторую сторону наклеено фото, чтобы личину ту не забыть и во всех деталях представить.

Девушки постепенно вспоминали своё прошлое. Но было оно как в тумане, нереальным. Как будто не с ними это всё происходило. Словно смотришь на отражение в воде, а оно колеблется, кривится, а потом и вовсе ветром сдувается в одну серую рябь.

Маруся радовалась каждому успеху и переживала каждой неудаче своих учениц. Больше всего её тревожила смурная и нервная Лиза. Она напоминала маленького хищного зверька, попавшего в капкан и готового отгрызть себе лапку, чтоб только в руки на даваться.

— Не слышу я вашего железа! — с каждым провалом Лиза ярилась всё больше.

Маруся только головой качала. Она такой же была в своё время. Испуганной, да гордой. Сама в воду бросилась от гордости той, да от страха сильного перед свадьбой с нелюбым. А тот, что люб был и в верности клялся, убиваться не стал, а скоренько привёл в дом жёнку и дитками обзавёлся.

Зла тогда была Маруся, очень зла. И так силён был гнев её, что сила помутнела. Копилась, копилась и вызрела Чёрным Жемчугом. И с тех пор все русалки её рода, что питались от этого оберега, вкушали толику яда, копили его в себе. И злоба медленно прорастала в их душах.

А Марусе даже в истинном облике приходилось накидывать морок, чтоб не было видно тёмный комок у неё внутри с лошадиную башку величиной. Стара она была, старше остальных, много повидала и долго от Жемчужины питалась. И если однажды не удержит Маруся себя в руках, позволит хоть капле тёмной души своей просочиться наружу, то беда будет большая.

Тени деревьев глухо шептались и вились под ногами, норовя запутать, сбить с пути. Одним взмахом руки успокоил он недовольных духов леса и прошептал благодарность защищающим предкам. Их длань, он чувствовал, простёрлась над ним, принося удачу и сопутствуя во всех делах, как и сегодня.

Долго он продирался сквозь бурелом, но вышел к полуночи на поляну, залитую бледным лунным светом. Большой трухлявый пенёк возвышался ровно посередине, как трон лешего, хозяина сих заповедных мест около Сервуги. По бокам от него трава была вытоптана по кругу, как плясал кто-то в пьяном угаре во славу лесного владыки, восседающего над миром в царском величии своём. Однако, в эту ночь не было ни танцев, ни веселья, да и глава лесной братии занимался важными делами вдалеке от этого места.

Таинственный гость, тем временем, достал нож из-за пояса, глубоко воткнул в податливую древесину и завёл речитатив.

На море, на окяне, на острове Буяне

Стоит пенёк трухлявый на поляне

Луна светит, месяц рогами метит

— Костя.

Рыжая девушка выскользнула из темноты и остановилась на границе света и тени.

— Катенька, — он нахмурился. — Зачем ты пришла? Опасно это.

— Костя, соскучилась я, мочи нет.

Девушка бросилась ему на могучую шею и начала быстро покрывать поцелуями каждый открытый участок кожи.

— Любый мой, ненаглядный. Свет мой.

— Катя, подожди. Прими свой истинный облик, не люблю я так. Знаешь ведь.

Тонкая фигурка отстранилась и поплыла, истончилась, побледнела, словно бы полупрозрачной стала. Волосы посветлели и, утратив рыжий оттенок, бледно-розовым потоком стекли до самой земли, глаза выцвели до еле заметной голубизны, как летнее небо в жаркий июль.

— Не люблю я этот образ, Костя. Как неживая я в нём. Хоть я и есть неживая, — горько усмехнулась Катенька.

— Для меня ты самая красивая и живая. Только ради тебя моё сердце бьётся.

— Так пускай за двоих оно бьётся.

Обнял Костя свою Катеньку и крепко прижал к груди.

— Будем за двоих биться. И я и моё сердце. Скоро уже, милая моя. Альфа наш стар и немощен, только я и Виктор ему соперники.

— Осторожнее, хороший мой, — прошептала девушка.

— Буду ходить на мягких лапах, так что опасность мимо пройдёт. Чую её нюхом звериным. Но и ты, свет мой, не робей. Уговор наш помнишь?

— Я сделаю всё, что потребуется.

Локоны Кати потемнели до багряного, а в глазах замелькали красные огоньки. Вспыхивали и гасли, как искры от костра.

— Так что случилось у тебя, любимая моя? Вижу, что встревожена ты?

— Не знаю. Что-то происходит странное. Три новых сестры-русалки у нас появились.

То одна за сто лет, а тут сразу трое.

— Чудные дела.

— А ещё Настенька не такая. Ходит и думу думает постоянно. Что ни спрошу — на меня огрызается. Боюсь я, что помешают они планам нашим.

Костя крепко обнял девушку и закопался руками в пушистые пряди.

Три года назад они встретились во время Русальей недели и с первого взгляда полюбили друг друга. С той поры и повелось, что каждое новолуние, когда сила русалочья на спаде была, ждал Костя Катеньку, а та сбегала от подруг втихую. Ведь узнают и запретят сразу же. Как же это с врагом встречаться да любиться.

Испокон веков известно ведь, что идёт война меж русалками и оборотнями. Сначала лес не могли поделить: перевёртыши ярились, что утопленницы добычу пугают, из-за них крестьяне в дубраву не заходят. А в деревне не поохотишься — везде кольев понатыкано, да ям понарыто, а спят все за оградами высокими и запорами крепкими.

Потом и за пруд спор пошёл. Приходили пить перевёртыши, да нарочно воду мутили, ил со дна поднимали. А русалки хватя их за холку и в царство своё утягивали. Когда два щенка так погибло, то заключили хрупкое перемирие и разделили владения. Хорошо хоть тихая Катенька поспособствовала и утихомирила гневливых сестер своих, Настю и Марусю. Жалко ей стало детей махоньких, не виноватые они ни в чём были, кроме как игр дурных по наущению взрослых.

Промежевали территории честь по чести. Но так уж случилось, что пруд и часть леса, что водяницам достались, оказались в черте будущего города. Постепенно люди деревья изничтожили, асфальт положили, железом град свой обнесли. А пруд иссох сам по себе и назывался теперь "Сухим".

Недовольны русалки, но договор нарушать нельзя. Был им путь заказан в дубраву, что перевёртышам отошла.

А оборотни в город не могли войти, кроме как по договору с людьми. Основали перевёртыши в лесу своё поселение под прикрытием староверов, которое со временем стало центром притяжения для практикующих йогу, цигун и разные просветления. Положено там было, чтоб мужики шастали в штанах, верёвочкой подвязанных, а женщины все в юбках длинных, чтоб подол до полу доставал. А в этом году и новая мода пошла — без трусов расхаживать, чтоб потоки астральные лишней тканью не блокировать.

А самых продвинутых отправляли в нирвану, так сарай за поселением назывался. И там в обрядовом кругу давали им новое имя и жизнь новую, подлунную. Принимали в стаю волчью.

Так что сильно рисковала Катенька, придя к возлюбленному на четверть луны, да в запретный для русалок лес. И свои, и чужие её бы не пожалели, если б изловить смогли. Но разве можно остановить любовь и запереть её в клетке? Она прутья раскрошит в щепки, вылетит синей птицей и озарит весь мир. А ежели этот мир изменить надо, чтоб любви там было место, то и на это пойдёт.

— Присмотрю я за твоей Настей, не терзайся, душа моя, — пообещал Костя. — Есть у меня один неофит на примете, рвётся давно уж к нам. Как раз задам ему испытание.

— Спасибо, любимый мой. А у меня уж всё подготовлено — и сон-трава и адамова голова, только папоротника цветок нужен.

— Купала скоро, помогу я тебе его сорвать. Вместе одолеем чародейские наветы.

Костя подхватил Катеньку на руки и уложил на мягкую траву. Земля холодила спину, но

не замечала она, потому что жаркие руки согревали её кровь, будоражили мысли и напоминали нечто давно забытое и важное. Но что конкретно, она никак не могла понять, не получалось ухватить мысль за юркий хвост.

Губы прижимались к губам. Каждый поцелуй — как волшебный цветок, зарождался бутоном и медленно распускался, входя в силу и затем увядая. Лепестки срывались, нежно скользили по коже, оставляя обжигающие росчерки.

Половинка луны невозмутимо взирала на них с недостижимой высоты и ласково улыбалась своим детям. Лучи падали, пугаясь и переплетаясь по дороге в драгоценную невесомую сетку из размытого света и сновидений. Этот покров ложился на поляну и прятал происходящее на ней. Любой посторонний увидел бы только марево дрожащего света и лёгкий туман, стелющийся по низу.

Катенька столкнула с себя любимого и наклонилась над ним, трепеща от сладкого ожидания. Волосы её развевались, хотя ветра никакого и не было. Глаза лихорадочно горели. Откинув голову, она запела, да не как люди, а как те, кто живёт по другую сторону. Не слова, а печальная мелодия лилась-разливалась окрест, призывая деревья склониться ниже, звезды сиять ярче, а сердце рваться от невыразимой тоски.

Ночные животные затихли, ни звука, ни шороха. Обнажённые тела мутно угадывались в ночном обманчивом сиянии. Но тут туман сгустился, напозл на влюблённых, обвил их тела, укрыл, спрятал в своём нутре. Словно тайное вершилось сейчас, и хотел лес сокрыть эту тайну не только от глаз чужих, но и от самого себя. Не смотри, не смотри.

На следующий день Костя, а точнее Константин Николаевич позвонил Славке.

— Здравствуй, Вячеслав. Как сам?

— Константин? — парень удивился.

— Да. Есть у меня к тебе предложение. Ты с зимы к нам напрашиваешься на закрытую территорию.

— Я помню, что без рекомендаций вы не берёте.

Не только не берут, но и жить спокойно не дают. Славка вспомнил сцену с охранниками-здоровяками у клуба. Он мог бы побиться на заклад, что это люди из посёлка. Вот таких квадратных и туповатых он уже несколько раз встречал и не с пользой для себя. Бить не били, но издевались.

— Не берём обычно, но есть всё же способ попасть к нам. Доверие нужно заслужить.

— Понял. Что нужно сделать?

— Проследить кое за кем. Ты, как я понял, это умеешь.

— Константин Николаевич...

— Да ладно, парень. Мы на тебя досе то же собрали. Думаешь, от нас можно скрыть, что ты журналистом работаешь и к нам забраться хотел для статейки очередной. Так вот, будет у тебя такая возможность, но сначала работа.

Славка похолодел. Так они знают. Хотя, чего он хотел? В маленьких городках всегда как на ладони. В одном конце чихнут, в другом здоровья пожелают. Ну если они в курсе и всё-таки к себе зовут, то можно попробовать. С мерами предосторожности, конечно же.

— Ок, согласен, берусь.

— Скину тебе фото девушки и адрес, где живёт. Нужно узнать — где, с кем, когда.

— Не ожидал от Вас такого, Константин Николаевич, может лучше детектива нанять, чтоб за женой следить?

— Меня постельные дела её не интересуют, Вячеслав. И не жена она мне.

— Ок, понял, не дурак.

— От тебя нужно «фото дня» девушки, а кроме того, описание любых странностей, если заметишь. И, желательно, планы, если сможешь узнать. Отчёт присылать будешь каждый вечер. Если есть вопросы — задавай.

— Вопросов нет. Замечу и узнаю, Вы правильно обратились.

— Не подведи, Вячеслав. До связи.

Славка удовлетворённо хмыкнул. На ловца и зверь бежит.

Поселение «Сервужский крест» было каким-то заколдованным местом. Сколько туда народу ездило, а журналистов не пускали даже под прикрытием, как чуяли. Славкин начальник несколько раз пробовал денег дать поселковым блаженным за информацию, но те молчали, как в рот воды набрав. Ни бабло, ни угрозы не помогали их разговорить — блаженные, одним словом.

А теперь, как удачно. Два интересных материала сразу. И про посёлок, и про девушку эту загадочную, которая почему-то Константина Николаевича заинтересовала. Непростая, значит, девушка.

Славка потёр руки. Наконец-то удача на его стороне — заработает и уедет из этого захолустья, где погибает его талант. Жаль только, что без Анастасии. После грандиозной пьянки в клубе «Сахар» он пытался её найти, но та, как в воду канула — никто не видел, не слышал, не узнавал. Было совершенно непонятно, как такая шикарная блондинка могла затеряться в провинциальном городке, где все на один горшок в детском саду ходили.

Тренькнуло сообщение. Хм, фото прислал и описание. Тоже Анастасия, только другая, русая зеленоглазка. Но симпатичная.

Тренькнуло ещё сообщение. Сегодня армагеддон что ли? Все чего-то хотят. Славка прочитал текст от неизвестного абонента и нахмурился. Перечитал еще раз. Чтоб его. Похоже Макса нашлась. То есть, наверняка, сначала потерялась, а потом нашлась.

Он схватил бумажник и бросился из квартиры, по ходу набирая номер сестры.

— Сонька, ну ты где? Давай, ответь же.

Короткие гудки. Господи, только бы ничего не случилось.

До собачьего приюта Славка долетел за полчаса, ворвался вихрем и бросился к худенькой девушке, сортирующей пакеты с кормом.

— Это Вы мне писали? Собака рыжая, Макса?

— Здравствуйте. Пойдёмте покажу, посмотрите Ваша или нет.

Девушка провела его мимо клеток и плачущих глаз, мимо боли и ожидания. И в каждом взгляде отражался он, Славка. Он и сам так будет лежать с отчаянием в глазах, если с сестрой беда случится. Она у него одна в целом мире, мелкая зараза. Вечная непослушница и проказница. Любимая сестрёнка.

В отдельном вольере сидела несчастная дворняжка, сильно похудевшая и облезлая. Хвост вяло вильнул один раз и замер.

— У неё на ошейнике имя и два телефонных номера указаны. Один не отвечает, а Вы — приехали, вот. Вчера нашли, из леса к людям вышла, очень напугана была и голодная.

— Это сестры собака. Она всегда два телефона оставляла. Бзик был, что с ней что-то случится. Заставила меня в детстве поклясться, что я о её животных позабочусь, если она умрёт.

Девушка подняла грустные глаза и обвела рукой помещение.

— Я тоже такое обещала. Только маме. И теперь у меня этот приют.

— Простите, я не хотел.

— Ничего. А что случилось с вашей сестрой?

— Не знаю, всё было нормально с ней. Но мы уже несколько дней не виделись.

— Я надеюсь, всё будет хорошо.

— Спасибо. Могу я сейчас собаку забрать? Роспись какая-то нужна или что?

— Ничего не нужно. Я рада, что Вы приехали. Надеюсь, она тоже порадуется, когда придёт в себя.

Попрощавшись с девушкой, Славка рванул домой. Первым делом, нужно было устроить Максу. В его квартире она бывала не единожды, и там всегда ждала уютная лежанка, миска в горошек и любимый погрызенный заяц.

Всё это время телефон стоял на автодозвоне, но без толку. Где же тебя искать, сестрёнка? Сонька была волонтером, постоянно куда-то бежала, кого-то спасала, пыталась обнять и согреть весь мир своими маленькими ладошками. Был мизерный шанс застать её дома, но чаще она обреталась в самых неожиданных местах типа разрушенных зданий или затопленных подвалов.

Славка перешёл к следующему шагу и начал методично обзванивать всех знакомых и коллег Сони. Стараясь никого не всполошить, он выдумал историю о своих проблемах, решить которые могла только сестра.

— Что там за проблемы, сынок, — пожилой таксист сочувственно скосился в его сторону.

— Да, не важно.

— Ты смотри, а то дядя Вова и помог бы. Я ж служил и по контракту ходил.

— Остановите у зелёного дома, пожалуйста. Оплата картой.

— Ну как хочешь, дядя Вова предложил. А дело твоё.

За секунду Славка выкатился из такси, взлетел на пятый этаж, вытащил ключ и попытался открыть дверь Сонечкиной квартиры. Но не успел. Коварная дверь распахнулась сама, чуть не заехав ему по лбу.

— Слав, ты что тут делаешь?

— Сонька, ты нашлась!

— Да и не терялась я, Слав. Да отпусти, раздавишь же, — пискнула девушка.

— А телефон твой где? Почему я дозвониться не могу?

— Телефон? Выронила где-то. Наверное, на берегу потеряла, когда Макса убежала.

Соня вдруг побледнела и схватилась за косяк.

— Тебе плохо что ли? Сонь, ты чего. Если ты за Максу, то она у меня.

— Не знаю, Слав. Тошнит что-то.

— Сонь, Сонь, а ну-ка вставай.

Парень подхватил сестру, дотащил до кровати и заботливо накрыл пледом.

— Сейчас скорую вызову.

— Не надо, Слав.

— Да какое не надо?

— Не надо.

Славка уже набрал 03, когда что-то в интонации Сони заставило его оглянуться и сбросить вызов. Зеленоватая мгла плыла по комнате, сгущаясь около фигуры девушки. Бледное лицо сестры, огромные голубые глаза, растрёпанные белые волосы — всё выцвело, стало как чёрно-белое изображение на экране старого телевизора.

— Сонь, кажется мне тоже плохо.

Парень попятился и упёрся стеной в шкаф. Этого не может быть. Это невозможно.

Соня плавно и неестественно встала, двигаясь как в замедленной съемке, подпрыгнула, зависла и зашагала по воздуху прямо к брату. Под ступнями у неё разливалось янтарное свечение, выстраивалась золотая дорожка, из которой вырастали жёлтые щупы-ветки. Они шевелились, извивались, оплетали лодыжки и ползли по ногам.

Вокруг потускнело, помутнело. Свет еле-еле мерцал, ощущение — будто стоишь под толщей воды. Стены отодвинулись, оставив брата с сестрой в огромном пульсирующем пространстве, где не было звуков, кроме равномерного далёкого гула.

Гул менялся, приближался и вскоре распался на отдельные голоса, причитающие:

— На море-окияне, стоит бел-горюч Алатырь камень.

Нахлынуло видение огромного острова. Был он того оттенка белого, как кости, пролежавшие не один век под дождём и ветром. Качался тот остров на волнах, как в колыбельке. А тело его пронизывали корни деревьев, выходили снизу и тянулись до самого дна морского, вгрызаясь в него и уходя ещё дальше в подземное царство.

Славка выдохнул и оцепенел, смотря, как пузырьки воздуха выходят у него изо рта и поднимаются вверх. Попытался вдохнуть и захлебнулся, закашлялся. Соня открывала и закрывала рот — что-то говорила ему или кричала.

Желтые щупы добрались до него и мгновенно оплели.

— Это же водоросли, — подумал Славка и отключился.

— Поцелуй меня, Николай.

— Какая ты сегодня горячая, Настя. Мне на работу пора.

— Встретимся вечером?

— Нет, сегодня я занят. На следующей неделе спишемся, зайка.

Темноволосый парень изящно спрыгнул с кровати и начал одеваться. Ленивая кошачья грация была отточена годами тренировок и тысячей разбитых девичьих сердец.

Всё при нём было — и кубики на животе, и мускулистые стройные ноги, и в меру накаченные руки. Прямой нос с лёгкой горбинкой, каштановые волосы до плеч, мягкие, как пух лебединый и завивающиеся на концах. И этот контраст няшности и звериной силы поражал всех женщин от мала до велика. Видимо-невидимо их пало от одной его белоснежной и слегка неуверенной улыбки. И русалка не устояла, поддавалась, раскисла, влюбилась.

— Мы с тобой уже год вместе. Я хотела поговорить.

— Конечно поговорим, зайка. Только давай не сейчас. Дел по горло.

Николай полюбовался на себя в зеркало, поправил рукава яркой, вызывающе расстёгнутой, рубашки и удовлетворённо кивнул. Идеально. Осталось дополнить образ дорогими часами и французским парфюмом. Но от этой, он мельком взглянул на девчонку, подарков не дождётся. Зачем только связался? Хотя мордашка ничего, да и фигура отпадная.

Парень обошёл вокруг кровати, прижал Настю к себе и провел губами по её шее сзади, да так, чтоб только дыханием коснуться. Та задрожала и попыталась повернуться, но он не дал — обхватил запястья и поцеловал мочку уха — одного и другого. Русалка выдохнула и обмякла в сильных руках, а он тоже выдохнул, но ей в затылок, взъерошив волосы и запуская волны мурашек до самых пяток. И что-то зашептал ей в волосы — неразборчивое и нежное.

Пальцы их свились на мгновение, и резко всё прекратилось — Николай отстранился и довольно ухмыльнулся — хорошо выполнена работа. Наставник бы похвалил. А теперь пора уходить, не мешкая. Иначе испортит впечатление от страстного прощания.

— Пока, милашка. Увидимся.

Николай послал воздушный поцелуй и исчез, оставив новую трещину на девичьем сердце.

Если любовь с первого взгляда существует, то она, наверняка, женского пола. Потому что логику её объяснить невозможно. Николай был равнодушен к красавице Насте, как, впрочем, и к другим девушкам. Он ни о ком не мечтал и не грезил, волшебное бирюзовое зеркальце раз за разом отражало пустоту в его сердце. Единственный человек, кого он обожал и лелеял — это он сам.

Прошлым летом Настя попыталась очаровать приглянувшегося парня, применив все уловки своего рода, но потерпела неудачу. С огромным трудом ей удалось стать одной из его девушек. Всего лишь одной из — обидно было и больно. Она и ласковой была и покорной, и гордой неприступной крепостью прикидывалась и даже, срам-то какой, сексуальное бельё купила — ничего не брало Николая.

И хотела уж было Настя от него отступить, да проступал из прошлого образ — как чернявый паренёк играл на дудочке на крутом речном берегу и дарил ей ленту алую. И так

Николай на него похож был, что щемило внутри от нежности и внизу живота сладкое тепло разливалось.

В дверь постучали. Неужели вернулся? Русалка вскочила и бросилась открывать. Неужто забыл чего? Да что бы ни было, а поцелуй она жаркий сорвёт и прильнёт ещё раз, вдохнёт родной запах и представит, что суженый рядом. Пусть и на секунду, а продлит своё счастье.

— Привет, Настя.

— Лиза? Что ты здесь делаешь? Как меня нашла? Как ты вообще ходишь, ты же не слышишь песнь железа?

— Как много вопросов, — Лиза жёстко усмехнулась. — Я за тобой следила. Это же ты меня такой сделала.

Настя опешила и отшагнула назад.

— Ты не можешь этого помнить. Ты тогда только родилась, как русалка.

— Я и не помню. Я догадалась. Маруся сильно удивляется, что так много утопленниц этим летом.

Лиза прошла внутрь, иронично приподняла бровь, увидев разворошенные простыни, и по-хозяйски уселась на единственный стул.

— Но Катя...

— Катя — тряпка, ни на что не способна, — оборвала Лиза. — А ты спокойно нас восприняла, вопросов не задавала, не интересовалась. Знала, откуда мы взялись.

— И что теперь? Марусе побежишь докладывать? У тебя доказательств никаких нет.

— Не побегу. Я всё думала в чём твой интерес, зачем тебе мы, неужели по обществу нормальному соскучилась. А теперь поняла. Это всё ради него?

— Ты видела? — Настя побледнела.

— Ага, смазливый красавчик. Чего испугалась?

Настя тяжело вздохнула и примостилась на краешке кровати.

— Не рассказывай никому. Влюбилась я впервые в жизни, вернее не-жизни. Думала сначала, поиграюсь и брошу. А не смогла, прилепилась крепко, всю себя отдала. А ему и не нужно. Холоден ко мне, и чары приворотные на него не действуют.

Девушка помолчала, собралась с силами и продолжила.

— Есть легенда, что мужчина полюбит русалку, если вернет она свою душу. Тогда и его душа откликнется, живое к живому потянется.

— Душу? Ты в это веришь?

— А ты в русалок веришь, — огрызнулась Настя.

— Ну ладно, предположим. А мы с девчонками здесь причём?

— Мне нужна помощь, чтобы забрать силу Чёрной Жемчужины. Кто ей владеет — правит всем нашим племенем.

— Как цари что ли?

— Вроде того. Поначалу я хотела, чтобы властительница наша, Маруся, вами занялась и ослабла. Она рассказывала, что поддержка новых сестёр много энергии выкачивает. Но лгала, видимо. Как была до вас бодрой, так и сейчас бегаёт.

— Сонька с Гаянкой талантами оказались, не нужна им помощь особо. Жемчужина только меня питает.

— Вот оно как?

— Я тебе помогу. Но только по бартеру.

— Что ты хочешь?

— Силу хочу, чтобы не просить у Маруси вашей, чтобы самой решать куда и когда идти.

— Договорились. Будет Жемчужина моя — поделюсь с тобой силой.

— Ну по рукам, сестра.

Лиза заскочила в любимую кофейню и присела в дальнем углу, заказав латте. Не по своей воле она оказалась в незавидном положении, впрочем, ей не впервой.

Женщины все её ненавидели за успешность и внешность, стремились подставить, перед начальством оболгать. Шушукались, что известным местом она свою должность получила. Только каждый по себе судит. Лучше бы работали, сплетницы тупые, а не чай гоняли.

А мужчин Лиза, в принципе, за людей не считала — пассивные и ленивые. Не встречала ни разу принца с умом и характером, ни на коне, ни на авто. Фиг бы с ней этой внешностью, пусть не мачо, зато вместе бы бизнес вели. Но нет, одни инфантилы вокруг, а мамочкой она им не занималась.

Сейчас судьба сильно пнула Лизу, но она из тех, кто даже в полном хаосе найдёт возможности выплыть и стать сильнее. Уже нашлась союзница для реализации планов, оставалось только продумать стратегию, ну и месть, конечно же.

Днём ранее Маруся надела ей серебряную лунницу на шею.

— Оберег этот укроет тебя от железа калёного, носи его, не снимая. Но сила Мары, что качает луну в ладонях, не безгранична. Есть предел всему.

— И каков этот предел?

— Лунница силу пьёт у Чёрной Жемчужины. Нынче, после русальной недели, силы той навалом. А как полгода минет, то на самом дне лишь пару капель останется. И те мы храним на случай непредвиденный.

— И что мне придётся взаперти сидеть?

— Коль железо не услышишь, то доля твоя такая будет.

— А что больше силы нельзя накачать?

— Нельзя. Каждую Троицу выбирает русалка себе спутника и кусает его.

— Как вампир что ли?

— Нет, мы не упыри. Не плоть нам нужна, а душевный свет, и укус тот обычным взглядом не увидишь. Так вот, берём мы у человека столько, чтобы не убить. Втроём мы творили последний ритуал — каждая себе запасала и долю свою в Жемчужину вкладывала. Не ведали мы, что так много сестёр явится, и сила наша будет тратиться быстрее обычного.

— Так проведите новый ритуал, чтоб на всех хватило.

— Не наше время сейчас. Проклянет нас морской бог, ежели закон нарушим. — Маруся испуганно замахала руками и начертила перед собой какой-то замысловатый знак.

Лиза раздраженно мотнула головой. Не будет такого, чтобы как в тюрьме её запирали. Она — ведущий менеджер, в подчинении двадцать человек, а тут дичь какая-то средневековая творится. Да и ещё и дура эта влюблённая. Нашла в кого втюриться.

Лиза много раз видела этого Николая, или как его там, в "Сахаре", и он отнюдь не в рясе был. Хотя, говорят, один раз вышел к шесту в монашеском одеянии. Вот забавно, наверное. Такие прощельги и альфонсы не стоили и её мизинчика, она их насквозь видела.

Первым делом, девушка достала телефон и открыла рабочую почту. Пришлось с утра заскочить в квартиру, чтобы забрать необходимые вещи и хорошенько дверь запереть после недалёкой Насти. К счастью, ничего не пропало, повезло.

Итак, отправить сообщение на работу — попала в ДТП, лежу в больнице. Справку

липовую ей знакомые сделают. Связаться с родственниками? Пожалуй, это лишнее. В Сервуге у неё никого не было, а остальные звонили раз в месяц. Наоборот, вопросы появятся, если она названивать начнёт без причины.

Ну и выяснить кое-что не мешало бы. Лиза набрала номер и затаила дыхание. Не любила она сюда обращаться. Но зато результат гарантированно будет.

— Здравствуй, Лизонька. Давно ты старушке не звонила.

— Да какая вы старушка, Тамар Иванна. На вас вон мужчины на улице заглядываются.

— Ох льстишь ты мне, Лизонька, льстишь. Хочешь верно чего?

— Просьба есть у меня к вам, Тамар Иванна. И оплата, как обычно.

— Женщина я слабая, но чем смогу — помогу. Рассказывай, что за дело у тебя.

— Работает в "Сахаре" паренёк один. Так нужны фотографии с ним.

— Какого рода?

— Самого откровенного. И чтоб с девушкой был красивой.

— А может и с двумя?

— Нет, с одной только. И еще пусть будут романтические фото. Ну типа он ей цветы дарит, на руках носит. Любовь-морковь, все дела.

— Интриги мутишь, девочка. Да не ворчи, не ворчи, будут тебе снимки, какие хочешь. Через недельку позвоню. Жди.

Тамара Ивановна отключилась, и Лиза облегчённо вздохнула. Побаивалась она этой женщины. Насколько было известно, Тамара владела туристической фирмой, но в этой нише особо сегодня не заработаешь в таком захолустье. Однако ж, у старушки водились деньги и немалые. Она могла и позволяла себе выписывать тряпки из Милана и выглядела, как актриса на вручении Оскара — напыщенно и нелепо, хоть и дорого. Впрочем, старушкой Тамару только молодёжь называла. Для многих, например, для того же Николая, она была интересной и богатой женщиной в самом соку.

Следующее дело ждало Лизу в архивах. Вот и понадобились старые знакомства и влюблённый в неё со школы заикающийся Тимофей.

— Тим, а ты совсем не изменился.

Вихрастый паренёк, кажется, потерял дар речи при виде своей гостьи. И не удивительно. Она чуть подкорректировала свою человеческую личину до недостижимого ранее идеала.

— Лиза, Лиза, ка-ка-кая ты...

— Да ладно, Тим. Поможешь мне?

Конечно, он не смог отказать. Для неё он бы достал луну с неба и пошёл бы в шпионы, если был бы малейший шанс. Боль терзала Тима, так как он понимал, что в подмётки Лизе не годится, и она никогда не взглянет на него, как на мужчину. Проклятое заикание. Если бы не оно. Одно время он даже хотел обрить половину головы по примеру Демосфена, чтобы был стимул заниматься. Но почему-то не решился на столь радикальный шаг.

До вечера они копались в пыльных бумагах, Лиза уже вся исчихалась и подумывала бросить поиски. Тем более она не была уверена в пользе этой затеи, но работа приучила её проверять все версии до конца.

— Вот, ка-ка-жется, что-то по-по-хожее. — Тимофей бережно разглаживал какие-то пожелтевшие листы.

— Покажи. Что за каракули, не могу разобрать.

— Здесь написано про расследование, проводимое приказчиком Масловым по указу

помещика Шустова. Если коротко, то смотрелось дело холопа Родиона, обвинённого в убиении девицы Марии, уроженки села Вышенки и воспитанницы жены помещика. Установлено было, что Родион обесчестил Марию и пообещал жениться. Опекун девицы, однако, просватал её за другого своего крепостного, зажиточного мельника. Девица из-под венца сбежала и спряталась у Родиона. — к удивлению Тим совершенно не заикался при чтении текстов.

— А я думала она в воду с горя.

— Нет, здесь указано, что Родион отвёл Марию посреди ночи к реке под предлогом побега, а там её и утопил коварно и предумышленно. Чтобы не вскрылся факт его овладения девицей и её укрытия. Ты это иска-ка-ла?

— Похоже, что это. Сделаешь мне копию, солнышко?

Лиза довольно улыбалась, чувствуя себя сытой и хитрой кошкой. Всё совпало — и название поселения и имя возлюбленного Марии-Маруси. Значит, не сама она в реку бросилась, а поспособствовали ей. А у Маруси, видимо, сформировались ложные воспоминания о моменте смерти. Прекрасно, это можно использовать. Жаль, про Настю и Катю ничего не нашлось.

Вечер был прекрасный — томный и тёплый. В кафе у «Сухого пруда» был аншлаг, народ вовсю гулял и славил щедрость заведения, предлагавшего один бесплатный напиток каждому посетителю.

Палящий зной ударил в голову управляющему и вышиб или, скорее, вшиб гениальный маркетинговый ход — устроить День Нептуна на две недели раньше срока. По всему залу медитативно журчали маленькие фонтанчики, торчали рыбки морды из папье-маше, а официантки щеголяли кокетливыми чешуйчатыми хвостами, прилепленными на спине чуть ниже талии.

Меню тоже было оригинальным. Лиза заказала себе русалочки жабры под соусом из морских коньков-горбунков и салат из Ктулху с маринованными помидорчиками. Настя ограничилась чёрным кофе и куском Наполеона.

— За много лет отвыкаешь от этой человеческой привычки — поглощать пищу. Но вот от кофе и сладостей не могу отказаться. — Старшая русалка виновато улыбнулась и, зажмурившись, отпила глоточек. — Горечь и сладость одновременно, напоминает мне о временах, когда живой я была.

— Не могу представить, как это — не хотеть есть. Чувствую себя жутко голодной.

— Это всего лишь голоса в голове. Последние года были добрыми, еда доступна, люди привыкли кушать, когда захотят. Кто-то горе заедает, а кто-то переживания, или как сейчас модно говорить, стресс.

— А если Чёрной Жемчужины не будет?

— Желаешь знать, сможет ли человеческая еда нам силу дать вместо Жемчужины? Не бывает такому.

— А если будет другая Жемчужина?

Настя повела плечами, как от холода и лицо её заледенело, напряжённым и неподвижным сделалось. Хотела она власть у Маруси отнять, артефакт себе присвоить. Но и мысли не могла допустить, чтобы закон нарушить и создать новую Жемчужину вне правил и без поддержки сестёр.

— Нельзя так, Лиза, иначе беда большая придёт. Не знаешь ты.

— Так расскажи. Объясни — почему и кем это запрещено.

Хотела Настя одёрнуть сестру, что рано ей такие вещи знать, что она пока как дитя малое. Но ведь и дитя учится ходить и говорить — кто-то раньше, а кто-то позже. И не заставишь ребятёнка в люльке сидеть, ежели он выбраться хочет.

— Расскажу. Так слушай же. Заведено так Высшими Силами иль Богами, никто уж и не помнит за давностью лет. Но каждый год собратья русалки могут только единожды в Зелёную Русалью неделю, чтобы родилось чудо невиданное, душа нашего племени, всемогущая Жемчужина. А ежели кто начертанное свыше преступит, то кара постигнет нечестивца.

— И что это за кара?

— Неведомо то, сестра.

— Так может и наказание это — выдуманное? Ты сама послушай — никто наказанных не видел, никто не знает, что произойдёт, но все боятся. Зато как удобно, что власть Марусину страшно оспорить. Она и правит спокойно. Это же она тебе легенду рассказала про этот закон?

Лиза насмешливо уставилась на сестру, и той сделалось неудобно. Действительно, Маруся самая старшая из них — она их неразумных выходила, русалочью не-жизнь показала, научила первым чарам оборотным. А длинными вечерами баяла сказы и былинки старинные — как мир устроен и где путь водяниц бежит. А как свернёшь с того пути, так и потеряешься. И не спасёт уже ничего — ни молитва, ни племя родное, ни чары любовные.

Настя серьёзно задумалась, что правда, а что ложь в тех словах, которым раньше верила беззаветно.

А Лиза прищурила глаза и наблюдала. Одну битву она уже выиграла — зерно сомнения упало на благодатную почву и дало всходы.

Фёдор копнул, ковырнул и упёрся в твёрдое.

— Клад!

— Тащи его оттуда.

— Подсоби, ёжкин ты сын, чегой-то тяжёлый такой. Верно, много золотишка упрятано.

Два мужичка стояли посреди леса на небольшой полянке у могучего дуба. Светила полная луна и оттого тени казались густыми и зловещими. Высокий и жилистый Прокоп держал факел, а второй мужичок занимался общественно-полезным трудом, вскапывая уже третью яму вокруг дерева.

— Смотри-ка, железный сундучок нехилый, замочек токмо хлипкий дюже.

Фёдор замахнулся было лопатой.

— Стой, сначала папоротник приложить надобно.

Из-под потрёпанной старой свитки Фёдор извлек увядшее растение с болтающимся цветком весьма неприличного вида. Дрожащими руками положил срам этот на крышку выкопанного ящичка.

— Чой-то ничё не делается.

— Может не сразу подействует? Давай подождём.

Пламя факела потускнело и заметалось умирающим мотыльком. Темнота придвинулась.

— Слыш, они здесь уже. Бродят там и шепчутся.

— Не слышу я ничего. Ты, только, Фёдор не оборачивайся. Нельзя тебе, ты цветок рвал.

— Они за мною пришли, господи спаси-сохрани.

Фёдор хотел перекреститься, но остановился, вспомнив, что клад сразу в землю-матушку уйдёт. Тогда Прокоп ему долг не простит и детишек, отданных в батраки за долги, затравит. А Манька хилая совсем, ноги еле волочет, еще седмица и точно помрёт девка. Ничо, перетерпит он ради Маньки и ради Ваньки, нечистая сила его не тронет, если глаза держать долу.

— Ты смотри у меня, молитвы читать не вздумай.

Фёдор мелко закивал и решил думать о покойной жене своей, Глаше. Красива была зазнобушка его и добра, а как пела — не наслушаться. Жаль лихоманка её прибрала, как сыном разродилась. И сколько лет уж прошло, а тосковал он по ней сильно.

Срамной цветок как будто побелел.

— Дык он светится что ли?

— Точно, светится. Смотри и лепестки шевелятся.

Фёдор напряженно замер, уставившись на бесовское зрелище. Его полные, детские губы раскрылись и задрожали от испуга и восторга. Он не замечал, как Прокоп зашёл ему за спину и вытащил самодельный нож. Темнота леса между тем придвинулась ещё ближе и угрожающе зашелестела на разные голоса.

В тот же миг цветок папоротника вспыхнул ярким светом, а крышка сундучка тихонько щёлкнула и приоткрылась на один палец. Прокоп вскрикнул и, забыв обо всём, кинулся вперёд, отбросив почти погасший факел. Обхватив ящик руками, он что-то горячечно забормотал, откинул крышку до упора и запустил туда обе руки.

— Золото, яхонты, смеральды, лалы — да здесь на полцарства хватит. Заживу теперь. Все подо мною ходить будете.

Кто-то или что-то пронеслось слева от Фёдора, обдав холодом и заставив зажмуриться крепко-крепко. Холодные пальцы погладили по щеке и коснулись виска.

— Проклятье, не могу рассмотреть, что там. Как в жёппе у чёрта, — выругался Прокоп и наклонился ниже, почти засунув голову в ящик.

Хлопнуло, стукнуло, затрещало и затихло. Фёдор подождал немного и позвал:

— Прокоп.

Нет ответа.

— Прокоп. Ты здесь что ли?

Тихо, только лес шумит, птицы и звери ночные кликаются. Фёдор осторожно приоткрыл один глаз, потом второй. Около сундука валялось бездыханное тело Прокопа без головы, а крышка сундука было плотно закрыта.

Через час задумчивый Фёдор выходил из леса. Яма была засыпана, а клад упрятан обратно. Повторно вскрывать сундук он не пробовал, да и волшебный цветок куда-то запропастился.

Последний раз он оглянулся назад — поклониться, да лешего-батюшку поблагодарить. И разглядел — в подлеске стояла Глаша его, словно сотканная из клочков тумана. Стояла, как живая, только очень бледная, махала рукой ему и улыбалась.

Мужик ушёл, а призрак медленно повернулся и уплыл в темноту. Только ошибся Фёдор, не Глаша то была, а Беяна — злой дух, полуночница. Уж тысячу лет промыкалась Беяна на свете, а потом со счёта сбилась. И так тоскливо ей было, так муторно. Тянуло её к людям, занятыми они казались, только жили недолго по Навьим меркам. Вспыхнет новая жизнь и сразу угасает — короткий их век и яркий, как у бабочки-однодневки. Завидовала полуночница людям, а иногда жалела и помогала. Вот и сегодня не удержалась.

В душе мужичка этого так светилось и искрилось, что она сквозь чашобу почувствовала, увидела, слышала и пришла на чудо дивное посмотреть. Знала уже, что такое любовью зовётся, и любовь эта — великое счастье. Да только духам не дано познать ни любви, ни ненависти, ни радости — бесплотные они и бесчувственные.

Прижала Беяна ладошку полупрозрачную к груди, где у живых сердце бьётся и ощутила там пустоту, холодом веющую. Хотела Беяна поплакать, говорят слёзы облегчение приносят, а не смогла. И тогда подняла полуночница голову и закричала криком страшным и прокляла всю Навь и себя саму. Тишина была ей ответом, не удостоила Навь ни обидой, ни наказанием.

Всю ночь бродила Беяна по своим владениям, царапала грудь свою длинными когтями — да заживало на ней быстро, вырывала клочьями волосы белые — да ещё длиннее отрастали, металась, металась пока заря-заряница не забрезжила.

Пришла зорюшка ясная, взглянула на землю, глаза сонные протёрла и провела черту — день от ночи отделила. На меже той и встретились полуночница и полуденница, две сестры, два духа навьих. У одной волосы, что лунный свет льются — белы и гладки, у другой — тёмные космы спутались, до пят висят. Одна с глазами серыми, как сумерки вечерние, а другая — чёрноглазка, как туча грозовая в жаркий полдень.

— Опять ты, Беяна, тосковала? Недалече так и беду накликать.

— Не могу я так, Даринушка. Тошно мне, не жизнь это. Лучше б умерла я, а как не знаю.

— Нет для нас жизни, Беянушка, и смерти нет. А за слова такие, смотри, Навь тебя накажет, хуже смерти покажется.

Развернулись сёстры и отправились восвояси, по делам своим — полуночица ночью заведовала, а полуденница днём правила. А на заре вечерней вновь свиделись, серпом жатным обменялись, символом власти своей. И так день за днём и год за годом, пока не взмолилась Беяна.

— Дай ты мне, сестрица, белый свет посмотреть, солнышко поприветствовать. Позволь на денёк с тобою местами поменяться. Людей хоть увижу, как они живут да бытуют, детки как играют. А то творится токмо жуткое под покровом ночи, окромя утех любовных. Да устала я уже те утехи подсматривать. Есть же что-то в мире большом, что нежностью да заботой зовётся.

Задумалась Дарина. Страшно ей порядок заведённый нарушить, да сестру жалко — зачахнет совсем. Да и согласилась — шагнула на ночную сторону, уступила сестре.

Радостно закружилась, завертелась Беяна, побежала навстречу рассвету и сгинула, не вернулась ни вечером, ни на следующий день. Искала её Дарина, по всему миру летала, но только серп оплавленный посреди пепелища нашла да пёрышко рыжее. Схватила она это пёрышко, а то в огонёк перекинулось и обожгло бы руки человеку, но полуденница — не человек. Погорело-погорело перо волшебное, да погасло, обычным сделалось.

Долго ли коротко, ходила Дарина по земле, бродила. Одна-одинёшенька она осталась — и ночь и день в её власти. За всем присмотри, крестьян пожури, а кого и с собой заberi. Жестока она стала без сестры, так серп жатный и мелькал, жизни обрывал. Боялись люди, молились усердно, да не долетали слова их до сердца Дарины — неведома жалость была для духа бестелесного.

Не выходи в поле в полдень под паляще солнышко, не гуляй в лесу полночь под луной, запирай двери после заката, а то явится чёрная, страшная с полумесяцем в руке сверкающим и не будет спасенья. А кто дух злобный встречал, да избежал доли незавидной, те сказывали, что висит у ней на груди то ли пёрышко рыжее, то ли огонь ярый. Да такой, что смотреть невозможно.

И однажды ночью пришла Дарина в избу охотника на плач детей его беспокойных. Серпом махнула, через порог шагнула и застыла, забыла зачем пришла. Смотрела всё — висели на стене шкурки, а среди них пучок из перьев рыжих, точь-в-точь, как сама носила.

Показалась тогда полуденница во всей красе своей — пальцами костлявыми ухватила охотника за шею и в глаза уставилась. Не трону, говорит, тебя и детей твоих, ежели скажешь откуда добыл ты чудо чудное. А тот и рад был помочь, уже и не чаял как спастись.

И сказывал охотник, что за лугами да за холмами стоит высокая гора, в горе той пещера. Заходишь внутрь, а там темень, хоть глаза выколи. А потом приглядишься, светится уголок один. А там проход ещё вглубь, валуном мшистым заваленный. Подвинуть ежели камень тот, то увидишь чертоги красоты невиданной, а в них пламя подземное, ярче солнца. Одним глазком на него охотник взглянул и чуть не ослеп, еле-еле выбрался. Только и успел горсть перьев цапнуть, что на краю лежали. Уж потом и рассмотрел, что перья эти светились да искрились.

Выполнила Дарина обещание своё — не тронула охотниками с дитячками. Строго им наказала заветы предков исполнять, до полуночи двери запирасть. А сама отправилась к высокой горе.

Там, где охотник седмицу шёл — она за шаг одолела. Там, где диких зверей отгонял — они сами ей кланялись да дорогу показывали. Там, где брод три дня искал — она над водой проскользнула. Так и добралась к следующей ночи.

Притомилась Дарина, присела в роще березовой, а сама на гору смотрит. А там, на вершине, пламя бьётся и мечется. А из него шары огненные свиваются, да ввысь летят. А как до звёзд достанут, так вниз рушатся и у самой земли перекидываются змеями крылатыми — по четыре крыла нетопырьих у головы, и маленькие крылышки вдоль всего хребта. Ударится такой змей о землю сырую и глядь, стоит добрый молодец — сажень косая в плечах, волосы русые, глаза яркие васильковые. Такие все красавцы, что ни в сказке сказать ни пером описать.

А среди молодцов нет-нет, да и мелькнет коса серебристая девичья.

Смотрит Дарина дальше и чудится ей, как будто сестра её, Беяна, в кругу пылающем стоит. Змеи огненные крылатые над головой реют, хвостами по воздуху хлещут. Добры молодцы под руки её берут и в пляс ведут. Взмахнула Беяна одной рукой и млечный путь с неба стёк прямо ей под ноги, взмахнула другой рукой — и покатила луна, как колобок небесный, по звездной дороге. Свалилась к ногам Беяны, а та её подняла, разломилась, да давай угощать змеев крылатых. Как курям им кушанье кидает, а те в полёте ловят и глотают.

А как наелись, то поднялись змеи до неба и обрушились водопадом вниз, опутали Беяну с ног до головы, вспыхнули, как костёр на сушняке. Вскочила Дарина, к сестре бросилась, да поздно уже было.

Оттащила одного гада, другого, а их там тьма тьмушая. Тогда призвала силу полуденница и обратилась вихрем иссушающим, неистовым. От земли до звёзд закрутилась воронка чёрная, разрослась, расширилась, выхватывая из земли целые деревья, поднимая пудовые камни. Раскидал вихрь могучий всех змеев в стороны, только Беяна осталась посреди поля — лежит бледная, недвижимая.

Взяла Дарина сестру за руку, а та ресницы приоткрыла и молвила:

— Ох, зачем ты пришла, сестрица? Зачем помешала?

— Да как же?! Не могла я не спасти тебя от чудищ поганых, что спалить хотели.

— Так сама я об этом попросила. Как ушла я в день заместо тебя, сестрица, так встретила солнышко яркое. И так любо оно мне было, так чудно, что не утерпел могучий Рарог, слетел ко мне ясным соколом — посмотреть, кто так свету божьему радуется. Я ему все беды свои и поведала. Усмехнулся он, крылом взмахнул пламенным да отправил меня к братьям своим меньшим, что зовутся вихрями огненными. Есть мол у них чародейство древнее, тайное, что человеком меня может сделать. Подумали огненные вихри и помочь мне решили, если поделюсь с ними лунной силой своей.

— Что же ты, Беяна, отдала всю силу?

— Отдала до последнего кусочка, сестрица, ничего не пожалела. Но родится новая луна и сильна так же будет. Не знает змеево племя, что нельзя эту силу навсегда забрать.

— И что ж дальше было?

— Поведали мне, что заклятье это жуткое и мучительное — сгореть мне надобно в огне волшебном от тысячи и одного вихря. Но не страшилась я, готова была. Тысяча змеев сразу набралась, но пока последнего искали, ты и подросла. Не удалось до конца дело сладить.

— Что же будет с тобой, Беяна.

Покачала полуночица головой и глаза прикрыла. Щёки побледнели, светлые волосы разметались, изломались как пожухлая трава. Сидела Дарина и баюкала сестру, обнимала, гладила, колыбельную тихо напевала.

Слетел тут с горы огромный змей золотой, оземь ударился и встал молодцем статным. А на голове у самого корона сияет из самоцветов, вплетённых в узор затейливый. Владыка

огненного племени то был.

— Зря ты волшеббу нашу прервала, полуденница, — заговорил владыка. — Теперь ей истинным человеком никак не сделаться — застрянет она между Навью и Явью. Себя нынешнюю запомнит, жизнь прошлую забудет, а сила останется, не выгорело нутро её чародейское до конца. И будет та силушка тело человеческое мучить, думы смущать, жизни не давать

— А можно ль спасти её?

— Не остановить заклятье никак — не будет больше Беяны, а будет человек — не человек, дитя — не дитя, женщина — не женщина. Ежели найдёшь её, то приходи, подсобим, чем сможем.

Закрутился владыка колесом, рассыпался снопом искр и исчез, только его и видели. Одна искорка попала на Беяну, вздрогнула та и таять начала, как редет туман над лесной речкой. Истончилась постепенно вся и ускользнула белым облачком из рук Дарины. А как последняя дымка растаяла, то поняла полуденница, что нет сестры её больше.

И в тот же час, в тот же миг раздался крик новорождённой девочки в далёком-далёком городе. У Ивана и Татьяны родилась долгожданная и любимая доченька — Тамара.

Росла Тамара счастливой и всё у неё было, что могла душа пожелать. Стала красавицей-раскрасавицей, от женихов отбоя не было. Баловали её и лелеяли. Вот и замуж вышла не только по согласию родителей, но по любви, но и года и прошло, как вдовой осталась. И когда второй раз сосватали — повторилась история. На неё уже поглядывать нехорошо стали и через плечо плевать, чтоб не сглазили.

А всё ж нашёлся третий муж, Прохор, когда родителей в живых не было. Защитить уж никто не мог и стал муж руку на Тамару поднимать. Раз, второй, а на третий не стерпела она, такая злость проснулась, что проклятье само с губ сорвалось. Пожелала околеть и околет Прохор тут же.

Больше она замуж не шла. Прожила Тамара жизнь долгую, ни болезни, ни старческая дряхлость к ней не липли. Уже пора бы и честь знать, но никак смерть за ней не приходила. Устала она, натерпелась, насмотрелась и злости людской и предательства. Только и грело её воспоминание о родителях, да первом любимом муже.

Снились Тамаре сны странные, дивные, где летала она над лесами и долами, украшала пальцы перстнями со звёздами, гуляла по лунной дорожке, плескалась в заповедных озёрах. Чудилось ей, что в тюрьме она, в теле человеческом заключена и оттого злилась и металась по кровати. А как просыпалась, то плакала неизвестно от чего.

А сила её как проснулась, так и росла с каждым годом, жгла изнутри. Становилось полегче, ежели выпускать её, колдовать, да людям вредить. А что ж им помогать, когда столько гадости в них, света за мерзостью и не видать.

Сделалась Тамара жёсткой и властной, угасло в ней добро с годами. И в окружающих она как в зеркало смотрелась и только зло и видела.

А как-то пришли к ней три женщины с ногтями чёрными и в капюшонах. Ведьмы то были. Перебрались они в город недавно и унюхали местную хищницу. Вот и припёрлись незваные с хлебом-солью да с миром. Приняла их Тамара, и они её приняли, научили премудростям всяческим — и как скотину извести, и как на шабаш летать, и как отворот-приворот сделать.

Каждую ночь теперь выходила Тамар Ивановна на охоту и вымещала на жертвах всю боль свою и тоску по забытому, игралась с ними, да пугала. И не знала, не ведала, что сестра

её рядом совсем и продолжает поиски.

Июль переплюнул своего младшего брата, июня, по жаре и спровоцировал оранжевый уровень пожарной опасности.

Лес вокруг Сервуги ещё держался, в основном благодаря активистам из экопоселения "Сервужский крест", разгоняющих любителей шашлыков под пиво. Подход к поселку был завален отобранными трофеями — воткнутые в землю шампуры щетинились, как средневековое противоконное ограждение, куча мангалов напоминала доспехи безумного рыцаря, а посреди этого добра валялась железная пластина с надписью "Костры не жечь. Штраф". Подобные таблички заполнили всю зелёную территорию, бросались в глаза ярким шрифтом, грозились адскими карами и упорно игнорировались отдыхающими людьми. А даже, наоборот, служили ориентирами, около которых раскладывался очередной кемпинг.

Настя задумчиво скребла надпись и почти сколупнула слово "штраф". Идти в чащу ей не хотелось — чужая территория, но, видимо, придётся. Вот упорный попался. Слежка утомляла и раздражала так, что сосало под ложечкой и тело требовало срочно поесть. Только такой голод не утолишь обычной едой. А тянуть силу из Жемчужины она опасалась, рано ещё привлечь внимание Маруси.

Девушка сорвалась с места и юркнула за корявый вяз. Попытается оторваться.

Русалка легко скользила между стволами, ветви сами убирались с её пути, травы стелились мягким ковром под ноги. Сзади слышалось сопенье, треск сучьев и сдержанное чертыханье. Ну, конечно, ни один смертный не сможет русалку в лесу догнать. Она — плоть от плоти зелени и воды, а уж они укроют своё дитя, сохранят, от погони спасут.

Настя вспомнила, как раньше хорошо было. Когда Сервуга еще не построилась, а только камнем придорожным заложена была каким-то ничтожным чиновником. Они с сёстрами носились по лесу, водили хороводы, парней пугали. Ах, хороши были парни в то время и глупы, ничего не знали, кроме деревни своей. С таким потешиться одно удовольствие. Правда поговорить не о чём, кроме пахоты и скотины. Но и сама она тогда не шибко образованной была. Только что грамоту разумела в отличие от большинства. Троих чернявых загубила за своё существование русалкой, не смогла вовремя остановиться. А теперь Николай встретился — от него словно сердце забилося, как у живой. А похож то как на её жениха несбывшегося. Потому берегла его Настя и лелеяла.

Кажется оторвалась.

Русалка притормозила и спряталась в папоротниках. Придётся отсидеться здесь часок-другой и вернуться тихонько в город, чтобы спокойно подумать. Ведь что-то странное происходит.

Славку она заметила с утра. Поначалу было ощущение, что промеж лопаток укусил комар — непереносимый зуд и жжение. Комар сместился на плечо, поерзал по щеке, опять перелетел на спину и нагло пополз вниз, надолго задержавшись ниже поясницы. Настя вся исчесалась пока догадалась открыть зеркальце и попросить указать на любопытного. Ба, старый знакомый. Что ему надо? Или просто понравилась?

Игратья с парнями не было времени, и русалка поступила просто. Зашла в Мак, скрылась в туалете и вышла с изменённой внешностью. Но к её величайшему изумлению, Славка поплёлся за ней.

Трюк с мороком и новым обликом был проделан трижды, но безрезультатно. Паренёк

следовал за ней, как банный лист, приставший к одному месту. Настя совершенно растерялась, впервые за много лет ощутив себя беспомощной и слабой.

Спрятаться в одном из зданий и сидеть в нем безвылазно было бы глупо, он же сторожить будет, а выходить всё равно придётся рано или поздно.

Убежать на улице среди оживлённой толпы тоже не вариант. Обычная девушка не улизнёт от спортивного парня, а если колдовством и силой воспользоваться, то кто-то да полюбому заметит.

Нужно укромное местечко. Оставался лес, куда Настя и направилась. Авось пронесёт не столкнётся с оборотнями.

Папоротники тихонько перешептывались, склонялись над её убежищем, закрывая от света и чужих глаз. Девушка выдохнула, скинула морок и расплела косу, осторожно разбирая русые пряди и напевая под нос.

Расплету косы, расчешу, чтобы и узелка не было, чтобы краше солнца, чтобы краше месяца. Выйду в чисто поле, умоюсь росой, утрюсь красной зарёю, опояшусь белым облаком, утычусь ясными звёздами. Как на три стороны поклонюсь, а на четвёртую пойду-выйду, да позволения испрошу. Чтоб дать, не взять, махонькую долю отнять.

Слова лились, открывая тайный путь к сердцу Жемчужины, чтоб зайти незаметно чёрным ходом да отъесть малый кусочек, пока хозяйка не видит. Серой мышкой шмыгнул призрак Насти в русалочью обитель, облизнулся и к сладости желанной потянулся, но упёрся в преграду невидимую.

Настя замолкла, ощупала барьер мысленно — ни низа, ни верха, ни конца ни края и даже трещинки нет. Сжав до боли зубы, она отступила. Вызнала, значит, Маруська про этот лаз и прикрыть его решила, ничего не сказав и не пожалившись. А она не так проста, как кажется.

Ладно, по-иному пойдём. Снова зазвучал речитатив.

В чистом поле есть окиян-море, в окияне-море стоит старый дуб, под этим дубом сидит старый заяц. Зайцем обращусь, стану посреди, три раза обернусь, созову троих ветров, сокрушу могучий остров.

С парадного входа Насте тоже были не рады и вытолкнули обратно. Жемчужина словно отдалилась, не желала делиться силой, а лишь ласково журила её как глупого ребячёнка, который со стола лишний блин захотел стянуть.

Русалка разозлилась. Да что ж сегодня день такой тёмный, всё против неё. Славка этот чудной, как будто волшебным зрением смотрит. Маруська жадничает, пути все перекрыла, не пройти, не пролезть. Лес дурацкий, куда им ходить нельзя.

Девушка вцепилась в ближайший куст и зарычала от ярости, выдирая его с корнем. Достали, вот вам.

Зрелище со стороны было интригующее. Папоротники будто сами выскакивали из земли и подлетали на несколько метров. Часть из них зацепилась за кроны деревьев, образовав подобие праздничных гирлянд. Оставшиеся образовали кольцо, с растущей проплешиной внутри.

Проплешина достигла пяти метров в диаметре, прежде чем Настя взяла себя в руки. Как там сейчас учат? Закрывать глаза, вдох-выдох, считаем до десяти.

Раз, два, три. Нужно осторожно поговорить с Марусей и вызнать, что она знает и что планирует делать.

Четыре, пять, шесть. Лиза — хороший союзник. Её можно привлечь для разведки

ситуации.

Семь, восемь, девять. Что делать со Славкой она подумает потом. Пожалуй, об этом можно рассказать остальным. Пусть разбираются, меньше внимания к ней будет.

Десять. Настя открыла глаза. На неё в упор пялился оборотень. И вид его не сулил ничего хорошего. Глаза тёмные, брови насупленные и сам, видно, что не из простых. На бету похож или потенциального альфу.

Оборотень шагнул к русалке и прошипел, как рассерженная змея.

— Ты на нашей территории

— Ой, ну случайно забрела. Так получилось.

Настя заулыбалась, демонстрируя очаровательные ямочки на щёчках, склонила голову набок и часто заморгала.

— Ты из себя дурочку не строй. На меня ваши уловки не действуют. Договор нарушила. Знаешь, что за это полагается?

Перевёртыш сделал ещё шаг и набычился. Русалка отметила, что голос у него изменился, стал ниже и глуше. Будто шипела уже не лесная нормальная змея, а железная с несмазанными шестерёнками внутри. Страх холодком пробежал по хребту и обосновался в основании шеи, сдавив тяжёлым хомутом.

— Я уже ухожу. Считайте меня тут и не было.

Настя попяtilась. Оборотень не двигался и мрачно её разглядывал.

— Я не разрешал тебе уходить. Ты в моей власти.

— Так я и не спрашивала — огрызнулась Настя.

Злость девушки вспыхнула с новой силой. Будь она в праве и в силе, то уничтожила бы этого выкормыша волчьего. Ненавижу!

Русалка поклялась, что он ответит за такое обращение с ней. Ни один мужчина так не смеет. Мерзость какая. Но пока нужно быть хитрой и ждать своего часа.

Настя приблизилась к мужчине, продолжая мило улыбаться аж скулы свело. Оборотень протянул руку, а она прыснула испуганной ланью от него и понеслась в сторону города. Там спасение.

Только на этот раз её преследовал не человек, а такое же дитя леса, как и она сама. Смрадное дыхание обдавало затылок и казалось, что когтистая лапа сейчас цапнет за горло, хотя русалка понимала, что перевёртыш не сможет быстро перекинуться и бежит в людском виде.

Реальность вовсе не походила на мистические фильмы про волколаков. Кто только выдумал эти нелепые фантазии про полнолуние и заражение через укус? На самом деле, оборотни были обычными людьми, знающими ритуал с осиновым пнём и заклятыми словами. Но после первого обращения становились они двоедушниками, и средоточие зверя давало им необычное чутьё и способности. Такие как скорость, сила и необычайная чувствительность.

Настя сбросила с себя привычный облик одним махом и слилась с лесом. Сейчас её преимущество было в скорости обращения и отсутствии специальных ритуалов, чтобы вернуться к себе истинной.

Русые волосы засверкали ярче золота, кожа побелела, а зелёные глаза потемнели до цвета малахита. «Дивный наш цветок» называла её Маруся ласково и правда — такая дивная невиданная красота могла разогнать любую тьму и впечатлить самое грубое сердце, кроме, пожалуй, неразумных животных и им подобных.

Русалка остановилась и упала на землю, уходя от хватки оборотня. Тот перекатился, замер и оскалился, показав украшенные золотом клыки — значит угадала она, не из последней семьи вражина. Бросок, ещё один, по верху, по низу — Настя танцевала на месте, грациозно уворачиваясь от неуклюжих попыток человека. В скорости они были равны. Убежать у неё не получится, но так и поймать он не сможет. Патовая ситуация.

Оборотень окончательно взъярился и завыл, вскинув голову. Слюна потекла по подбородку и закапала нарядную рубашку. Да он подмогу зовёт поняла девушка и заметалась. Против нескольких устоять не выйдет. Нужно что-то придумать прямо сейчас, сию минуту. Действуй, Настя.

Под аккомпанемент волчьей песни русалка опустила на корточки и впила пальцами в грунт. Ногти выросли, удлинились, завилились спиралями, проникая сквозь дёрн, грибницы, корни деревьев, впитывая в себя сырую силу Земли-Матушки. Тяжелая она, невкусная, переваривать её тяжело и муторно — больше умаешься, чем получишь.

И когда в груди накопилось столько, что больше не удержать и мутить начало от чужой непривычной энергии, тогда Настя ударила. Всё вложила и своё, и чужое, себя отдала. Упругая синяя волна прошлась окрест, опрокинув оборотня и срезав деревья на высоте двух метров. Трава же вообще обуглилась и осыпалась пеплом.

Перевёртыш не двигался, но дышал, от носа протянулась вниз кровавая дорожка. Ну хорошо. А то за смерть мстить начнут, и новая война развяжется, а так может и обойдётся. Полежит да оклемается. Хоть бы память ему отшибло.

Настя устало проковыляла к краю обожжённого участка и прислонилась к дереву. Надо уходить, а мочи нет, поспать бы лечь, хоть на минуточку. Маленький шажок, а как есть-то хочется. Сожрала бы всю Жемчужину, если б добраться смогла. Еще шажок. Главное выбраться.

Какое-то время девушка брела с закрытыми глазами, наощупь, пока смутная тревога не заставила поднять ресницы. Чуйка подсказывала, что стая недалеко и нужно ускоряться. Настя покачнулась, ухватила за куст бузины и заметила Славку, стоящего в нескольких шагах. Он копался в потрёпанных бумажках и её не видел.

«А ты уверена, что нельзя новую Жемчужину сделать?» — некстати вспомнился вопрос Лизы. А что, если можно? Вот он стоит, рядом совсем. Один-одинёшинец, пей не хочу. Даже колдовать и глаза народу отводить не надо.

В истинном облике русалка ясно видела место укуса, где меньше месяца назад она притронулась туманным шупом к душе парня и отпила его сути. Затронутая сторона покрылась мелкими трещинами, из которых сочилась светлая дымка — вкусная и сладкая.

— Только совсем немного поем и остановлюсь. Хуже не будет.

— Нет. Нельзя! — русалка одёрнула сама себя.

— Даже есть не буду, не трону. Просто поближе подойду и посмотрю.

— Зачем это ты к нему пойдёшь?

— Погляжу в каких он листочках копается. Надо понять, зачем и как он за мной следил.

— Ты же хотела Марусе пожаловаться.

— Ну так ей же легче будет, если я всё сама разужнаю. Одним глазком только.

Русалка взлетела, перетекла за спину парня и наклонилась над плечом, заглянув в рукописные непонятные каракули. Славка, судя по всему, тоже не мог разобраться и ворчал себе под нос, что сестра могла бы и попонятнее писать.

Тонкая нитка тумана медленно выскользнула от пальцев русалки и дотронулась до

парня.

— Я только немножко попробую.

— Ну если только немножко.

Настя зажмурилась от удовольствия. В своей человеческой жизни она никогда не пробовала шоколад, но была уверена, что он на вкус такой же, как люди. Сейчас она чуть-чуть покушает и никому вреда не будет.

Два события произошли следом почти одновременно — девушка ощутила, как сила наполнила её и вырвалась наружу, сворачиваясь в новую Жемчужину, а Славка рухнул как подкошенный.

— Нет! Что же я наделала?!

Настя бросилась к парню и приложила пальцы к жилке на шее — не бьётся. С удивлением она заметила выпавшее из рассыпавшихся бумаг бирюзовое русалочье зеркальце, но сейчас было не до этих загадок.

— Пожалуйста, пожалуйста, не умирай, — русалка зарыдала и заломила руки. — Я не хотела. Дыши же.

Она опять дотянулась до укуса и попробовала вернуть хоть часть энергии, но отдавать было нечего. Вся сила, вся жизнь парня бушевала над их головами, извиваясь, ветвясь, звуча раскатами глухого грома.

Потемнело. Первые капли дождя упали на лес, прожгли насквозь листву и оставили вмятины в земле. Вслед за ними обрушился ливень, уничтожая всё живое на своём пути. Кроны деревьев какое-то время сдерживали его, пожертвовав своим пышным убранством, но было件нятно, что скоро пострадают и нижние слои.

— Они красные, — прошептала русалка. — Это кровь льётся.

Настя встала, обратила лицо вверх и протянула руки к заёмной силе, позвала. Слова сами пришли на ум, как будто некто мудрый подсказал.

— Иди ко мне, будь моим сердцем, будь моей душой. Я — это ты, а ты — это я. Мы — единое целое с тобой.

В ладони опустился маленький шарик. Был он не привычно антрацитовый, а светло-зелёный с коричневыми разводами. Девушка прижала сокровище к груди — как тепло внутри, как спокойно. Новая Жемчужина, её Жемчужина, её дитя.

Небо разом полыхнуло молниями со всех сторон, угрожающе зарокотало.

— Я не дам тебе уничтожить лес. — Настя погрозила кулачком. — Если это кара, то меня давай наказывай.

Зелёная Жемчужина окончательно оформилась и уплотнилась. Настя погладила гладкую поверхность, последний раз прижала к себе и подняла над головой. Луч света вылетел из артефакта и впитался в грозовые тучи. Издали это выглядело, как большой прожектор, светящий из леса, только знака Бэтмена не хватало.

Какое-то время ничего не происходило, и Настя уже начала уставать. А потом небо посветлело и дождь закончился к великой радости русалки. Она огляделась — окружающее выглядело потрёпанным, но не критично. Природа восстановится.

Девушка села рядом со Славкой и повинилась.

— Прости меня. Я так не хотела. Я бы так хотела это изменить.

Жемчужина вдруг сделалась холодной и колючей, вырвалась из пальцев и покатила по полянке. Настя потянулась было за ней, но упала и скорчилась в три погибели, закусывая губы. Больно-то как. Её ломало, дёргало, меняло что-то потустороннее и неуправляемое.

Тело налилось тяжестью, пальцы высохли и скрючились, волосы поблёлкли до соломенного оттенка и повисли неухоженной паклей.

Девушка с трудом поднялась на колени и поползла вслед за артефактом. Каждая косточка ныла и скрипела, голова кружилась, дневной свет жутко резал глаза. Когда волна беспомыслия накрыла Настю, то она даже обрадовалась и с облегчением поддалась.

Николай нервно пригладил волосы и оглянулся. Сервужский подземный переход — весьма неудобное место для встречи. Сыро и мрачно. Несколько пыльных лампочек тужились разогнать темноту, демонстрируя постапокалиптический пейзаж с подозрительными подтёками на стенах.

Непривычное место. Видимо, наставник сильно разозлился. Когда Эдуард Валерьевич вернулся — Николай отдыхал на роскошном белом диване с початой бутылкой вина и двумя опустошёнными. Это было настрого запрещено, в договор входила маниакальная забота о телесном здоровье. Но от правильного образа жизни уже начинало подташнивать.

— От пьянства помереть что ли решил, Николай?

— Эдуард Валерьевич?! Вы же из города уехали.

— Не ждал? — наставник поправил идеально отглаженный воротничок. — Вижу, что расслабился без меня. Рассказывай, как успехи.

Николай неуверенно улыбнулся и приступил к перечислению побед на любовном фронте.

— Ну хорошо, — кивнул наставник. И парень понадеялся, что на его оплошность закрыли глаза. Но нет.

— Есть дело для тебя, Николай. Заодно и отвлечешься от пристрастий своих. Встретиться кое с кем требуется.

И вот он здесь, у чёрта на куличках. И кому был нужен этот подземный переход в провинциальной Сервуге? Наверняка, деньги отмывали, вот и отгрохали бесполезную машину. Люди через проезжую часть как бегали, так и бегают.

Наставник, конечно, удружил, неужели нельзя было выбрать место встречи попримечнее? Есть же рестораны, бары, ну парк в конце концов. Да и небезопасно здесь, а у него с собой только перцовый баллончик и навыки с трёх занятий по ушу в школе.

Стук каблучков разбил тишину — по лестнице спускалась черноволосая девушка. Кажется, это она. Николай бросился наперерез, вытягивая свёрток из кармана.

— Что вам нужно? — незнакомка шарахнулась от него.

— Мне передать велели. Держите.

Николай сунул пакет ей в руки и поспешил вверх. Хватит с него. Ни секунды больше он в этом бомжатнике не останется.

Девушка растерянно смотрела вслед неадекватному парню. С кем-то перепутал? Бежать за ним?

Тусклые лампочки ярко вспыхнули разом и погасли окончательно. Кромешная темнота, а потом из-за угла пробился лучик света. Постепенно он рос и ширился. Повеяло жаром, а вслед за жаром вышла девчушка лет десяти с огненными крыльями по бокам. Маховые перья задевали стены и оставляли на них тёмные подпалины. Гаяна устало потёрла глаза. Ощущение, будто в другой мир попала.

— Как зовут тебя, девица? — прозвенел голосок.

— Гаяна.

— Ты принесла дар?

Гаяна замешкалась на минуточку, а потом протянула таинственный свёрток.

— Потом отдашь. Иди по моим следам. Не отставай.

Девочка развернулась и поманила за собой. Казалось, они направляются в глухую стену, но та разошлась, как створки раковины и пропустила в широкий коридор, вдоль которого висели картины в изукрашенных драгоценными камнями рамах. На всех изображениях трепетал огонь — то он взлетал в виде сияющей птицы, то свивался змеиными кольцами, то вылетал из пасти трёхголового дракона.

— Это названный отец мой собирает, — покосилась девочка через плечо. — Искусных мастеров ищет по всему свету.

— Завораживает, — похвалила Гаяна, не решившись уточнить имя отца.

— Нам сюда.

Справа показался большой зал с массивными колоннами, покрытыми хитрым орнаментом. Посреди красовался круглый постамент с небольшим бортиком, выложенным янтарём. В углу примостилась чудная конструкция, нечто среднее между креслом и тронem, где восседал молодой мужчина. Симпатичный, отметила Гаяна, волосы русые, глаза яркосиние, борода коротко подстриженная.

— Подойди, гостя, — позвал хозяин густым, медовым голосом. — Разверни и положи принесённое в центр круга.

Гаяна послушалась и замерла в восхищении. На ладонях у неё переливалось драгоценное яйцо. Мириады мелких звёздочек постоянно двигались, перемешивались, образуя тончайшие узоры на скорлупе, а внутри металось пламя. Поверхность этой драгоценности ощущалась тёплой и шероховатой. Изредка в ладони отдавало лёгкой пульсацией, похожей на редкие биения мощного сердца.

Гаяна аккуратно поместила сокровище в центр спирального рисунка на постаменте и испуганно отдернула руку — часть символов засветилась.

Хозяин и девочка не отрывали от гостя напряжённых взглядов. Мужчина даже привстал с трона и стал похож на большую хищную птицу.

— Прекрасная девица, не соизволишь ли угощенья отведать?

— Благодарю, с удовольствием, — не осмелилась отказаться Гаяна.

Мужчина развёл руки и хлопнул в ладоши. И сейчас же зал наполнился сияющими птицами и древним волшебством. Носились пичуги взад-вперёд, так что только искры за хвостами рассыпались. Из ниоткуда появился стол дубовый крепкий, скатерть цветами расшитая и посуда деревянная резная. Свежие ягоды и фрукты лежали в изобилии, окорока печёные дразнили ароматом, мёд ароматный золотился, а на питьё — чистая вода стояла в серебряных кувшинах.

Во главе уселся хозяин, напротив Гаяну усадил. По правую руку у него девочка крылатая, а по левую — две девицы незнакомые с золотыми лентами в косах.

Честь по чести попотчевали хозяева гостью, а как она насытилась стали разговоры говорить. Вернее, говорил хозяин и девочка, а девицы за всю трапезу и рта не раскрыли.

— Вижу, что не зря тебя прислал брат мой младший. Есть сила в руках твоих. Сослужи нам службу, Гаянушка, наградим тебя по заслугам.

— Спасибо за угощение. Только я вашего брата не знаю, и никто меня не присылал.

Нахмурился хозяин, темнее тучи стал.

— А как же ты яйцо Жар-птицы заполучила?

— Мне его в переходе какой-то парень в руки сунул и убежал. А я растерялась и побоялась вам сразу сказать.

Девочка вскочила и зашептала горячо на ухо мужчине. Тот прикрыл глаза, послушал и

улыбнулся по-доброму.

— Ну что ж, благодарствую, что правду кажешь. Что брат не смог отыскать, само к нам пришло. Видать, судьба вмешалась.

— Но я не понимаю, кто вы такие и что от меня нужно.

— Сёстры мои золотокрылые, Алконост и Гамаюн поведают тебе.

Молчаливые девушки поклонились хозяину, вышли на середину зала и запели. И так хорошо, так дивно на душе стало, что забыла Гаяна кто она и откуда пришла, что здесь делает и куда собирается. Вечность бы сидела и слушала.

Песня мощно лилась как воды мирового океана. Там Сизая Утица плыла сквозь бурные волны, что твоя ладья. И стоял белый остров Буян, проросший корнями в кости земли-матушки до самых жил кровеносных. На острове том волшебном и свила Утица гнездо и высидела три яйца, из которых появился Рарог, огненный сокол, и сестрицы его сладкоголосые — Алконост и Гамаюн. А из скорлупы сложили алтарь жертвенный и капище языческое построили, что много веков простояло. Люди и Навьи твари с тех пор место это почитают и зовут Алатырь-камнем.

А от камня того три дорожки расходятся — в Явь, мир людской, в Навь, мир кощный, и в Правь, мир светлый.

Закончился сказ и Гаяна стряхнула с себя наваждение усилием воли.

— Значит ты Рарог?

Хозяин ухмыльнулся в бородку и кивнул.

— Не скоро ты догадалась.

— А кто она? — Гаяна посмотрела на притихшую девочку.

— Жар-птица, моя названная дочь. Ради неё подсобить просим.

— И что нужно сделать?

— Знаешь ли ты сказ о Жар-птице? Поведаю тебе коротко, что род свой она ведёт от Фениксов, что пляшут на закате на самом далёком Западе. И предначертано Жар-птице бесконечно перерождаться. Каждую осень сгорает в пламени и каждую весну восстаёт. А зимой обитает её душа в волшебном яйце, что ты принесла.

Девочка выступила вперёд и продолжила.

— Только уж двенадцать веков не могу я вырасти за отпущенный срок, так девчонкой и брожу. Не вхожу в полную силу.

— А как же я могу в этом помочь?

— Возьми книгу велесову и начерти новые знаки обережные вокруг яйца. Ежели все они силой засветятся, то родится Жар-птица новая, яркая, доселе невиданная и расти будет не по дням, а по часам.

Не стала думать Гаяна, согласилась. И принялась за работу.

Стёр Рарог старые рисунки, постамент очистил и книгу потёртую старинную положил. Птицы-сёстры принесли на крыльях широких краски-кисточки и всё, что Гаяна попросила.

Одно только условие было — от работы поменьше отрываться и гостеприимного дома не покидать. Потому спала девушка урывками, глаз почти не смыкала. Рисовала знаки, контуры которых наполнялись ярким светом, а волшебные существа ей всячески прислуживали

Прошло три дня и три ночи, остался последний символ "агни", что значило огонь. И вот он никак не выходил у Гаяны. И так и сяк она пыталась, а линии оставались мёртвыми, пустыми.

Смурным ходил Рарог. Косился на постамент, на измученную Гаяну. А потом стукнул кулаком и приказал Сирина позвать. И она пришла. Приковыляла на лапах птичьих безобразных, крыльями голую грудь прикрыла. А лицо красивое и печальное — из правого глаза слеза катится, левый прикрыт и в Навь смотрит.

— Зачем кликал, брат мой?

— Сирина, сестра наша отверженная, птица вещая, загляни в несбывшееся да в несказанное, подскажи как дело сделать, до конца довести?

Захохотала Сирина.

— Нечего духов тревожить. И так я чувую, что художница у вас русалка водяная, не может огонь себе подчинить. Вот знак у неё и не выходит.

Взъярился Рарог, навис над Гаяной, схватил за волосы, пламенем опалил.

— Русалка? Пробралась под личиною, прокралась.

— Оставь её, огненный сокол, — заклекотала Сирина с угрозой. Мы с ней одной стихии предназначены, хоть и не родня. Море — наша матушка, океан — наш батюшка. Да и не со зла тебя девица обманула, чиста душа её, как роса.

Укрыла Сирина Гаяну, от мира загородила, спрятала.

— Не бойся ничего, — говорит. Выведу отсюда и верну Марусе в целости и сохранности.

Поклонилась девушка птице, поклонилась Рарогу.

— Не сердитесь, я не скрывала ничего. Не знала, что это важно. Хотела вам помочь. И сейчас хочу. Может есть какой способ?

— Есть, девонька, — ответила Сирина. — Да не по нраву тебе придётся.

— И что это за способ?

— Найти мужчину, кто пробудит в тебе огонь страсти. Тогда и "агни" твоим рукам отзовется и влюблённому сердцу.

— Да где ж я его найду?

Крутанулась Сирина на куриных лапах своих. Ухмыльнулась сёстрам своим красавицам.

— Принесите мне воды колодезной от самых корней земли-матушки.

Исполнили тут же Гамаюн и Алконост, хоть и кривились презрительно. Поставили чан с водицей холодной, ключевой.

— Посмотри, Гаяна, в отражение, — подтолкнула Сирина девушку. — Да скажи, что видишь.

Долго девушка всматривалась.

— Вижу автобус, двадцать шестой. Я на нём с работы ездила. Я плачу почему-то...

— Смотри дальше.

— Парень напротив сел, что-то говорит. Я вспомнила, это день, когда меня уволили. Тамара Ивановна сказала, что я размазня и никуда не пойдешь...

— Смотри дальше.

— Мост, рядом женщина. Подаёт эскизы. Ветер. Она меня толкает!

Гаяна осела кулем и разревелась, некрасиво сморкаясь и задыхаясь.

— Что ты там увидела, девонька? — ласково спросила Сирина.

— Настя, это Настя меня убила. Зачем? Я не понимаю.

— Ну всё, всё, — большие крылья сомкнулись над головой девушки, защищая и оберегая. — Это пустое, всё наладится. Поговорим с Марусей.

— Не надо с ней, я сама.

— Хорошо, девонька.

Рарог сокол с сёстрами и названной дочерью стояли в стороне. Не знакомы и не понятны им слёзы чужие. Драться они умели, выжигать и мстить. Но никто из огненных не ронял воду с ресниц, не горевал, не тосковал.

— Нашла ли ты молодца, который мил тебе? — спросил Рарог.

— Найду, — отозвалась Гаяна.

Следующая неделя не задалась с самого начала. Каждое утро Гаяна приходила к конечной остановке двадцать шестого и каталась на нём до вечера. Водители на неё косо смотрели, но молчали. Мало ли сумасшедших? За проезд платит, не буйнит — и ладно.

Нужный парень как в воду канул. А может он по этому маршруту впервые ехал? Случайно на него попал? К концу второго дня Гаяна догадалась нарисовать портрет. Русые волосы, нос с горбинкой, глаза карие, узкий подбородок, уши слегка оттопырены. Симпатичный. И взгляд добрый.

В сумерках прилетала Сирина, топталась на подоконнике, выслушивала жалобы Гаяны.

— А нельзя адрес его посмотреть в волшебной воде?

— Нельзя, девонька, нельзя, родная. Отражает зеркало водяное то, что важным считает. А ежели не подсказало, как суженого найти, значит так надобно было, чтоб металась ты и искала.

— Чтобы тридцать три посоха сломала и железные башмаки истоптала? — улыбнулась Гаяна.

— Да, милая, не зря так в сказках сказывается. Счастье просто так не даётся.

Оставался маленький шанс, что парень всё-таки ехал с работы. Гаяна вспомнила остановку, на которой он сел и методично обошла все магазины и фирмы, показывая портрет.

На проходной завода её сначала развернули.

— Мы конфиденциальных сведений не предоставляем.

— Прошу вас. Это мой брат, он из дома уехал, маме ничего не сказал. У неё сердце. Хотя бы подскажите — он здесь работает или нет?

Охранник помялся.

— Ладно. Думаю, ничего страшного не будет, тем более он уже уволился. Это Анатолий, наш технолог бывший.

— А не знаете, где его найти?

— Не. Но можете у начальника спросить.

До вечера Гаяна просидела около проходной. дождалась пока охранник незаметно укажет на импозантного мужчину в очках. На этот раз она представилась невестой Анатолия, которая приехала без предупреждения и хотела сделать сюрприз.

— Вижу девушка ты хорошая, не мошенница какая-то. Квартиру не помню, но это в новом районе, в "Веснушках".

— Спасибо, — Гаяна почувствовала, как щёки залил румянец. Никогда она столь нагло не врала. Было стыдно и неудобно.

Опять прилетала Сирина, спрашивала.

— А нужно ли тебе его искать, девонька? Неужели так хочешь Рарогу угодить?

— Я обещание ему дала. И Жар-птице помочь хочу.

— Не так просты они, девонька, как хотят показаться. Но и ты у них награду можешь попросить.

— Я не ради награды. Да и Анатолия найти интересно. Вдруг, это и правда мой суженый.

Сирин тихонько засмеялась.

— Насчёт судьбы не беспокойся. Это точно он. Но не всегда судьба счастье приносит.

— Пусть, — вспыхнула Гаяна. — Я верю, что предопределённое можно изменить.

Ещё два дня ушло на разговоры с бабушками на лавках, прежде чем парня опознали.

— Так это Толик. Но теперь он Анатоль! Слышишь? Анатоль. Имя на нерусский лад исковеркал, с работы нормальной убёг, ведуном заделался. В квартиру, говорят, бесов напустил, чёрной краской стены замазал. Стоны, вопли по ночам. Спаси и сохрани.

— А в какой квартире он?

Бабка подозрительно осмотрела Гаяну, но ответила.

— В сто четырнадцатой, на втором этаже. А тебе зачем? Погадать хочешь? Так грешно это.

— Нет. Ему посылку родственники передали, а адрес подзабыли. Хорошо, что нашла, а то переживать начнут.

— А ну лады. Ты только, дочка, не задерживайся там. Как бы чего.

Гаяна переминалась перед дверью. Обычная, деревянная. Внутри тихо. Что она ему скажет? Надо быстрее нажать кнопку звонка, пока не передумала и не сбежала.

Мелодичная трель прозвенела и запнулась на середине. Наверное, его дома нет. Девушка развернулась и облегчённо выдохнула.

— Вы ко мне?

Он был таким же, как в видении. Вид сонный и уставший, помятая футболка с волком, взъерошенные волосы.

— А я вас помню. Вы Гаяна?

— Да, мы в автобусе встречались. То есть, здравствуйте.

— Хотите чай, Гаяна? У меня липовый с чабрецом, экологически чистый из деревни.

— Спасибо. Хочу.

Анатолий посторонился, пропуская девушку. Квартира, действительно, была необычной — в прихожей висели пучки трав, несколько подков на счастье, какие-то сушёные венки. На полу валялись оплавленные свечи.

— Вы же по объявлению, Гаяна?

— Да...

— Проходите, сейчас посмотрим. Не бойтесь.

— Я не боюсь, — прошептала девушка. У вас очень уютно.

— Этот уют называется бардаком. Я не очень аккуратен. Особенно с этими травами, от них столько мусора.

— А зачем вам травы?

— Подарок от одного хорошего человека, — усмехнулся Анатолий.

Чай золотился и напоминал о лесе, ягодных полянах, июльском солнце. Девушка расслабилась и наслаждалась вкусом. Рядом с Анатолием было спокойно, словно пришла домой после долгого путешествия.

— Дайте мне правую руку.

Парень мягко взял ладонь Гаяны и закрыл глаза. Нахмурился.

— Это странно, но я вижу, что вы умерли.

Глава 9

Соня лежала на кровати и наблюдала. Стайка серебристых рыбёшек проплыла мимо и исчезла в стене. Блеклый свет еле сочился сверху. На потолке закручивалось чёрное пятно водоворота. Тишина давила на уши, постоянно хотелось сглотнуть, как при глубоководном погружении.

После Славкиного визита ей часто приходили эти видения. Иногда комната представлялась большим аквариумом, как сегодня. В другие дни Соня переносилась на бескрайние морские просторы, где бушевали ветры и вздымались волны величиной с небоскрёб, где стихия ярилась и пыталась разбить в щепы идеально круглый белый остров. Необычное место. Существует ли оно на самом деле или это плод её воображения?

Надо же, как всё завертелось. Сначала брат встретился с русалками, а потом и она сама. После трансформации хотела вернуться к своей работе, с магией по заброшкам даже удобней лазить. А тут эти приступы дурацкие, из дома боишься выйти.

Соня задумалась о происходящем. События сплетались, завязывались в тугие узлы, она чувствовала смутную опасность. Но непонятно, кто был причиной. Явно, остальные русалки здесь замешаны. Особенно ей Лиза не нравилась — видно, что себе на уме.

Когда Славка пришёл и рассказал про заказ, то Соня поняла — вот он, знак. В простые совпадения она не верила. С фото на неё смотрела Настя, точнее её человеческая личина — русая и зеленоглазая. Пришлось пожертвовать своё зеркальце для дела и объяснить, как разглядеть обманный морок. Написала брату целую инструкцию, чтобы не перепутал.

Сердце кольнуло. Пальцы ног заledenели. Нехороший знак.

Девушка прикрыла веки, сосредоточилась и включила внутреннее зрение, как учила Маруся. Даже на расстоянии она могла видеть предметы, что отражались в её личном зеркальце. Вот оно. Зелень, какие-то сломанные ветки торчат, Славкина рука. Лежит он что ли?

— Покажись, покажись. Кто там есть? Что случилось?

И мольба была услышана. Девичий силуэт на одно лишь мгновение склонился над волшебным предметом и сразу же ускользнул в сторону. Узнала — это Настя.

Соня потянулась сквозь стекло к брату, коснуться его души, проверить как он там. Холод и пустота. Пришло ясное понимание, что Славки нет в живых. Спазмом сдавило горло. Девушка вскочила и заметалась как испуганный зверёк.

Настя как-то заметила слезку, и сама напала? Что она сделала? Как могла убить? Маруся клялась, что они не причиняют вреда людям.

Гнев поднимался удушливой волной из живота и заполнял лёгкие. Мир вокруг менялся, искажался. Комната полностью исчезла, Соня теперь висела над поверхностью таинственного острова, а вокруг закручивалась воронка из земли, воздуха и воды.

Мелкий камень царапнул по щеке, потекла кровь. Кап, кап, кап. Три дорожки пролегли багряным узором, сорвались вниз, но не долетели до земли, ветер подхватил их и вплёл в буйство природы. Небо затянулось тучами, заполыхало молниями и разразилось ядовитым дождём сразу в двух местах — над беснующейся Соней и над Сервугой.

— Бей, бей, гори, гори.

Она уничтожит всё живое и неживое. За Славку, за брата. Девушка крутилась в восходящих потоках, и кричала вместе с громом. Руки раскинуты, рот раскрыт, одежда

изорвалась ураганом, превратилась в лохмотья. Ярость клокотала и выплескивалась в желание убивать. Вихрь крутился всё быстрее, набирал силу, напивался ядом ненависти.

В грудь Сони уперся зелёный луч. Что это? Откуда? Она попыталась отряхнуться, оттолкнуть от себя. Бесполезно. Луч высасывал силу, забирал энергию и злость, звал за собой. Соня вдруг увидела обожжённых людей и животных, которые не успели спрятаться от её проклятия.

— Нет! — вырвался отчаянный вопль. — Остановите это. Пусть это прекратится. Что же я делаю?

Ярость испарилась и ветер утих. Потоки воздуха плавно опустили девушку на остров, оставив перед огромным, в человеческий рост, камнем с непонятными письменами. Какое-то время дрожащая Соня лежала на траве, свернувшись клубком и обнимая себя руками. Что с ней происходит? Она никогда раньше не теряла контроль. Надо выбираться отсюда.

Девушка встала и осмотрелась. От камня разбежались три кривых тропинки. Одна терялась в лесу, вторая уходила наверх в гору, третья ныряла за холм и пропадала из виду. Попробовать выйти к берегу по одной из них? Может, там порт будет.

— От дела лытаешь или дело пытаешь?

Крупный блестящий ворон появился из-за камня и склонил голову набок. Его лапы украшали массивные золотые кольца с рубинами. Камни были кроваво-красными, как и глаза птицы. Жутковато.

— Это ты сейчас говорил? — робко уточнила Соня, несмотря на всю абсурдность ситуации.

— Выбери свой путь, да не прогадай.

Птица открывала и закрывала клюв, и, казалось, что звуки человеческой речи вырываются прямо оттуда. Похоже, что порта здесь не найдётся, как и нормальных людей. Что ж, сыграем по вашим правилам.

— Я брата хочу вернуть.

— Ведаю, что нет твоего брата а мире живых. Ушёл он в Навь недавно.

— А как туда попасть в эту Навь?

— От камня налево, — ворон зевнул, — каждый век одно и то же. Скучно.

Соня вступила на лесную тропу и попала в сказочное место. Светлые ясени постепенно сменились вязами и осинами, а потом и вовсе мрачными ёлками. Солнечный свет не достигал до земли, теряясь в причудливо изогнутых ветках. В густых тенях то и дело вспыхивали жёлтые огоньки, под ногами шуршало и хлопало.

За первым поворотом Соню поджидал серый волк. Сидит, плясает звериным зрачком, перегородил путь, не обойдёшь. Девушка остановилась, подумала и сказала.

— Привет, волк.

Волк скосил на неё красный глаз и тоже зевнул.

— Куда идёшь, красна-девица?

— Ты тоже что ли говорящий?

Волк согласно кивнул и продолжил.

— Впереди смерть и кровь. Не ходи туда, не смотри туда.

— Мне нужно найти брата. Он умер по моей вине.

Задумался серый. Помахал хвостом, прямо как Макса. Задней лапой почесался.

— Сегодня ты моим родичам навредила, девица. Но многим раньше помогла. За добро твоё отплачу добром. Как будет нужда во мне — позови. Помогу, но только один раз. На

большее не надейся.

Сказал и пропал. Как и не было.

Не успела Соня далеко отойти, как встретила с котом. Похоже, у них тут зоопарк какой-то монстрячий. Кот больше на пантеру смахивает — метра полтора в холке, чёрный и лоснящийся.

— Привет, кот, — поздоровалась девушка по уже отработанной схеме.

— Пособлю я тебе красна-девица, подскажу, уж дюже за тебя собратья мои пушистые просят. На иную помощь не рассчитывай. Мы в тебе разочаровались.

— Спасибо тебе за любую помощь.

— Ну слушай. Как Калинов мост перейдёшь, то избушку на курьих ножках увидишь. Там брат твой, у Бабы Яги. Не затянуло его полностью в подземный мир. Спасти, вывести сможешь, ежели воля и смелость будут. И жердь раскачать не забудь.

Сказал и исчез. Как и не было.

Соня отправилась дальше. Лес постепенно начал редеть и покрываться пеплом. Изредка попадались обугленные ёлки, а потом и вовсе сожжённые — торчали в небо, чёрными пальцами в облака утыкались. Похоже на последствия пожара.

Послышался шум и шипение, как от раскалённой сковороды, если вода попадёт. Звуки приближались, нарастали, и вскоре Соня вышла на крутой обрыв. Слева направо текла лава, бурлила, пузырилась. Невдалеке обнаружился мост — надёжный, каменный. По нему и перешла. Мост хоть и крепкий, а всё равно страшно. Огненные искры до самых стоп долетали и обжигали.

За мостом красовалась золотая осень. Берёзки белоствольные обсыпались желтой листвой, приятный ветерок обдувал, белки скакали туда-сюда. Солнышко из-за туч вышло, пригрело. Тепло, светло, уютно. Вот она Навь какая, не тёмная, не страшная. Девушка приободрилась и продолжила путь в приподнятом настроении.

Долго шла Соня через рощу, уже вечер наступил. И как солнце скрылось за деревьями, то показалась симпатичная избушка на сваях. Наличники резные, крыльцо просторное, цветник перед входом разбит.

— Здравствуй, красна девица. Куда путь-дорогу держишь?

Низенькая бабулька вышла из-за дома и приветливо заулыбалась. Платочек цветастый низко на лоб надвинут, в одной руке серп, в другой ведёрко.

— Здравствуй, бабушка. Я брата ищу.

— А не твой ли это, у меня на лавке сидит? Ужо и не знаю, что делать с ним. В лесу нашёлся, не ест, не говорит.

— Где он?

— Да там, в сенях посмотри.

Соня кинулась к избе, растворила дверь и нырнула внутрь. Какой пряный запах здесь, как много тряпок повешено, ничего не поймёшь. Дверь сама захлопнулась за спиной, погрузив девушку в кромешную тьму. Ничего не успела рассмотреть.

— Слав? Слав, ты здесь?

Девушка споткнулась и чуть не упала. Надо нащупать стену и идти вдоль неё. Кто-то схватил за руку. Пальцы ледяные.

— Слав?

— Беги, — проскрежетал незнакомый голос.

Удушьющий запах накрыл с головой, мир покачнулся и уплыл.

Лунный свет резал глаза. Соня отвернулась. Она лежала внутри помещения в небольшой клетушке, отделённой от остального пространства. Напротив сидел седой старик.

— Что со мной? — прошептала девушка. Губы отказывались подчиняться.

Старик поднял голову, и Соня с ужасом узнала брата. Бледный, с совершенно белыми, отросшими по плечи, волосами.

— Славка, что они с тобой сделали?

— С ним ничего, — ответила бабка. — Отсидится и пойдёт. А ты пришла в своём теле. В сладеньком, вкусненьком. Отправишься вместе с ним, не разлучать же брата и сестру, — старуха мерзко захихикала, — но сначала тебя от плоти освободим.

Бабка прижалась к прутьям, и Соня отпрянула. Нос старухи загибался до подбородка, жёлтые клыки торчали изо рта, веки прикрыты, а во лбу глаз с вертикальным зрачком.

— Печь растоплю, девицу порублю и пирога с мясом сделаю. Давно человечинки не ела.

Старуха облизнулась и, капая слюной, ушла в сени.

— Она за дровами, — сказал Славка.

— Надо бежать отсюда, — девушка подползла к прутьям и подёргала их. Силы потихоньку возвращались.

— Бесполезно. Не выбраться.

— Слав, ты чего? Сейчас что-нибудь придумаем.

Соня нашла качающийся прут и принялась его тормозить. Хлопнула наружная дверь и послышались шаги. Возвращается. Девушка в отчаянии налегла на решётку всем телом, и одна жердь выскочила из паза.

— Слав, держи её, — крикнула Соня и бросилась с прутом в руках к старухе, целясь той в третий глаз. Бабка взвизгнула и ловко отскочила в сторону, запустив поленьями в девушку. Славка метнулся к выходу и практически силой вытащил Соню, которая размахивала прутом и рвалась в бой.

— Её этим не остановишь. Она боль от ран не чувствует, и всё затягивается быстро.

— А так?! — Соня подперла дверь прутом. Изнутри сыпались удары, дверное полотно выгибалась, трещало, но держалось.

Взявшись за руки, брат и сестра побежали. Ночью лес выглядел совсем по-иному. Луна заняла полнеба. Причудливо изогнутые берёзы шевелились во мраке и казались сплетённым змеиным клубком. Под ноги то и дело кидались корни, приходилось смотреть в оба. Изредка попадались горящие огоньки. Один раз Соня подошла поближе и с ужасом отскочила — на шесте висел человеческий череп со светящимися глазницами.

— Это она развешивает. Тех, кого съела, — сказал Славка. — Нам не уйти.

Высокий вопль разорвал тишину, и мимо пронеслись порождения ночных кошмаров. Клювы железные, вместо маховых перьев ножи понатыканы, на лапах когти с предплечье длиной.

— Что это за фигня?

— Гуси-лебеди, — ответил Славка. — Ложись.

Соня зарылась в палую листву и уткнулась лицом в землю. К счастью, их не обнаружили.

— Они у Калинова моста ждать будут, там пространство открытое, негде спрятаться, — Славка сел и отряхнулся от мусора.

— Слав, откуда ты это всё знаешь? Ты не больше суток здесь провёл.

— А мне кажется, что целый год. Уже четыре сезона сменилось, как я в Нави. Насмотрелся всякого.

Беглецы отправились дальше. Несколько часов или мгновений, Соня уже во всём сомневалась, было спокойно, затем их нагнал шелест. Стая летучих мышей окружила девушку. Зверьки метили в лицо, цеплялись за волосы. Соня в ужасе завизжала, пытаясь закрыться руками.

— Сейчас помогу, потерпи, — Славка оторвал нескольких кровопийц от сестры. — Да их тут тьма!

— Тьма! — выкрикнула девушка и рассмеялась.

Самые густые тени набухли, отделились от предметов и слились в чёрный клубок. Распахнулись жёлтые глаза и кожистые крылья. Маленькая Тьма явилась по зову хозяйки, зарычала и спикировала в мышиную стаю. Ей было чем поживиться.

— Спасибо, Тьма, — выкрикнула Соня.

Тропа освободилась, и беглецы бросились вперёд. Нужно спешить. Не ясно, вырвалась ли уже Яга или сидит в избушке. За крылатую кошку девушка не беспокоилась. Та и сама была порождением мира духов и Нави. Наиграется и сгинет в сумраке до следующего зова.

Ближе к рассвету они достигли реки Смородины, над которой качался хлипкий подвесной мост.

— Странно, — остановилась Соня. — Когда я шла сюда, река горела. И мост был другой.

— Мост меняется. А река только днём горит, ночью превращается в воду. Видишь кое-где уже огоньки плавают? Скоро запылает.

— Точно, вижу.

Из глубины поднимались шары, скрученные из призрачного белёсого пламени. Внутри каждого сидело нечто тёмное и зловещее. Оно трепыхалось и рвалось сквозь тонкую оболочку.

— На глазные яблоки похоже, — девушка поёжилась. — Надеюсь, они нас не видят.

— Зато я вижу! — проскрипело из-за спины.

Лес ожил и полз в сторону беглецов. Берёзки вытаскивали корни из земли, переставляли на пару шагов и подтягивали остальное. Ветки изгибались и ощупывали пространство в поиске людей. Чёрные полосы на стволах медленно раскрывались, как раскрывается веко. Обнажились древесные зрачки.

— Какая мерзость, — Соня отступила к мосту.

— Осторожно, сзади гуси.

Славка схватил сухую палку, чтобы защищаться, но та ожила, извернулась и обвила ему руки. Соня содрала живое дерево с брата и выкинула в воду. Она теперь ни к одной берёзе не подойдёт, да и вообще от деревьев постарается держаться подальше.

Они очутились между двух огней. Был выбор — остаться на берегу и попасть к ползучим деревьям или выйти на мост к летающим монстрам. Неизвестно, где страшнее.

— Идём на мост, — решила девушка.

Беглецы прошли до половины моста и остановились посередине. Подвесная конструкция опасно раскачивалась под ногами. Берёзы напирали сзади. Птицы носились над головой, самый крупный опустился перед ними и преградил путь к противоположному берегу.

— Соня, ты же русалка! Ты смогла бы в реке жить? Прыгай вниз, а я попробую их задержать.

— Спасибо, Слав. Ты молодец. Это же вода.

Соня затанцевала и мысленно потянулась вниз. Жидкость казалась странной и враждебной, но приказу неохотно подчинилась. Река вскипела и выкинула десяток щупалец, обившихся вокруг птиц. Те жалобно кричали и бились, пока их затягивало в жадный рот полупрозрачного спрута. Вожак метнулся на помощь своим родичам, но не успел, сам еле увернулся.

Солнце показало золотой краешек, и река взвилась пламенем, сжигая чудовищную птицу и спрута. Мост запружинил, сделался вязким как болото, зачавкал, засасывая ноги.

— Мост превращается, бежим.

Каждый шаг давался с трудом. Беглецы брели внутри каменной конструкции, пока призрачной, но неуклонно обретающей материальность. Диск солнца вылез наполовину, камень обрёл упругость и отбросил их назад. Славка упирался изо всех сил и тянул сестру.

— Нужно успеть, — пробормотал парень, — пока полностью не взойдёт.

Соня не стала представлять, что тогда будет. Явно, ничего хорошего. Никогда раньше она так внимательно не наблюдала рассвет. С этого дня она будет ненавидеть рассветы, если, конечно, у них получится вернуться домой.

Диск солнца оторвался от горизонта, и одновременно беглецы свалились на противоположный берег. Условно живы.

За мостом начался уже знакомый мрачный ельник, вход в который перегораживало чудовище. Огромная, метра три высотой, старуха сидела на ступе, свесив ножки. Одна ножка — обычная в красном ботиночке, а вторая — белая кость, заканчивающаяся когтем.

Но самое страшное — волосы. Пряди спускались с головы, цеплялись за кусты и оплетали их серебристой паутиной. Такой же паутиной было затянуто всё пространство впереди. Идти было некуда.

Маруся присела на краешек дивана.

— Деточка, Настя, проснулась?

— Где я?

— Дома, в обители.

— Почему мне так плохо?

— Ты не помнишь?

Настя повернулась на бок, попыталась встать. Застонала, схватилась за Марусю. Та поддержала.

— Что у меня с руками? Почему они такие? Дай мне зеркало.

Маруся помолчала, погладила Настю по спутанным волосам.

— Дай мне зеркало, — закричала Настя. — Моё бирюзовое зеркальце.

— Оно разбилось. Тебе лучше не смотреть, деточка.

— Почему ты меня сегодня так называешь?

— Я детей всегда хотела. Я тебе рассказывала, что Родион мой обещал, жених несбывшийся. А как забрала меня вода, то сотню лет одна я куковала в Жиринке нашей, пока ты не появилась. Ты как дочка мне стала, сердечко моё радовала. Давно хотела тебе сказать, да всё не решалась.

— И сейчас? После всего как дочка?

— Да, девонька. И сейчас. Но я больше тебя не чувствую, как часть рода. Чёрная Жемчужина до тебя не дотягивается.

Настя вздрогнула, прижала руки к груди и сдавила с силой ладони. Тусклое сияние окутало пальцы, пролилось жидкой зеленью. Маруся испуганно охнула.

— Настенька. Что же ты натворила?

— Кажется, я создала новую Жемчужину. И человека опустошила до дна.

— Проклята ты, проклята! — Маруся испуганно отшатнулась. — Надо деда Потапа звать, пусть посмотрит. Может, подскажет чего.

Дед Потап явился на третий день. К тому времени Настя уже рассмотрела себя со всех сторон — уродина уродиной, на пугало похожа. Вместе с красотой ушла и способность наводить морок, превращаться в человека. Катя и другие девушки от неё шарахались, близко боялись подходить, будто заразная она. Маруся только рядом сидела, по волосам гладила, шептала успокаивающее.

Маруся же и поведала о последних событиях и ядовитом дожде, к счастью, кратковременном — серьёзно никто не пострадал. Несколько лёгких ожогов у людей и животных. Самым обсуждаемым происшествием стали выпавшие волосы у местной блогерши, хотя, ходят слухи, что она сама их сбрила для эпатажа.

Настя бездумно щёлкала каналы — стандартный, скучный набор передач. По местному телевидению постоянно крутили новости про ход расследования. Самыми популярными версиями были радиоактивные осадки, экологическая катастрофа и происки инопланетян. За день в Сервуге появились три уфологических общества, новая секта Свидетелей Осадков и пять магазинов с дождевиками и зонтами.

Маруся неохотно призналась, что Настю нашли оборотни на своей территории и передали русалкам с последним предупреждением. Следующее нарушение грозило

обернуться официальной войной. Девушки пытались узнать насчёт тела Славки, звонили в Сервужский крест, но оборотни как в рот воды набрали. Не видели, мол, никого и ничего.

Дни ожидания протекли быстро и явился Дед Потап. Он был старым, гораздо старше Маруси. Было подозрение, что живёт он с самого сотворения мира, но никто напрямую спросить не решался.

Заговорил дед не сразу. Постоял, помялся, огладил бороду, тину с усов стряхнул. Заворчал угрюмо.

— Учишь, учишь их уму разуму, а толку не было и нет. Как были девками глупые, такими и остались.

— Ну уж прости нас, батюшка водяной, — Маруся уважительно поклонилась. — Не оставь нас помощью своей.

Потап обошёл вокруг Насти, волосы потрогал, подёргал, всю рассмотрел.

— А и думать тут нечего. Закон она преступила, а за это кикиморой болотною сделалась. Как есть кикимора. Давненько я таких не видывал.

— А вспять повернуть можно?

— О таком не слыхал, — отрезал водяной. — Ежели и есть средство, мне неизвестно.

Маруся побледнела, затеребила нервно шнуровку платья. Она вспомнила, как много звёздных ночей назад она встретила Настю. С тех пор огромная вина давила ей на плечи, а сейчас стала практически нестерпимой.

Часто снилось Марусе, как девочка с русой косой приходит на берег под кривую ракиту. Зелёные глаза лучатся озорством и весельем, на щеках — ямочки, на устах — улыбка.

Маруся любовалась, спрятавшись за корягой. Такая же ясноглазая дочка могла у неё родиться, если б батюшка согласился за Родиона отдать. А вон как случилось. Нелюбимому просватали.

Вспоминала Маруся, как одна она жила в Жиринке, как тоскливо ей было. Только слезка за Настенькой и скрашивала мутные дни и длинные ночи.

Годы бежали как реченька, девочка её росла и расцветала. Стали парни заглядываться, подарки делать. Один очень уж хорош был — Василий, кузнеца сын. Добрый, ласковый, да и силой не обижен. Но Настенька нос от Василия воротила, мимо проходила.

А однажды увидела Маруся, что встречается дочка её названная под кривой ракитой с чернявым пареньком, Иваном. Затейник он первый был в соседней деревне — и на дудочке сыграть, и в любви признаться, и над девками пошутить.

Смотрела на него Настя блестящими глазами, голову на плечо доверчиво клала, позволяла себя обнимать, да целовать. А он, бесстыдник, не первую девицу открутил и бросил. И слава дурная шла, а они за ним всё равно хвостом бегали.

А как увидела русалка, что плачет Настенька украдкой, так сразу всё и поняла. Обманул, разбил сердце девичье. Жалко дочку названную стало и своего Родиона вспомнила, что клятвами страшными божился её не забыть, ни на кого не променять, а сам женился скорёхонько.

Отозвалось предательство болью в сердце, да толкнуло на грех смертный — утопила она того Ивана. Как купаться полез, так за ногу схватила и утянула. Сопротивлялся, отбивался, глаза пучил, губами шлёпал. Да где уж человеку с русалкой совладать.

Схоронили Ивана, как тело выплыло. Думала, полегче Насте станет. А она ещё больше убиваться начала. Под ракиту кидай вечер бегала, на воду глядела, по пояс заходила, руками по дну шарила, что-то искала. А потом оборотни случились.

Объявился чужой человек, черный, со взглядом звериным. Поселился за речкой, в старой избе, подлатал ее, подмазал. А через год собрал перевёртышей окрестных в стаю, вожаком сделался, главою. С тех пор в лесу люди пропадать начали — что ни седмица, то девицы или парня не досчитаются.

Марусе-то все равно было, пока люди не начали с полыньёю и крестами по лесу ходить, а детей и вовсе дома запирают. Тогда задуматься пришлось, как Жемчужину создавать новую, если перед парнем волосы чешешь, соблазн творишь, а он тебя святой водой брызжет. Но и тогда можно было простофилю какого-нибудь найти, голову округить, разум заморочить.

А потом оборотни загнали Настю. Зачем она в лес ночью пошла, одной ей и ведомо. Босая, с распущенной косой, в простой рубашке. Такой ее волки и встретили. То ли не голодны были, то ли поиграть удумали, но сразу не набросились, из кустов выскакивали и прятались, за спиной выли, глазами в потёмках зыркали, гнали по узкой лесной тропинке.

Маруся делами своими занималась русалочьим — на волнах качалась, ладонями по воде хлопала, когда вскрик услышала. Показалось, что голос знакомый, она и вышла из речки, посмотреть, что делается. А там увидела, что несется ее девочка, Настенька, из леса да к обрыву, а за нею волк черный мохнатый с прихвостнями. Не успела Маруся ничего, как добежала до места, так и остановилась. Стая в лес унеслась, а Настя в крови лежала и дышала еле-еле. Догнали все-таки, нечестивцы окаянные.

Сделалось на душе Марусиной тяжело и тошно, единственная радость пропала, последняя отдушина. Если б могла, то утопилась бы с горя, да уж второй раз не получится. Наклонилась над Настенькой, пряди с лица отвела, по голове погладила, дышит еще родная, не забрала смертушка, не срезала тонкую березоньку, не увела за собой в царство вечное.

И решила Маруся грех совершить. Встала, выпрямилась, руки к небу воздела, позвала воду за собой. Жирилка заволновалась, забурлила, пеной плеснула на берег. Туман сгустился, упал плотным маревом, белым колпаком накрыл девушек. Никто не видел, что там делалось, что творилось, но с тех пор стало в Жирилке на одну русалку больше.

Так что всё происходящее с Настей принимала Маруся на свой счёт. Винала себя, что русалкой ту сделала, не дала душе уйти спокойно; что учила плохо, законы навьи не донесла; даже порой жалела, что Ивана загубила. Вернуть бы прошлое, поговорить с этим Иваном, попугать, чтоб девочку не обижал. Глядишь, бы и сладилось у них.

— Кикимора, значит? — поджала Настя губы, зло прищурилась. — А есть другие, такие же?

— Раньше были, да все вышли — отвечивал дед Потап. — Еще до Маруси. Место-то болотистое здесь. Но иссохло помаленьку и пропали кикиморы. Куда делися — не знает никто. Знать померли без трясины сырой, а мож ушли.

— А что же мне делать?

— Что хошь, то и делай. Но из обители русалочьей уйти тебе надобно, а лучше из города. Нет мира промеж вашими родами. У кикимор чары, что желчь едкая, а у русалок — медовые, сладкие. Друг друга порушат они, изопьют, растопят. Там, где вода проточная бежит — не место застойной.

В углу комнаты плакала Маруся, комкала в руках голубой платочек в горошек. Настя ходила вокруг стола, бурча под нос — ни одной слезинки не выкатилось из ее глаз. Она не могла из Сервуги уехать, у нее столько планов и Николай. Пожалуй, можно переместиться на съемную квартиру, где она с любимым встречалась. А там она отоспится, в себя придет и найдет способ накинуть морок, чтобы красавицей казаться. А Зеленая Жемчужина поможет.

Теперь не надо у Маруси силу клянуть.

Вещей у русалки было минимум, в рюкзак за десять минут покидала и готова. Маруся адрес выпросила, врать ей не стала, накорябала на листочке, где искать и полной грудью вдохнула, выскочила на улицу. В темноте под капюшоном лица не видно, рукавами толстовки пальцы сухие прикрыла и сошла за подростка, который не хочет быть узнанным.

Ночной воздух гудел цикадами, оглушал цветочными ароматами, слепил неоновыми рекламными огнями. Настя думала, что пропала способность то ли летать, то ли плавать по воздуху. Вот бы сейчас зависнуть над кронами этих стройных ясеней и медленно заскользить под луной в прохладных струях ветра. Нырнуть бы в воду, распугать мелких рыбёшек, пройтись по лунной дорожке, бледным лучом подпоясаться, звездами косы украсить.

Ан нет, тело теперь тяжёлое, спина к земле гнётся, с трудом ноги переставляются, на руках словно по гире привешено. Внутри ломит каждую косточку. Зато у груди сокровище припрятано — согревает, убаюкивает, зеленым светом мерцает. Если б не Жемчужина, не дошла бы до квартиры. Ввалилась в прихожую из последних сил и глазам своим не поверила.

Показалось, что напротив зеркало, а в нем она отражается, как была. Волосы русые, глаза зеленые с поволокой, яблочки на щеках и родинка под правым глазом. Настя помахала рукой, а отражение расхохоталось и уселось на пуфик.

— Хотела с тобой наедине поговорить, — заговорило отражение.

— Лиза? Это ты? Зачем мой облик накинула?

— Ты лучше скажи, что наше соглашение в силе, — ответила Лиза.

— Нет, не в силе. Теперь мне Жемчужина не нужна.

— Так я и знала. У меня подчиненные такие же. Никто обещаний не держит, чуть что — бегут с корабля. Но так просто ты от меня не отвертишься. Я тебя заставлю договоренность выполнить до конца.

— И как же? — Настя улыбнулась нахалке.

— Приду к Николаю в твоём облике, — Лиза огладила волосы и грудь. — Будет меня любить.

— Не смей, — зашипела Настя, бросилась к неожиданной сопернице, но та взмыла вверх.

Настя успела ухватить ногу и дернула на себя, Лиза коротко вскрикнула, вцепилась в волосы, резко потянула.

— Отстань, гадина, — пропыхтела Настя и куснула за руку.

— Ааа, да я тебя щас, — Лиза затейливо выругалась, пнула противницу в живот, но сама свалилась на спину и медленно опустилась на пол. Теперь ее позиция была явно проигрышной.

Настя вспомнила про рюкзак с вещами, перекинула его вперед и воспользовалась вместо биты. Увесистые удары сыпались на Лизу, а та верещала и закрывалась ладонями.

— Хватит, с ума сошла что ли?!

— На, получай. Я тебя за Николая порву просто. Чтоб подходить к нему не думала!

Лиза ухватилась за лямку рюкзака и дернула на себя. Девушки оказались на полу и сцепились в клубок, как кошки катались по прихожей, визжали, царапались. Настя ощутила, что она побеждает, в какой-то из удачных моментов она располосовала Лизке щеку и выдрала клочок волос.

— Что здесь происходит?

В дверях стоял Николай, как всегда, безупречно одетый — белоснежная рубашка, дорогие часы, инструктированные бриллиантами, сверкающие ботинки. Парень кинул взгляд

на Настю и брезгливо поморщился, обратился к Лизе.

— Дорогая, у нас сегодня свидание должно быть. Ты почему не готова?

— Я занята была, свидание отменяется, — отрезала Лиза.

— В смысле, как? — Николай опешил и вытаращил глаза.

— Вот так. Всё, свободен. Позвоню, как освобожусь. — Лиза презрительно окинула взглядом парня и добавила. — Если в настроении буду.

Николай не уходил и, вообще, не двигался с места. С тех пор, как он на обучение к Эдуарду Валерьевичу поступил, это была первая женщина, которая его послала. Хм, как необычно. Николай почувствовал, как внутри разгорается огонёк интереса. Это могло стать будоражащей кровь охотой.

— Позволь я помогу, — парень вошел и поклонился, сделав вид, что снимает воображаемую шляпу. — Обопритесь, леди, о мою руку.

Лиза фыркнула, но руку приняла. Настя поспешно натянула капюшон, исподтишка разглядывала возлюбленного, но вмешиваться боялась. А вдруг он ее по голосу узнает и вопросы появятся. Лучше его выпроводить, а потом с Лизкой по-тихому разобраться.

— Позвольте вам выразить мое восхищение, — продолжал заливать Николай, целуя руку Лизы и пытаясь приобнять девушку за талию.

— Не надо ломать комедию, — отстранилась Лиза. — Я таких как ты насквозь вижу.

— Давай я тебе хоть раны обработаю, — взмолился Николай.

— Какие еще раны? А эти, — Лиза потрогала царапины на лице. — Я сама обработаю.

Николай топтался на месте и не уходил, в глаза заглядывал щенячьим взглядом. Лизу это уже подбешивать начало. А Настя сидит, сопли распустила на альфонса этого. Видно же, что мальчик играет.

— Вот что, — скомандовала Лиза. — Завтра приходи ровно в четырнадцать. Купишь букет бордовых роз двадцать пять штук и коробку Ферреро Роше. И не опаздывай, не люблю я этого.

— Исполню любое ваше желание, моя госпожа, — шуточно поклонился Николай и откланялся.

Лиза захлопнула за ним дверь и облегченно вздохнула. Облик Насти замерцал и постепенно сполз с нее, вернув истинную личину — белокурые волосы, острые скулы и спортивную фигуру. Ничего похожего на мягкие формы Насти.

— Думала не уйдет, надоедливый какой. И что ты в нем нашла? Впрочем, можешь не отвечать. Такие, как ты, всегда негодяев выбирают.

— Зачем ты ему сказала завтра приходиться? — спросила Настя. — Увести его хочешь?

— Да нафиг он мне сдался. Приедет со своими розами, просто дверь не открывай ему. Записку прилепи, что ушла по делам. Мужики от такого сами не свои делаются и бегать хвостами начинают. Это что за истерика?

Настя расплакалась, неуклюже размазывая слезы по щекам и подбородку, судорожно всхлипывая и икая.

— А ну хватит! Перестала быстро, — Лиза уселась рядом и потрясла бывшую соперницу. — Вот нашла из-за кого переживать. Из-за мужика. Да их как песка в море.

— Он один такой.

— Ну-ну, сто лет, а ума всё нет, — Лиза неодобрительно поджала губы. — Сейчас покажу тебе кое-что.

Лиза потянулась к миниатюрной сумочке и извлекла пачку фотографий, полученных от

Тамары Ивановны.

— На посмотри!

— Да как же это? Он что со всеми? — Настя выронила фотокарточки и заревела еще сильнее.

— Я тебе с ним помочь могу, голову вскружу так, что за тобой бегать будет, на других и не посмотрит. Только облик русалочий тебе самой возвращать придется. Тут я пас.

— А ты не?

— Мне он точно не нужен, не волнуйся даже. Только и ты своих обещаний не забывай.

— Если Николая вернешь, то я на все согласна, — прошептала Настя.

Катенька с досадой захлопнула книгу. Столько рукописей просмотрела, столько архивов перерыла. А только одну быличку про Сервугу и купальную ночь нашла. Якобы некие Федор и Прокоп сорвали дивный цветок папоротника и пошли искать клад. Но вернулся один Фёдор, а второй мужичок сгинул без следа.

— Всё в порядке, любимая? — горячие ладони легли ей на спину и скользнули вниз.

— Да! Но очень мало записей. Возможно, эту старинную карту с обозначением цветка и клада нарисовал Фёдор. А если подделка?

— Не проще ли зайти в любое место, где растёт папоротник и подождать там пока расцветет?

— Если бы всё было так просто, то каждый год бы по волшебному цветку срывали.

— А если так и есть, срывают и скрывают?

— Такое не утаишь. Везде глаза и уши в нашем захолустье. В одном углу чихнёшь ненароком, в другом — тебя уж похоронили.

Костя усадил русалку себе на колени и зарылся пальцами в розовые волосы. Высокий лоб его прорезала вертикальная морщинка над переносицей.

— Меня смущает, почему они цветок такой формы рисуют, — продолжала Катя. — Не совсем приличной. Я даже поначалу подумала, что малолетки над бумагой измывались.

— Наши предки чему только не поклонялись, — улыбнулся Костя. — Я бы этому не удивлялся.

— И вот здесь ещё разногласие, — Катенька раздражённо потрясла фотокарточку с изображением старинного текста. — Со слов Фёдора было записано, что мужики заблудились и потеряли друг друга в потёмках. А с другой стороны, Иван Фёдорович, что сын этого Фёдора, хвастался на службе, его отец цветок добыл и клад выкопал.

— И куда он его дел? — заинтересовался Костя.

— Обрато закопал. Потому что поделнику, Прокопу, голову крышкой сундука отрубило.

— Какая-то фантастика!

— Да уж. А вот здесь Федор цветок нашел, справа от лисьего холма. Они его называют чёртовым местом.

Катя прижалась к возлюбленному, положила голову на грудь и притаилась. Ей нравилось слушать, как сердце живое бьётся. Костя задумчиво гладил девушку по волосам, пропускал пряди между пальцами.

— Сегодня ночью я решила идти к лисьему холму, — сказала Катенька. — Попытаю счастья там.

— Хорошо, душа моя. Я отвлеку перевёртышей, заведу в западную часть леса. Никто тебя не потревожит.

Костя притянул русалку к себе и со страстью поцеловал. А та выгнулась, затрепетала как струна. От любовных ласк, казалось, даже кровь её разгорячилась и быстрее побежала по венам. Катя выдохнула любимому в губы, привстала, посмотрела прямо в глаза.

— Я на всё готова ради тебя, свет мой. Помни это. Моя жизнь — твоя.

— Я помню, — ответил Костя и ласково погладил девушку по щеке. — И моя жизнь — твоя.

Лес стеснительно останавливался у лисьего холма, обтекал его и снова смыкался непролазной чащей из частокола молодых клёнов и ясеней. Поначалу Катя пробиралась в человеческом облике, но после царапин на плече, разорванной блузки и ушибленного мизинчика, она перекинулась в русалку и взмыла над макушками густой поросли. Так поверху и добралась до нужного места.

Если смотреть сверху, лисий холм безобразной бородавкой торчал среди крон. Лис там в помине не водилось, а название прижилось после фотки блогерши в костюме кицуне на том самом холме. У подножия в изобилии росли папоротники, полностью вытеснив другие лесные травы.

Катя свернула направо и принялась обходить холм. Близилась полночь. Ночь была безлунная и девушка взяла с собой фонарик и свечи. Немного поколебавшись, Катя убрала фонарик и достала белую свечу, зажгла её, поставила в высокий стеклянный стакан, чтобы защитить пламя от колебаний воздуха.

Вдалеке раздался одинокий волчий вой, тут же подхваченный множеством глоток. Костя вывел стаю на охоту — поняла девушка и окончательно успокоилась. Оборотни теперь надолго заняты.

— Дзинь, — раздалось сзади.

— Катя обернулась и обомлела. Папоротник был обсыпан светящейся и медленно угасающей пылью. Значит, не зря она сюда пришла. Не обманул Иван, Фёдоров сын.

— Дзынь, — раздалось справа.

Катя завертелась и, наконец, увидела. Золотистый шарик лежал в центре розетки листьев. Он дрожал, дёргался и быстро рос, превращаясь в продолговатый бутон. В мгновение ока раскрылись лепестки, выбросив облако блестящей пыли, и так же быстро лепестки увяли и отвалились.

— Дзинь, дзинь, дзинь, — зазвучало с разных сторон.

Катя лихорадочно заметалась, пытаясь ухватить цветок до его увядания. Она вся покрылась пылью и липким соком, оторванные кусочки листьев застряли в волосах и одежде. Сейчас девушка, как никогда, походила на взлохмаченную нечисть, как рисуют в сказочных книжках.

— Дзинь.

Катя взяла себя в руки и остановилась, тяжело дыша. Так ничего не получится. Цветки появляются и опадают слишком быстро, она не успевает добежать к ним. Надо наблюдать и думать, как учил Костя.

Через пару минут девушку осенило. А что, если встать в такое место, где скоро объявится такой цветок. Катя осмотрелась, выбрала почти чистый от пыли участок и переместилась туда. Здесь папоротников много, а цветов почти не было. Девушка надеялась, что они распустятся чуть позже. И не прогадала.

— Дзинь, дзинь, дзинь, — раздалось практически под ногами.

Резкий бросок руки и Катя завладела полураскрытым бутонем. Сорванный цветок потускнел, почти перестал светиться, но и увядать не думал. Покачивался задумчиво на кусочке стебля.

Девушка завернула своё сокровище в хлопковую ткань и положила в маленькую сумочку кросс-боди, чтобы оставить руки свободными.

Домой Катенька летела радостная — удалась давняя задумка, теперь и остальное у них с Костенькой получится. Но не успела она уйти далеко от лисьего холма, как сильная боль

отрезвила девушку. Кажется, волосами зацепилась, надо распутать. Катя подошла к дереву, но ближайшие ветки изогнулись и бросились на неё с со свистом.

Девушка присела от испуга и нападавшие мазнули по макушке, почти её не задев.

— Отдай, отдай мне, — раздалось сверху.

На суку сидела, покачиваясь, сморщенная старуха. Катя и не сразу её разглядела, приняла за огромный грибной нарост. Но нарост зашевелился, распрямился и оцетинился руками с когтями-лезвиями.

— Цветок отдай, отдай. Мой цветок. Красивый мой, ненаглядный. Зачем сюда пришла, чужое сорвала? Накажем, накажем, кха-кха, — старуха закашлялась и сплюнула в сторону девушки.

— Вы кто? — спросила Катя, пытаясь унять дрожь в голосе.

— Не знаешь, и не знать бы тебе. Лучше будет, — длинный нос зашевелился, зажил своей жизнью, втянул воздух. Чую запах твой нелюдской и голос у тебя текучий, как ручеёк. Слышала я такой голос однажды. В автобусе ехала такая же текучая, мороком колдовским баловалась.

Старуха спустилась ниже, сощурила глаза, пытаясь разглядеть собеседницу в темноте.

— А так ты и не человек вовсе, не поняла-то я сразу сослепу. Тем боле, цветок тебе не надобен. Давай-ка сюда.

Тонкая, сухая рука потянулась к русалке, а та отмерла и кинулась прочь.

— Стой, девонька, куда же ты? Не угонится старушка за тобой, — издевалась сгорбленная карга, скача по кронам вслед за девушкой.

Катенька подпрыгнула и зависла над землей, поднялась над деревьями, закачалась, слегка задевая листву кончиками пальцев на ногах. Взмах рукой, и легкий ветерок понёс её так быстро, как никакой человек бежать не сможет. Фу, кажется, оторвалась, успела подумать девушка, как снизу раздался треск. Старуха объявилась снова, теперь уже оседлав выломанный ствол молодой березки, зажав его между ног и подоткнув подол серого платья за пояс. На этой метле она скоро догнала Катеньку и вынудила петлять зайцем, чтобы не попасться в корявые объятия.

— Найди другой цветок. Что ты пристала?

— Нет другого. Есть один только. Отдай его, отдай, — завывала старуха.

Сумасшедшая какая-то, решила Катя, и попыталась ускориться. Ведьма не отставала, летала вокруг неё на березовой самодельной метле, что-то неразборчиво шептала, иногда визжала «отдай его, отдай», толкалась, драла за волосы.

— Отстань! — отчаянно выкрикнула измученная Катя и старуха исчезла, чтобы через секунду спикировать сверху и сбить девушку.

Кусты смягчили падение, русалка приземлилась на четвереньки и сразу вскинулась, зашарила взглядом по небу. Никого, куда же делась мерзкая карга? Девушка ощупала себя, проверила на месте ли сумочка и подобрала толстую ветку — сгодится для защиты. Она упала на небольшую полянку — может попробовать уйти понизу от преследующей ведьмы?

— Rrrrrr, — раздалось глухое угрожающее рычание.

Катя вмиг похолодела и облилась потом — из темноты не неё пялились глаза, звериные, страшные. Глаза погасли и вспыхнули в другом месте. Да их тут много, догадалась девушка и крикнула срывающимся голосом:

— Выходите! Что прячетесь?

Раздвинув листву, вышел, нет — величаво выплыл огромный серый волк, высотой с

целого телёнка. Откуда-то раздался смешок, и русалка разозлилась. Так это карга её в западную часть леса притащила, к охотящимся оборотням. Вот гадина. В пылу гонки Катя не заметила, куда они направляются, но сейчас уже поздно себя винить, надо выбираться как-то.

Волки появлялись один за другим, в полном молчании, даже шагов не слышно. От этой неестественной тишины волосы встали дыбом и пересохло в горле. Катя лихорадочно думала, искала выходы. Внизу волчье племя, готовое любой русалке глотку разодрать, вверху притаилась зловредная старуха. Западня.

Если только старухе цветок папоротника кинуть и улететь, пока та ловить будет? Но без цветка все плану пойдут насмарку, придется еще год ждать. А ждать Катенька не хотела. Жемчужина должна ей принадлежать, тогда сможет она унять ненависть своих сестер-русалок к перевертышам, новый договор они заключат, где никто друг друга обидеть не сможет. А если противники нового порядка найдутся, то не жить им в Сервуге. А вот стоят тут эти и счастья своего не понимают.

Самый крупный волк прыгнул. Как в замедленной съемке Катя видела — вот присел, набирая мощь для прыжка, вот оторвались лапы от земли, вот оскаленная морда метит ей прямо в лицо.

Девушка взлетела, уходя от звериных клыков и увернулась от ведьмы. Та, растопырив руки, и оскалившись не хуже волков, кружила над полянкой и не давала подняться выше.

— Да пропусти, ты. Гадина беззубая! — русалка принялась ругаться, чего никогда себе раньше не позволяла.

— Зубов мало, да все мои, — огрызнулась старуха. А от тебя скоро ни зубов, ни волосьев не останется. Она как скачут.

Волки мельтешили внизу, взрыкивая, подпрыгивая, щёлкая зубами в надежде зацепить Катю за ногу. И у них получилось. Девушка на секундочку только отвлеклась, чтобы взглянуть на них, а ведьма этим воспользовалась — упала кулем сверху, и вместе они свалились в мохнатый клубок из лап, зубов, когтей.

К старухе стая интереса не проявила, а русалку прикусил за руку ближайший зверь и потащил за собой волоком.

Девушка пыталась вырваться, отбиться, но силы были не равны. Волки сменяли друг друга, зажимали челюстями то руку, то ногу и продолжали тянуть её за собой.

Катя вскрикивала каждый раз, когда клочок её розовых волос застревал в зарослях, когда в тело вонзались камни и острые сухие сучья, когда волчьи зубы оставляли новую отметину. Ей показалось, что прошла целая вечность, пока они не оставили её.

Девушка сжалась комочком, закрываясь от нападения, но ничего не происходило. Катя открыла глаза и робко осмотрелась.

Всё вокруг уставлено свечами, светло почти как днём. Свечи расположены не абы как, а закручивались спиралью, в центре которой возвышался огромный пень. А на пне что-то сверкало и слепило.

Под корявым вязом со сломанной верхушкой сидел белый волк, в глазах которого полыхала ярость. Неспеша он встал, и остальные волки попятнулись, как единое целое, заскулили, заплакали, прося прощения.

Белый волк рыкнул, разбежался, пружинисто подпрыгнул и перемахнул через пень.

Ножи, сообразила Катя, это десятки ножей, воткнутых в древесину. Почему-то она ясно рассмотрела она, что у одних ножей рукоятки обмотаны кожаными лентами, у других

сделаны из полированного металла, у третьих украшены завитушками и славянскими оберегами.

Над этими рукоятками и пролетел белый волк, а с другой стороны пня — приземлился уже Константин.

— Костя, — прошептала Катенька, сил не было кричать.

— Всё хорошо, девочка моя, сейчас я тебе помогу, — Костя взял её на руки, прижал к себе, пачкаясь в голубой русалочьей крови.

Один из волков глухо зарычал, ещё пара голосов присоединились к нему. Костя даже не обернулся, продолжал с Катей разговаривать.

— Сейчас к себе домой отнесу и посмотрю твои раны. Держись, моя любимая, душа моя.

— Костя, они же альфе доложат, что я у тебя.

— Вот и хорошо, — Костя сжал губы в тонкую линию, — альфа разборки устроит и показательную битву, чтоб непослушных наказать. Но он стар, и старость ему мозги в пыль покрошила. Я его убью.

— Но как же? А другие?

— Не волнуйся, маленькая, — Костя нежно взглянул на грязное осунувшееся лицо возлюбленной. — Последние полгода я хорошо поработал. Большинство перевёртышей на моей стороне. Настало время показать зубки.

Катя опомнилась, нащупала ремешок сумочки и подтянула ту к груди, обхватила двумя руками. Повезло, что не потеряла.

— Костя, моя сумочка, там цветок. Я сорвала. Отгони старуху, прошу, она отнять хотела.

Старуха следовала за вожаком добычей, шла в десяти шагах за Константином, но звуков не издавала, цветок не просила. Лицо насуплено, спина ещё больше сгорбилась, руки до земли свесились. Так бы и кралась незамеченной от полянки до Сервужского креста, если б русалка про неё не вспомнила.

Костя свистнул и пробурчал неразборчивый приказ в темноту. Сейчас же последовал ответ — низкий утробный звук, и серая молния метнулась к старухе. Та только руками прикрыться успела и проклятье изрыгнуть.

В поселении оборотней было тихо и пусто — Костя без помех пронёс Катеньку до своего дома. Уложив девушку в кровать, он первым делом осмотрел её раны.

Множество царапин, неглубоких укусов, но ничего серьёзного. К счастью, его собратья не стали своевольничать, а отнесли находку к лидеру охотничьей вылазки. Кате повезло, но в другой раз могло и не повезти.

Надо заканчивать с альфой и его дурацкими древними порядками. Костя принял душ, надел ритуальную рубаху для поединка и уселся на пороге дома. Ждать оставалось недолго.

Лес жил своей жизнью — бормотал на разные голоса, шелестел, рос, дышал. Недалеко от Креста в густой тени от клёнов лежала старуха.

Волки сильно её потрепали, старуха со свистом вдыхала воздух и протяжно стонала. Небо постепенно светлело, и стоны становились тише и реже. А с первым лучом солнца ведьма захрипела и затихла.

На ветке клёна пристроилась белка, глаза-бусинки внимательно наблюдали за происходящим внизу. А ну будет чем поживиться. Люди страшные, большие, но иногда вкусную еду дают, если к ним близко подойти.

Тем временем, тёмная сгорбленная фигура старухи распрямилась, побелела, потекла и через минуту на траве лежала молоденькая девушка. Тонкая талия, изящные руки и ноги — вся как изысканная статуэтка невесомой танцовщицы.

Белые волосы разметались веером и казались пушистым облаком вокруг худенького личика. Глаза закрыты, на лице покой и умиротворение. Под веками двигаются глазные яблоки, будто снятся ей сны.

Далеко от этого места, в центре Сервуги, встрепенулась худая брюнетка. Дарина, полуденница, никогда не спала и последние пятьдесят лет занимала время чтением. Бродить по ночам и народ пугать ей поднадоело, да и не верили люди больше в славянскую нечисть. Её уже пару раз принимали за вампира, но не шарахались, а кровь предлагали, вечную жизнь просили.

Дарина отложила сборник стихов Цветаевой, когда старинный серп на её журнальном столике засиял, будто отразил свет полной луны. Такого не бывало с тех пор, как её сестра ушла к людям.

— Беяна? — Дарина привстала с дивана. — Беяна, где ты?

— Что это ещё за? — Соня с ужасом разглядывала огромную фигуру Бабы Яги.

— Не бойся, а то она ещё подрастёт! Страх её питает, — Славка схватил сестру за руку, сжал и отпустил несколько раз пальчики. Это был их тайный знак, вместо слов «я рядом».

— Это мы посмотрим, кто кого бояться будет.

Девушка сложила руки рупором и выкрикнула:

— Серый волк, приходи.

Тишина и никакого волка, ни серого, ни белого.

— Как его звать-то, — пробормотала Соня под нос. — Ты не знаешь, случайно?

Славка пожал плечами.

— Никогда не слышал, а зачем он тебе?

— Помочь обещал. В честь моих заслуг бывших, — девушка скривила губы, как будто кислятину попробовала и снова крикнула:

— Серый волк, как тебя там, выходи! — и уже в сторону брата. — Блин, как в мультике, по-дурацки как-то. Чувствую себя идиоткой.

Славка вытаращил глаза и ткнул пальцем за спину девушки. Соня покосилась, ожидая встречи с очередной гадостью, но, к счастью, это был волк. Только не такой ухоженный, как на дороге к Бабе Яге, а подранный, с открытыми ранами на задних лапах и на затылке.

— Поможешь? — Соня решила брать быка за рога.

Баба Яга пока активных признаков жизни не подавала — сидела себе в ступе, слегка шевелилась и ждала. И действительно, чего ей напрягаться, если им идти больше некуда.

Волк склонил голову, спрятав глаза. Но за мгновение перед этим Соня прочла в них странное выражение. Стыдно ему что ли?

— Помогу, как обещал, — волк упорно смотрел в землю. — Но только одного смогу унести. Выбирайте.

— Ты что, офигел?

Волк склонился ниже, носом почти в тропинку уткнулся. Девушка упёрла руки в бока, изображая ядрёную бабу:

— Или вдвоём нас забираешь? Или...

— Что или? Вам не спастись без меня, вдвоём пропадёте. А так хоть один уйдёт.

— Ты же сказал — поможешь!

— Я и помогаю, — огрызнулся волк. — Я ж наперёд не знал, что биться придётся. Силы все растратил, на одного седока хоть бы осталось.

Славка обнял сестру, неклюже погладил по голове. Руки у него тряслись.

— Сонь, это. Я останусь. Я уже мёртвый, мне она ничего не сделает.

— Ни фига, Слав! Даже не думай, зря я что ли за тобой сюда шла.

— Вот именно, ты сможешь снова за мной прийти. Только возьми в следующий раз с собой парочку пулемётов и танк пригони, — Славка вымученно улыбнулся. — А я за тобой не смогу вернуться.

— Я и без пулемётов за себя постоять могу, я же типа русалка.

— Угу, типа русалка. Но без воды что-то у тебя не очень выходит.

— Так будет вода. Эта хрень, — Соня посмотрела на Ягу, — пока не нападает. Я посижу здесь до ночи, пока Смородина погаснет. И как бахну.

Серый волк терпеливо ждал пока брат с сестрой примут решение. В конце концов, парень уступил.

— Вы ежели договорились, — волк подошёл поближе, — то на спину мне пусть залазит и за шею держится. Только, чур, не сжимать сильно, а то далеко не уедем.

— Давай, Слав, — девушка подтолкнула брата и тот неуклюже перекинул ногу через волчий хребет.

Волк тотчас же запыхтел и начал расти — достиг размеров коня, потом слона, потом вымахал до верхушек деревьев и двинулся в сторону Алатырь-камня.

Паутина налипала на волчьи лапы и рвалась, не могла удержать такую махину. Заметив это, Соня немного успокоилась — так он просто Ягу перешагнет, и брат спасён.

Славка судорожно цеплялся за шерсть. За шею волка обхватить было не реально, слишком большая.

Спина животного оказалась очень подвижной — под кожей работали мышцы, какие-то бугры вздувались и опадали.

Парень улёгся плашмя, прижавшись всем телом к своему спасителю. Жаль верёвок нет, тут бы обвязаться не помешало.

Неожиданно спина волка резко ушла вниз, сердце у Славки ухнуло, подпрыгнуло и застряло, по ощущениям, где-то в горле.

Затем начались американские горки — вверх-вниз без передышки. Славка думал только о том, как не соскользнуть с животного — руки вспотели и пучки шерсти выскальзывали из пальцев.

Минут через пять волк перестал прыгать, но ещё больше ускорился — воздух свистел в ушах, на пределе слышимости доносился монотонный шум, складывающийся в ругательства.

Периодически волка кренило, пару раз он резко останавливался, так что Славку отбрасывало вперёд. К его радости, бег вскоре прекратился и стало полегче.

Верхушки деревьев проплывали мимо парня, и он смог собрать мозги в кучу. И так, Сонька, в очередной раз настояла на своём, а ему теперь надо придумать, как ей помочь.

Ничего дельного, как назло, в голову не приходило. Надо сказки почитать, наверняка, там подсказки есть. Славка поёжился — если в сказках правда говорится, то жить получается страшно, а умирать ещё страшнее.

Волк вздрогнул всем телом и парня подбросило. От падения с высоты спасло только то, что он улетел в крону и инстинктивно вцепился в ветку.

Сердце стучало как бешеное, перед глазами колыхались резные листочки. Ясень, определил Славка. В детстве он по таким же лазил, только с «кошками». Ну ничего, как-нибудь спустится.

Уменьшившийся волк ждал внизу. Ран на нём прибавилось — левый бок сверкал лысыми пятнами без шерсти вперемешку с ожогами.

— Я своё обещание сдержал, — отчитался волк, — там выход. Алатырь пройдёшь, так и Явь начнётся. Мне туда хода нет.

— Спасибо, а подскажи, как мне сестру вытащить?

— Это ты у ворона на камне спроси, — волк отвернулся и нырнул в заросли.

— Ладно, спрошу.

Парень направился к выходу из леса и через несколько минут уткнулся в белый камень, напоминающий известняк. Красноглазая птица важно восседала на самой верхушке и оглядывала окрестности.

— Здравствуй, подскажешь, как мне сестру вытащить оттуда, — спросил Славка.

— Кхе, кхе, — ворон откашлялся. — Нужно тебе, добрый молодец, добыть воды живой и мёртвой. И водой этой значитя...

Ворон поперхнулся на полуслове, выпучил глаза и удивлённо раззявил клюв.

Славка потряс головой, что-то странное происходило — мир вокруг терял краски, выцветал, пока не превратился в чёрный фон — ни ворона, ни камня, ни леса. Он стоял в тёмном тихом пространстве.

Парень выругался, но звуков изо рта не вылетело. Что за хрень? Разобраться он, однако, не успел. Вязкая чернильная субстанция подхватила его, закрутила до тошноты и швырнула в сторону.

Настя нарезала круги по квартире. В груди давил, тянул плотный комок, не давал покоя, отвлекал, тревожил. Как там Николай? А Лиза? Сдержит ли обещание?

И что с Марусей и Чёрной Жемчужиной, как Лиза ими распорядится, когда власть к ней перейдёт? Не обидит ли?

Так много вопросов и хочется плакать, сесть посреди комнаты, обнять себя руками, раскачиваться взад-перед и тихонько завывать.

Нельзя так себя распускать, подумала Настя, русалки должны себя вести пристойно, принимать с достоинством удары судьбы. Так Маруся любила говорить.

А кому они должны? Да она теперь и не русалка, не Маруськиного роду-племени.

И Славка этот. Нехорошо как получилось.

При воспоминании о Славке комок в груди подрос и принялся распирать изнутри.

Настя упала на колени, опёрлась ладонями в пол и попыталась успокоиться. Нужно позвать Жемчужину, она поможет.

Девушка сложила ладони ковшиком, протянула ниточку к своему сердцу и залюбовалась. Перед глазами закрутился зеленый шарик, напоминающий по цвету робкие берёзовые листочки по весне.

— Как мне Славке помочь? — спросила Настя, зажмурилась, сморщила нос и со всей искренностью пожелала исправить содеянное.

Раздался хлопок и звон от удара металлического предмета. Настя вскочила и прыгнула в угол прежде, чем поняла, что происходит.

А произошло невероятное — сорванные шторы валялись на полу, железный карниз разломан пополам, стол и стулья перевернуты и навалены кучей у двери в прихожую, кровать стоит на боку и покачивается.

— Осторожно, — Настя кинулась и подпёрла опасно накренившуюся кровать плечом. — Упадёт сейчас.

— Где я? — спросил Славка, пытаясь отползти от шатающейся кровати.

— Слава? Это ты? — Настя жадно разглядывала парня.

Он изменился, волосы отросли и стали абсолютно белыми. Вид измученный — ничего не осталось от того крепкого, пышущего здоровьем паренька из автобуса.

— Пока вроде я, — парень перевернулся на бок, подтянул колени к себе и привстал, опираясь на руку.

— Ой, не смотри! — Настя мотнула головой и прижала подбородок к груди, отчего волосы завесили ей лицо.

— Настя, рад тебя видеть. Наконец-то встретились, — Славка изобразил нечто, напоминающее его фирменный поклон, и девушка улыбнулась. Когда-то давно он так

кланялся ей в «Сахаре». Хотя, это было полтора месяца назад, а кажется, что годы прошли.

— Ты как меня узнал?

— А что тебя не узнать? Скулы у тебя красивые, глаза вечно удивлённые, волосами так любишь заслоняться, когда стесняешься.

Славка с трудом поднялся, вытащил из кучи стул и примостился на краешек, придерживая голову руками.

— Что у тебя с головой? Ты ушибся? Как ты себя чувствуешь? Что болит? — Настя отпустила кровать, и та с грохотом упала плашмя. — Давай лёд приложу, у меня в холодильнике был, кажется.

К счастью, на кухне был порядок, появление гостя затронуло только одно помещение. Лёд отыскался быстро. Настя кинула несколько кусков в пакет, обмотала тонким полотенцем и вернулась в спальню.

— Не надо лёд, — парень отмахнулся от холодной грелки и взял Настю на руку. — Это ты меня перенесла? А сестру мою сможешь?

Настя проследила куда он смотрит — прямо на Жемчужину. Та взмыла к потолку и спокойно плавала вокруг люстры, пережидая вакханалию.

— Я не знаю твоей сестры...

— Знаешь! — перебил Славка. — Соня, одна из вас, русалка.

— Так вот как... — пробормотала Настя.

Всё встало на свои места. И почему Славка её узнавал в любом облике и откуда у него бирюзовое русальное зеркальце. Соня, значит. Та Соня, которую она сама сделала русалкой.

Настя хрипло расхохоталась и осела на пол.

— Я помогу, попробую позвать, — сквозь смех проговорила она.

Славка наклонился и вlepил ей оплеуху.

— Прекрати истерику, соберись.

— Хорошо, хорошо. Я соберусь.

Жемчужина почуяла зов хозяйки и спланировала в подставленные ладони. Настя погрела оберег своим дыханием, представила Соню и пожелала, чтобы та оказалась рядом.

Несколько изумрудных нитей протянулись вдаль за пределы комнаты. Слабый отклик раздался вдали и затих.

Девушка скользнула мыслями по путеводным нитям и упёрлась в преграду — от неба до земли высилась радужная стена. Больше всего это напоминало нефтяную плёнку на воде. Стена гнулась, но не пропускала, отталкивала.

— Не получается, — Настя подняла взгляд на Славку, — что-то мешает.

— Что мешает?

— Я не знаю. У меня случайно с тобой получилось. Никто раньше такого не делал. Мы даже не знали, что Жемчужина такое может.

— Попробуй еще раз, пожалуйста, — попросил парень.

Настя кивнула и сосредоточилась — та же стена, те же радужные разводы.

— Не получается, — девушка вздохнула, — прости, я стараюсь. А где твоя сестра, то есть Сонька? Она с тобой была?

— Нет, мы разошлись. Она в Нави осталась.

— В Нави? — у Насти закололо кончики пальцев. А ты, значит, не в Нави? Может, поэтому тебя получилось привести, а её нет.

Славка хотел что-то ответить, но побледнел, закусил губу и начал заваливаться вбок.

Когда Славка пришёл в себя, он лежал на ворохе одеял, укрытый полосатым шерстяным пледом. Настя сидела рядом и держала его за руку.

— Кажется, вы с ней связаны, — девушка пожалала плечами и посмотрела вниз.

Славка повернул голову и обнаружил зелёную Жемчужину на подушке, рядом с головой.

— Думаю, тебе нельзя далеко уходить. Поживёшь пока у меня.

— Мне бы вещи свои взять из дома, — Славка сделал попытку встать. — И собаку, она у друга на соседней улице пережидает.

— Завтра съездим вместе и заберем что нужно, — Настя обхватила его за плечи и уложила обратно. — Не двигайся, отдыхай, а то ты выглядишь не очень.

Парень чуть улыбнулся уголками губ и потребовал:

— Верни руку на место, мне так спокойнее.

Настя засмушалась, но снова взяла его за руку, а он переплёл пальцы, закрыл глаза и, спустя минуту, вырубился.

На утро они выбрались в квартиру Славки. Настя прикрыла лицо капюшоном и волосами, старательно отворачивалась от людей. Славка косо поглядывал на неё, но ничего не говорил.

Сборы не заняли много времени — всё необходимое поместилось в рюкзак. Ноутбук Славка упаковал в пакет из продуктового магазина, туда же пошли игрушки для Максы.

— Теперь, к Вику забежим и можно возвращаться, — успокоил Славка нервничающую девушку. — Это недолго.

Рыжая Макса оказывается, как чувствовала, что за ней придут, сидела у порога с раннего утра, ждала. Вик со смехом поинтересовался, что за незнакомка отказалась заходить в дом и прячется за детской горкой. И точно ли они хотят забрать животное с собой, если у них что-то явно странное в жизни происходит.

— Соне пришлось уехать из города, — соврал Славка без зазрения совести, — а это моя подруга, я пока у неё поживу.

— Форс мажоры продолжают? — прищурился Вик и рассеянно почесал кончик носа.

— Да, как видишь. Адрес мой новый запиши на всякий случай. Если кодового слова не будет, то приезжай за Максой.

— А не легче ее у меня оставить?

— Нет, я сестре обещал. Не могу.

— Ну лады, прикрою.

Макса благосклонно отнеслась к Насте и новому жилью. Обнюхала все углы и облюбовала себе место под окном, где раньше стояла кровать. Придётся перестановку делать, подумала Настя, но не расстроилась. Как-то на душе было тепло и спокойно. В квартире теперь кто-то ходил, разговаривал, сюсюкался, разбрасывал шерсть, цокал когтями в коридоре, но это было уютно. Пустые комнаты неведомым образом превратились в дом, где тебе рады и тебя ждут.

Настя часто останавливалась у зеркала и разглядывала себя. Уродство, даже по сравнению с обычными людьми, а что уж говорить о русалках. Но Славка этого, как будто, не замечал — смотрел на неё сверкающими глазами, восхищался, делал комплименты. А Настя краснела, пряталась в ванной.

Так прошло три дня, и бывшая уже начинала верить, что Славка искренне ей любит. На четвёртый день она проснулась счастливая от запаха блинчиков. Вкуса еды она не чувствовала, да и сама еда ей не была нужна, как и в бытность русалкой. Но Славкина забота

была приятна. Он же ради неё встал пораньше и священнодействовал на кухне, готовя завтрак на двоих.

Звонок в дверь развеял томные мысли. Настя вскочила и принялась одеваться, но Славка ее опередил.

— Приивет, — протянул удивленно знакомый голос. — А Настя дома?

Николай, это был Николай. Настя бросилась к двери, потом обратно. Что делать? Показать ему такой она не может. А что он подумает теперь про неё? А что можно подумать, если рано утром ему дверь парень открыл? Где была ее голова!

Настя остановилась, налетев на невидимую преграду. А ведь она Николая эти три дня и не вспоминала. Не подумала о нём, когда Славку оставляла. И потом как-то не было времени — то мебель чинили и расставляли, то с Максой гуляли, то за кормом ей ездили. Дел невпроворот было.

— Её сейчас нет. Что ей передать? — ответил Славка.

— А когда вернется?

— Вечером, не раньше шести обещала.

— Ладно, тогда загляну.

Дверь хлопнула, и Славка зашел в спальню, оперся спиной о дверной косяк.

— Настя, тут к тебе тип смазливый приходил. Я ему сказал попозже зайти. Но если хочешь, могу наврать, что ты уехала насовсем.

Настя сидела на кровати, обхватив голову руками и не отвечала. В дверь постучали.

— Что еще ему надо? — Славка ринулся к двери, щёлкнул замком, затих, а потом как-то робко позвал. — Настя, это, наверное, к тебе. Выйди, пожалуйста.

В прихожей стояли две весьма необычные девушки — зеленоволосые, с коричневатой кожей и чем-то неуловимо похожие на Настю. При виде хозяйки девушки поклонились, коснувшись правой рукой сердца, а левой пола и хором поздоровались.

— Мы — твоя семья, ты — наша мать. Зеленый свет привел нас к тебе. Просим, не гони, возьми под свое крыло.

Анатолий бережно держал руку Гаяны. В обоих обличьях девушка была хороша — и русалкой, и человеком.

— Не жалеешь, что связался со мной? — Гаяна повернулась к парню.

— Ни капли. Радуюсь, что та ведьма на меня запрыгнула, а то бы с тобой не встретились. И, вообще, я тебя все эти дни вспоминал, жалел, что тогда за тобой из автобуса не выскочил.

— А я тебя не пугаю такая? Если бы тогда выскочил, то ничего не случилось бы.

— Дурёха, — Толик обнял девушку, — нечего об этом думать. Главное, мы вместе.

Гаяна положила голову на плечо своему парню. Уже можно было так называть его — они и за руки держались и даже поцеловались вчера. При воспоминании об этом девушку бросило в жар. Щёки, наверное, полыхают сейчас. Гаяна уткнулась носом в волосы Анатолия, пытаюсь скрыть смущение. А тот придвинулся так близко, что неудобно стало перед прохожими. Ведь в общественном парке сидят, а не у себя дома.

Гаяна чуть отстранилась и заговорила:

— Мне сегодня надо к ним обязательно. Может получится знак для Жар-птицы нарисовать.

— Я провожу, — кивнул Анатолий.

— Ладно только внутрь не заходи, — попросила Гаяна.

Не могла она врать и открыто во всём признаться Анатолию, когда он почуял в ней неживую сущность. А тот и не удивился, слушал внимательно и смотрел на неё ласково и печально. А потом и вовсе предложил прогуляться сходить. Так они третий день и ходили, наговориться не могли.

А сегодня утром он постучал в её дверь и вручил мольберт и полный пакет красок, мелков, карандашей и, бог ещё знает, чего.

— Я тут подумал... Ты рисовать мечтала. Вот, не знал, что купить, я в этом не разбираюсь, взял всего понемножку, — Анатолий засмутился и положил пакет на пол.

— Спасибо, — пролепетала девушка. Ты — первый, кто меня в этом поддержал.

— Если не против, то я буду твоим первым заказчиком.

Душа Гаяны пела и искрилась. Она будет художником! Пусть будущее туманно и неопределённо, но вместе с Анатолием они обязательно будут счастливы.

Одно только Гаяна скрыла — условие, при котором она знак нарисовать могла. А, может, и вовсе ошиблась Сирин и поцелуя достаточно будет. Вот вечером и попробует. Но сначала к Марусе забежать, навестить — в последнее время та поникшая ходит и задумчивая.

Анатолий в русалочью обитель Гаяну сопровождал, словно боялся отпустить хоть на минуту. Но остался ждать на улице.

В доме было тихо. Соня и Катя куда-то пропали, с Настей беда случилась, а с Лизой не хотелось встречаться.

Гаяна зашла и встала, как вкопанная. Захотела убежать, нехорошо ведь подслушивать, но не смогла — говорили о ней: о Гаяне, о девочках. Один голос Марусин, а другой незнакомый.

— Я для вас троих утопила, против их воли, навстречу вам пошла.

— Не могу иначе ответить, Дарина. Не знала я ни о чём. Не моя то была задумка.

— Значит, не дашь силы от Чёрной Жемчужины? — прошипел чужой голос.

— Не дам! — припечатала Маруся.

— И ради сестры моей, Беляны, не дашь?

— Не дам! Ежели поделюсь, то сами год можем не пережить.

— Ну, Настя, я до тебя доберусь, — незнакомка выругалась и вихрем промчалась мимо

Гаяны.

Гаяна бросилась вдогонку — ей нужно было узнать правду, нужно.

— Стойте. Стойте, пожалуйста. Дарина!

Высокая худая брюнетка притормозила и уставилась на преследовательницу.

— А, русалочья кровь. Чего тебе?

— Я случайно слышала. Вы Марусе сказали...

— Что я вас утопила. Это слышала? — ничуть не смущаясь уточнила брюнетка.

Гаяна задохнулась от эмоций. Неужели этой не стыдно? Она же их погубила по указке Насти. Заметив замешательство Гаяны, брюнетка пояснила.

— Мне Настя желание обещала исполнить, силу Жемчужины дать. Клялась, что с ведома главной вашей, Маруси. — Дарина презрительно скорчила губы и сплюнула. — Обманула.

Да, Настя многих обманула и много натворила. Но у Гаяны язык не повернулся ту в открытую обвинить или кому-то правду рассказать.

— А кто такая Беляна? — вспомнила Гаяна незнакомое имя.

— Сестра моя, полуночница. Я много лет её искала. А теперь больная она лежит. И тело умирает и дух. А у меня нет целительного волшебства. Я только разрушать могу.

Гаяне почудилась горькая ирония в словах брюнетки. Неведомую сестру стало жалко и само вырвалось предложение:

— Можно я попробую вам помочь?

— И как же помогать собираешься? — разозлилась Дарина. — Уже одна ваша помогла.

— Нет, не так. Я правда помочь хочу. Я смогу дар попросить, если сделаю кое-что. А я сделаю обязательно.

Черты Дарины смягчились.

— Тебя Гаяной зовут, русалочка?

— Да.

— Если захочешь помочь, то вот мой адрес, — брюнетка вырвала лист из маленького блокнота и набросала несколько слов. Приходи в любое время. Я никогда не сплю.

***

Вечером Гаяна стояла в доме Рарога над изрисованной знаками поверхностью. Все знаки светились, только в центре выделялось мёртвое пятно — «Агни».

Девушка наклонилась и нежно провела кистью по контурам. Краска легла ровно, сплошным слоем, но не вспыхнула, не ожила. «Не получилось», — Гаяна бросила кисть и села на краешек постамента, обняла себя руками.

Анатолий ей, конечно, нравился, но вот так сразу она не смогла бы "разбудить страсть". К горлу подступали горькие слёзы: — «Что же делать, неужели придётся против себя пойти, себя предать?»

Предательницей Гаяна уже побывала, когда отказалась от своей мечты и поступила в университет по указке родителей. Но тогда повезло. По иронии судьбы, потеря зрения

позволила ей разглядеть истинное положение дел. «Как там говорил лис? Зорко одно лишь сердце, а глазами главного не увидишь. Попробовать что ли?»

Гаяна подползла к «Агни», закрыла глаза, нащупала контур знака. Указательный палец заскользил, следуя за рисунком. Как интересно — местами символ был выбит в камне, местами — наклеен сверху спрессованной каменной крошкой.

Острая боль расцвела на кончике пальца, девушка отдернула руку и невольно лизнула ранку. Вот ведь — поранилась о какой-то заусенец, до крови. Интересно, есть ли у Рарога и его сестриц обычный пластырь.

Внутри «Агни» родилось и разрослось сияние в месте, куда попала маленькая капелька крови Гаяны.

Как завораживающе и как просто. Она нашла способ. Где-то в сумочке завалилась булавка, вот она и пригодится, чтобы расковырять ранку побольше и измазать кровью весь знак.

Через пару минут символ «Агни» запылал, а в комнату вбежала запыхавшаяся Алконост. — Гаяна, чую, что получилось у тебя камень оживить. Позову Рарога, брата моего, — пропела дева-птица и разразилась высокой переливчатой трелью.

Рарог явился в сопровождении целой свиты: по правую руку шла Жар-птица, по левую — Гамаюн, а сзади ковыляла Сирина. Вся процессия остановилась у постамента и застыла каменными истуканами.

— Никому уж много лет не удавалось такое сделать, — молвил Рарог и ласково взглянул на Гаяну. — Благодарны мы тебе без меры, дитя русалок. Сказывай, чего хочешь.

— Одной моей знакомой помощь нужна. Хочу за неё попросить.

— И как зовут твою знакомую?

— Дарина, у неё умирает сестра, Беяна.

На лице Рарога ничего не отразилось, а Гамаюн и Алконост наперебой затараторили, перебивая друг друга.

— Это же полуденница и полуночница.

— Беяна давно пропала из мира.

— Никто не видал, не слыхал. А тут объявилась.

Сирин строго прикрикнула на сестёр и те примолкли.

— Мы попробуем помочь той, за кого просишь, — пророкотал Рарог. — А ежели не выдюжим, тогда для себя попросишь.

— Спасибо вам большое, — Гаяна расплакалась, почувствовав, как спало нервное напряжение последних дней.

В подземном переходе к Гаяне присоединился Анатолий. Парень мельком кинул взгляд на спутников девушки, пожал руку Рарогу, но спрашивать ничего не стал.

Дом Дарины был недалеко, решили добраться пешком. Впереди шла Гаяна с Анатолием, далее огненный сокол, а замыкали шествие Гамаюн и Алконост. Сирин в человека не захотела оборачиваться и по улицам тащиться, сказала сама прилетит куда нужно.

Дарина открыла сразу, оглядела гостей, чуть приподняв одну бровь, и поклонилась в пояс.

— Проходите, сестра моя в спальне.

Рарог направился за хозяйкой, а Алконост и Гамаюн присели на кухне. Анатолий растерянно осмотрелся, пошептался с Гаяной и последовал за Рарогом.

На диване лежала девушка: беленькая и светлая. Ресницы трепетали, пальчики на руках перебирали невидимые струны. Секунда, и образ расплылся и, вместо небесного создания, нарисовалась старуха. Анатолий узнал лежащую — хорошо знакомая ему Тамара Иванна, собственной персоной.

— Она всё время превращается туда и обратно. Я не знаю, как это остановить. — Дарина устало присела рядом с сестрой.

— Между человеком и духом она застряла, — сказал Рарог и сложил ладони ковшиком.

Тотчас же наполнились они огненной сутью, заструилась суть сквозь пальцы и зазвучало заклятье.

«Как гром прогремит, молния просвистит, так пусть силу мою утроит, нарастит. Вижу я в поле дуб, а за дубом синё море, а на море белый камень, а на камне ключ-ворота златые. Возьму тот ключ, да отворю дуб, отворю корень, отворю ветвь, чтоб путь открыть, чтоб возвратить всё откуда пришло».

Голос Рарога взлетал и опадал, звучал то грозно, то еле слышно — творилось древнее языческое волшебство. Беяна снова обернулась девушкой-былинкой и задвигалась, заворочалась на диване. Дарина сцепила пальцы так, что костяшки побелели и не отрывала взгляда от сестры.

Огненный сокол замолчал, стряхнул живой огонь с ладоней, и словно тонкая струна лопнула, завибрировала в воздухе.

— Закрыл я твоей сестре путь назад, в человеческое тело, — объяснил Рарог полуденнице. Но разбудить я её не смог, не хочет она того. Силится дух Беяны человеком сделаться, в мерзкую старуху превратиться. Ежели за седмицу не проснётся, то снова путь найдёт в облик прежний.

— А как её можно разбудить? — Дарина протянула руки к Рарогу.

— Идите к тому, кто заклятье наложил.

— Огненный змей это проклятый. Он это сделал с сестрой! — разозлилась Дарина и воздушные вихри закрутились в углах комнаты. — Если б только найти его, я бы с ним поговорила.

— Так что его искать? — пожал плечами Рарог. — Часто он в Сервуге нашей бывает. В клубе «Сахар» спросите Эдуарда — это он и есть.

Гаяна ходила из угла в угол кухни, не находила себе места. Когда из спальни послышался голос огненного сокола, языки пламени охватили Алконост и Гамаюн, и те, двумя шаровыми молниями, просочились сквозь стену к своему брату. В окно аккуратно постучали, Гаяна с облегчением увидела Сирина.

— Ритуал начал, — прислушалась Сирин. — Ты как, девонька, держишься?

— А вдруг не получится?!

— Сила сокола велика — должен помочь. Да и твоя сила выросла. Вчера еле тлела на доньшке, а сейчас сияет ярким солнышком.

— Только мы с Анатолием не..., — Гаяна покраснела.

— Вижу, девонька, вижу. Любовь чувственная в тебе не расцвела, а только ростки первые пустила. Но есть у тебя посильнее этого — страсть творить и задуманное воплощать. Люди зовут это талантом.

Сирин потопталась, по-птичьи наклонила голову, а Гаяна задумалась.

— Говорят, у меня талант к рисованию есть. Но почему тогда он раньше не проявился?

— А раньше ты его сама в землю закапывала. Почти огонёк этот затушила. Вот уж не

думала, что так быстро разжечь его можно, — ответила Сирина и исчезла в темноте ночи, оставив серое перо на подоконнике.

Гаяна подобрала пёрышко, повертела в пальцах и выронила от неожиданности — Алконост и Гамаюн вернулись. Также беззвучно просочились сквозь стену и мебель в виде огней, из которых вышли птицы-девицы.

— Получилось? — спросила Гаяна и затаила дыхание.

— Не совсем, — в кухню вошла задумчивая Дарина. — Поеду в клуб за этим Эдуардом. Побудете с Беляной?

— Я останусь, — Гаяна кивнула. Пойду спрошу у Толи, сможет ли он.

Анатолий примостился на стуле около дивана с Беляной, разглядывая бледную полуночицу.

— Ты как Гаянка, не испугалась? Рарог тут такое творил.

— А куда он делся?

— Ушёл. Сказал, чтоб ты к нему завтра явилась. Якобы, он не смог полностью твоё желание выполнить и должником быть не хочет.

— А ты хотел бы чего-нибудь, Толь?

Анатолий встал, походил по комнате, размял затекшие ноги и ответил:

— У меня ты есть, Гаянка. Это самое лучшее, что могло быть.

***

Эдуард нашёлся сразу. На входе в клуб встретил Дарину, повёл за собой. Через охрану и турникеты их пропустили беспрепятственно. Желтоглазый детина с рацией на поясе вежливо поздоровался и Дарине показалось, что хотел даже поклониться, но сдержался. Внутри помещения Эдуард ловко протолкнулся через танцующих и нырнул за чёрную ширму с нарисованным драконом. Полуденница не отставала. За ширмой располагался скрытый от обычных глаз корпус с офисами и уютными кабинетами.

Дарина осторожно опустилась в кожаное кресло и раздумывала, как начать, как о своей беде напомнить. Но ей не пришлось объясняться. Эдуард заговорил:

— Зря ты волшебю тогда прервала, полуденница. — Сестрица твоя истинным человеком не смогла сделаться — застряла она между Навью и Явью. Себя запомнила, жизнь прошлую забыла, а сила осталась, не выгорело нутро её чародейское до конца.

— И не стало Беляны, а стал человек — не человек, дитя — не дитя, женщина — не женщина. — Подхватила Дарина.

— Ежели найдёшь её, то приходи, подсобим, чем сможем, — закончил Эдуард повтор их старого разговора. — Нашла?

— Нашла. Рарог приходил, помочь пытался, но не смог её пробудить.

— Что ж, есть у меня способ один.

— Надёжный?

— Не могу сказать. Раньше такого делать не доводилось. Но если получится, то должна мне будешь.

— И что взамен попросишь?

— Услугу. Какую пока не знаю. Будущее покажет.

— Согласна, — Дарина склонила голову в знак принятия договорённости. — И что дальше?

Эдуард подцепил холёными пальцами мобильник и проворковал в трубку:

— Николай, зайди ко мне.

Николай не заставил себя ждать. «Красавчик», — отметила про себя Дарина, косясь на высокого брюнета. Красавчик понимал какое впечатление производит и старался его усилить — томно причесал ладонью волосы, уселся вполборота напротив полуденницы, небрежно облокотился на столешницу.

— Можешь не стараться, — сморщился Эдуард, — это не по работе.

Дарина хищно прищурилась, вглядываясь в паренька. Такими же словами она когда-то остановила Настю, пытающуюся морок навести. Нечисть, что ли, этот смазливый? Да вроде обычный человек на вид и пахнет человеком.

— Это Дарина. Знакомься. Её сестра болеет, нужна жизненная сила.

— Моя? — красавчик заметно побледнел.

— Нет, женская, — сказал Эдуард. — Нет ли кого на примете? Ненужной? Которую искать не будут?

— Есть одна, — Николай плотоядно ухмыльнулся, и вся красота его пропала. «Да он просто балаганный уродец в богатой одежде», — осознала полуденница. Оболочка яркая, а внутри — гниль и тлен. Вот как бывает — человек хуже всякого чудища.

— И кто эта ненужная? — уточнил Эдуард.

— Настей зовут. Ходит за мной как привязанная, достала уже. Родных нет, жильё снимает.

Николай умолчал о непонятном седом парне в квартире Насти. Тем более, она тем же вечером сама к нему прибежала и хвостом вертела. После того, как Настя его недавно отшила, Николай уж собрался за ней приударить, приучить строптивицу. Но не прошло и недели, а она снова ласковой и безвольной сделалась, сама в кровать ему прыгнула. Финтам она новым за это время научилась, но всё равно. Надоела.

— Ну так приведи эту Настю ко мне. И ты, Дарина, приходи. Послезавтра утром вас жду всех к девяти.

Эдуард откинулся на спинку стула и жестом руки отослал гостей. Нужно было подготовиться к ритуалу. Выпить чужой сосуд до дна, не подавиться и ни капли не упустить — такое просто так не делается. Что ж, незнакомая Настя, жаль тебя, конечно, но услуга от полуденницы того стоит.

Плакун-трава, адамова голова, сон-трава. В закопчённом котле варилось и булькало зелье. Катя изредка помешивала желтоватое варево и чувствовала себя настоящей ведьмой. Последним ингредиентом станет цветок папоротника. Вот он лежит на почётном месте — свежий, налитый травяным соком, как будто вчера сорвала.

— Уже готово? — в открытом окне показался Костя.

— Нет, милый. Подожди немного. Через часок закончу и проводишь.

Хоть Константин и победил старого альфу, но ещё опасался сторонников старого порядка. Не все готовы были принять, что по поселению свободно разгуливает русалка, возлюбленная нового вожака. Молодые ребята скалились, пытались Катю покусать. Парочку щенков пришлось проучить, прежде чем остальные зубы спрятали.

Катя бросила последнюю травку, аккуратно развернула пожелтевший свиток и прочла:

«Выйду я из избы дверьми, из ворот воротами, на широкий двор, в чисто поле. Там двенадцать ветров, двенадцать вихорёв вьются, веются, по свету летают, сны собирают. Подставлю подол им, закручу, заверчу, чтобы в белы рученьки сны мне отдали. Камнем белым посреди поля встану, преградой каменной всем ветрам, пока собранным не поделятся, не расстанутся».

На поверхности зелья вздулся крупный пузырь, засиял радужными разводами и лопнул с громким хлопком. Катя скрестила пальцы и загадала, чтобы всё получилось. В старинных книгах не уточнялось как определить готовность. Говорилось только о кипении и мельтешащем пузырьении. Но что под этим подразумевалось? То ли пузырей должно быть много, то ли достаточно одного красочного. Русалка перелила часть жидкости в тёмный флакон и заткнула пробкой.

— Костя, можем выдвигаться.

— А это куда? Нужно ещё? — Константин показал на котёл.

— Попроси своих вылить и земли сверху насыпать. Если рецепт верен, то мне небольшого количества хватит. А если где-то ошиблась, то и целая бочка не поможет.

Константин заверил, что всё точно исполнят и обнял свою невесту.

— Не боишься, душа моя?

— Боюсь, — Катя поёжилась. Но выхода другого нет. Будем делать, как решили.

— Значит в среду? — уточнил Константин.

— Да, первого августа.

— Мы будем готовы. Как раз успею стаю поднатаскать.

Катенька спрятала драгоценный флакон в сумочку и вышла за Костей во двор. На них косились, но в открытую возражать никто не решался — поняли уже, что у нового вожака нрав крутой. И если раньше на него управа была, то теперь что хочет, то и творит. Молодой перевёртыш открыл перед ними калитку и доложил обстановку.

— Молодец, — похвалил Константин, — охраняй до вечера, потом тебя сменят.

Двое оборотней пристроились в метре за вожаком и следовали хвостом, нервируя Катю.

— Костя, ты уверен, что они должны за нами идти?

— Уверен. У меня много недругов. Если они нападут, я не смогу одновременно и сражаться и тебя защищать. Потерпи, свет мой.

Катенька опустила голову и пошла быстрее. Взгляды свиты жгли спину и подгоняли. Ну

ничего, она заставит их полюбить русалок. Главное сейчас — разобраться с Марусей и Настей, добровольно те на уступки оборотням не пойдут.

В сосновой роще Катя рассталась с проводниками. Костя легко коснулся губами лба русалки и пожелал удачи. Удача ей точно пригодится. Катя глубоко подышала, успокаиваясь, и шагнула навстречу будущему.

***

Соня уселась по-турецки и принялась ждать. Теперь на душе спокойнее — Славка должен спастись. Она видела, как побежал волк, расталкивая древесные стволы широкой грудью. В какой-то момент показалось, что паутина опутала волчьи лапы и замедлила движения, но тот стряхнул помеху и ускорился.

Яга не двигалась, сидела себе в ступе и изредка стучала костяной ногой по земле. На очередной стук из костяной ноги выпал паук, величиной с предплечье взрослого человека. Затем ещё один и ещё. А потом они хлынули потоком и устремились за волком. Соню подбросило вверх от испуга — пауков она боялась до обморока. Словно почуяв её ужас, паучий поток раздвоился и несколько тварей помчались к девушке. Соня завизжала и бросилась к реке.

Каменный мост уже полностью материализовался, и по нему можно было бы перейти на ту сторону, если бы не живые берёзы. Они потихоньку доползли до середины моста и продолжали упорно продвигаться дальше. Гибкие ветви змеисто извивались, хлестали кнутами по воздуху и тянулись к девушке. Соня отступила.

— «А если попробовать взлететь?» — пришла в голову шальная мысль. Все русалки умеют плавать по воздуху, как по воде и ограничены только высотой и своей силой.

Соня подобралась и подпрыгнула — не получилось. Пауки были совсем близко — она различала волоски на их тушках. Подпрыгнула — не получилось. Твари выстрелили паутинками в сторону девушки, но она увернулась. Подпрыгнула — и зависла над землей.

— «Теперь надо подняться повыше», — Соня представила, как она взлетает, качнулась и медленно начала подниматься. Взлет прекратился, когда верхушка ближайшей ёлочки оказалась перед глазами.

Девушка взглянула вниз — пауки куда-то исчезли. Где же они? Гадать не пришлось — твари забрались на дерево и явно намеревались оттуда прыгать. Соня с криком отлетела в сторону, пропуская самую активную тварь.

Девушка понимала, что так не годится. Выше крон она подняться не сможет, и нет смысла болтаться в воздухе, если твари настолько цепкие, что по стволам ходят, как по лестнице. Тем более, в воздухе русалки передвигались довольно медленно, хоть и грациозно. Соня спустилась и встала на ноги, так-то надёжнее. Ужаса уже не было, видно организм перестал реагировать от избытка эмоций.

Баба Яга вытянула руку и раскатистым гулом раздался голос:

— Во-зя-ти.

За спиной зашелестело, и Соня поняла, что живые берёзки перебрались через мост.

— «Эх, если бы здесь была вода. Если бы Смородина не полыхала», — девушка потерянно огляделась, пытаясь найти воду. И нашла. Вот же она вода, вокруг неё — в деревьях, в тварях, а может и в Бабе Яге. Все существа состоят из воды.

Соня повернулась к берёзам и представила, как сок внутри стволов превращается в лёд. Деревья закрипели и остановились. Ветки покрылись инеем, стволы начали трескаться, выпуская острые ледяные кромки.

Пауки каким-то местом почуяли опасность и бросились врассыпную. Соня не стала их морозить, а сосредоточилась на главном противнике.

Яга слезла со ступы и уменьшилась до нормальных размеров.

— Что ты, дочка, не сказала, что ни живая ты, ни мёртвая и волшебной силой владеешь? Я б разве стала тебя есть?! — крикнула старуха.

— Освободи мне дорогу! — приказала Соня.

Яга сошла на обочину тропинки и там прислонилась к обугленному стволу. Но когда Соня приблизилась, старуха высоко подпрыгнула и оседлала девушку, вцепившись в волосы.

Русалка повалилась навзничь и принялась кататься, пытаясь сбросить наездницу. Но быстро опомнилась, прекратила сопротивляться и просто заморозила Ягу. Та свалилась вниз и разбилась на мелкие кусочки. Вместе с ней ледяной крошкой осыпались жуткие берёзы.

Соня тронула ближайшую паутинку — замёрзла. Возможно, вместе с Ягой она заморозила и уничтожила все её злые творения. Это было бы замечательно.

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась от облегчения. Но долго раскисать себе не позволила — нужно нагнать брата.

Однако, нагнать на получилось. На выходе из леса образовалась невидимая преграда, которая не пропускала к Алатырь-камню. Соня пробовала и так и этак — и по земле, и по воздуху.

— Не старайся, — ворон с красными глазами важно вышел из кустов. — Ты Ягу убила, теперь вместо неё будешь.

— Что буду? Гостей жрать? — возмутилась Соня.

— Ну можешь и жрать, — невозмутимо ответил ворон. — Но это не обязательно. Это Яга сама придумала. Сначала-то она нормальной была, обязанности свои выполняла, а потом сбрендил что-то.

— Какие такие обязанности?

— Знамо какие. Проводником она была между мирами. Теперь ты, стало быть, проводник. Новая Яга.

— Да какая из меня Яга? — Соня расхохоталась.

— А это уж тебя решать, — ворон отвернулся, давая понять, что разговор закончен и потопал за преграду в сторону Алатыря.

— Эй, ты моего брата не видел? — крикнула Соня, но гордая птица даже не оглянулась. — Ну и фиг с тобой.

Девушка перевела дух и пошла вдоль преграды, думая найти прореху или способ пробраться. Там, где она ступала, — мгновенно вырастала зелёная свежая травка, распускались цветы, на деревьях и кустарниках появлялись сочные плоды и ягоды. Природа оживала.

— «Ну прямо Персефона вернулась из царства Аида», — Соня с иронией оглядывала весенний сад вокруг. В голову лезли идеи, что Смородину хорошо бы отгородить от леса, чтобы ёлки больше не обгорали. А в берёзовой роще тоже порядок навести не помешает. Да и с избой Бабы Яги надо что-то делать — хотя бы убрать страшные следы старухиных дел.

— «Успею еще выйти», — Соня отвернулась от преграды и направилась вглубь Нави. — «Заодно Славку поищу. Если здесь его нет, то значит успел к живым вернуться». Эта мысль успокоила девушку и примирила с невольным заключением в Нави.

***

Настя со стоном откинулась на спинку кресла. Эти кикиморы были необучаемы! Обе, И

Хриса и Нежинка, устроились на полу, отказавшись от пледа и подушек и сейчас замороженно смотрели на Зеленую Жемчужину.

— Давайте ещё раз. Убрали руки, а теперь кладёте только кончики пальцев. Кончики. Не надо всей ладонью Жемчужину хватать, — скомандовала Настя.

Хриска покивала и повторила в точности. Нежинка замешкалась.

— Одновременно кладёте. По моей команде, — добавила бывшая русалка. — Сейчас!

Артефакт засиял, и так же ярко засияли улыбки на лицах кикимор. У них получилось. Из шара полилась энергия, обвивая девушек зеленоватым туманом, питая и наполняя. Щёчки Хрисы порозовели, а отрезанные по плечи волосы Нежинки хлынули потоком до пола.

Настя залюбовалась — у кикимор была какая-то своя красота. Резкие, угловатые они не походили на людей, а уж тем более на грациозных русалок. Каждое движение — вихрь и огонь: если плясать, то до упаду, если смеяться, то до слёз. Словно кикиморы спешили жить, наверстать упущенное за долгие годы.

Из путанных объяснений девушек Настя так до конца и не поняла, где они были. Единственное, что запомнилось — «между жизнью и смертью» и «между миром и забытьём». Вроде и жили они в Сервуге, на работу ходили, с друзьями тусили. А вроде бы и не они это были.

— Я пиццу заказал, — заглянул Славка в спальню, — с анчоусами.

Хриса вскочила и затанцевала, заулыбалась. Сдержанная Нежинка поблагодарила парня и принялась расчёсывать волосы пальцами.

— Подожди, расчёску дам, — сказал Славка.

— Не надо, — Настя остановила благой порыв, — у нас обычай такой. То есть, у русалок тоже такой обычай.

— Ладно, забери пиццу, когда приедет. А я Максy выведу погулять.

Топот радостной Максy раздался из коридора, хлопнула дверь — Славка ушёл. И тотчас же вернулся.

— Настя, ты дома? У тебя дверь открыта.

Настя испуганно зажала рот — это был голос Николая. Видно, Славка не стал запирать девушек снаружи.

— Настя?

— Её нет, — Настя вышла из спальни на трясущихся ногах.

Николай театрально приподнял бровь, показывая удивление.

— А ты кто такая, милашка? И что делаешь в чужой квартире? Тут, вообще я посмотрю, проходной двор.

— Ваша Настя съехала. Теперь мы эту квартиру снимаем. С моим женихом.

— Это тот белобрысый с дворнягой?

— Да он. Он, кстати, сказал, Вы уже приходили сюда и Настю свою спрашивали. Славка перепутал, думал Вы ко мне. Меня тоже Настя зовут.

— Вот как? — Николай привалился к стене и почесал кончик носа. — И не знаешь, куда моя Настя переехала?

— Я её даже не видела. Я общалась только с хозяйкой квартиры, когда деньги передавала за квартиру. А здесь уже пусто было.

— Ну спасибо, красотка, — на последнем слове Николай слегка запнулся, — если вдруг моя Настя объявится, позвони. Благодарен буду.

Настя приняла визитку «под золото» с контактами Николая и проводила гостя до

выхода. А потом прислонилась спиной к двери и сползла вниз. Хриса выглянула из комнаты и бросилась на помощь.

Николай спускался по лестнице и напряжённо думал: «Врёт ведь! Как могла Настя съехать и все вещи свои бросить?! Босоножки её стоят, сумочка жёлтая. Вещи на месте, а Насти нет». Придя к выводу, что дело нечисто и Настю скрывают, Николай набрал телефонный номер.

— Привет, милый, — проворковал женский голос.

— Настя, это ты?

— Конечно я, кто же ещё?

— Что-то не узнал. В последнее время у тебя голос изменился.

— Гормоны, наверное, шалят, — протянула Настя. — Что ты хотел, дорогой?

— Встретиться надо. Завтра утром. Я тут домой к тебе зашёл, хотел сюрприз сделать. А мне сказали, что ты там больше не живёшь.

— Да, так получилось. Пришлось съехать.

— А мне что не сказала?

— А что я тебе докладывать должна? — прошипела Настя.

— Нет, нет, что ты, — ласково пропел Николай, — конечно, не должна. Просто я волновался. Если проблемы какие, ты говори — я помогу.

— Сама справлюсь. А зачем я тебе с утра нужна?

— Увидишь. Не могу пока сказать, но тебе понравится. Форма одежды — парадная. В «Сахар» пойдём.

Обсудив подробности, Николай повесил трубку. Задание наставника почти выполнено. А это значит, что его допустят к посвящению, и он сможет стать одним из них. Прощай, унылое человеческое существование, страшные и наглые тёлки. Никто не сможет ему указывать — что и как делать. От этих мыслей голова кружилась, как от хорошего вина.

***

Гаяна поздоровалась с Рарогом и нерешительно замялась.

— Проси для себя, девица, — разрешил огненный сокол.

— Даже не знаю, как сказать.

— Говори, как оно есть. За века всякого навидался — чай не удивишь.

— Я бы хотела Жар-Птицу нарисовать.

Рарог закинул голову и раскатисто рассмеялся.

— Таких просьб, и вправду, не слыхал раньше. Что ж, думаю, не откажется дочка моя названная. Явится во всей красе. Как смеркнется, так жди в гости. Только окошки занавесь поплотнее, чтоб соседи не сбежались.

Обрадованная Гаяна прижала кулачки к груди. Сердце часто билось, колени тряслись — так боялась, что Рарог откажет, другое желание попросит. А по памяти не изобразишь — там каждое пёрышко с дивным узором, с уникальным рисунком и живое пламя на кончиках крыльев. Для такого нужны особые материалы. Акварель не подойдёт — излишне нежная. Гуашь, масло? А если углём начертить? Нет, тогда огонь цвет потеряет. Хотелось яркости.

Томная дева-продавщица целый час обсуждала с Гаяной, как передать живость пламени. Дева упорно предлагала взять масляные краски с кусачей ценой и почти добилась своего, когда в руку Гаяны попала коробочка с пастелью. Правда, к ней в придачу пришлось купить специальную бумагу, раму со стеклом и паспарту, чтобы рисунок не осыпался. Но художница почувствовала, что это именно то, что нужно.

Жар-Птица явилась незадолго до полуночи. Гаяна ждала гостью у открытого окошка, но та постучала в дверь. Молча зашла, сняла сандалики — обычная девочка.

— Проходи в комнату, пожалуйста, — пригласила Гаяна. — Как тебе будет удобнее встать? И ты крылья можешь показать?

Девочка развела руки в стороны, и за ними проявились призрачные крылья.

— А можно пёрышки сделать чуть чётче?

— Я тебе квартиру сожгу, — возразила Жар-Птица, но крылья засветились сильнее.

Гаяна приступила к работе. На бумаге медленно воплощалось лицо девочки с сияющими голубыми глазами и веснушками на курносом носу, с красными бантиками на двух косичках, в светлом платье до колен и бушующей стихией за спиной.

Жар-Птица ушла на рассвете, а счастливая Гаяна упала в постель и сладко заснула. Она не видела, как по нарисованным крыльям бегут искры и всполохи волшебного пламени.

Кабинет Эдуарда в «Сахаре» представлял из себя сдвоенное помещение: парадный кабинет, обставленный вычурной мебелью по вкусу хозяина и маленький закуток, отделённый тонкой дверью. Именно из этого закутка можно было пройти в туалет и ванную, а также попасть в коридор, ведущий к запасному выходу.

Эдуард ожидал гостей в кабинете, устроившись в кожаном кресле и задумчиво поглаживая небольшую стеклянную призму на столе. Этой призме была отведена главная роль в предстоящем действии. В соседней комнате за полуоткрытой дверью притаилась Дарина.

Гости явились точно вовремя.

— Наставник, позволь представить мою возлюбленную Анастасию, — Николай улыбнулся одними краешками губ.

— Очень приятно, Вы, Анастасия, как прекрасный экзотический цветок в нашем грубом мужском обществе, — Эдуард встал и пододвинул Насте стул. — Присаживайтесь.

Дарина напряглась в своём укрытии, незаметно выглянула и ахнула — это же русалка Настя. Русые волосы собраны в высокую причёску, бирюзовое платье облегает идеальную фигуру, каблук туфли нетерпеливо постукивает по полу. Русалка во всей красе своего морока. Ах ты, гадина, обманщица, вот ты и попалась. Ответишь за обман с Жемчужиной. От волнения волосы полуденницы взвились в воздух и закрутились маленькими вихрями.

— Что там за шум? — поинтересовалась Настя, не поворачивая, впрочем, головы.

— Не обращайтесь внимания, дорогая. Это уборщица.

— Я вам не дорогая! — грубо оборвала Настя хозяина. — И я не понимаю, что здесь делаю. Николай обещал мне приятный сюрприз. Но пока я вижу только вашу физиономию, и она не очень приятна.

Николай побледнел и заёрзал, ожидая гнева наставника. Но Эдуард расхохотался:

— А Вы можете за себя постоять. В других бы обстоятельствах предложил бы Вам хороший заработок.

— Вы думаете, меня деньги интересуют? — Настя приподняла правую бровь. Сейчас русалка, как никогда, походила на строгую и надменную королеву.

— Меня они тоже не интересуют — парировал Эдуард. — А вот специалисты, которые смогли бы человек сто построить и в узде удержать... Да, что я об этом рассказываю? Вы, наверняка, не работали управленцем.

— А вы испытайте меня! — Настя сжала губы в одну тонкую линию и, не мигая, уставилась на Эдуарда.

Тот сделал вид, что раздумывает.

— Хорошо. Давайте попробуем. В соседнем кабинете собрались мои сотрудники на совещание по поводу нового проекта. Это наш макет, — Эдуард указал на призму. — Попробуйте взять макет в руки и ответить на их претензии.

— Но я не знаю технической части, — возразила Настя.

— Поверьте, сомнения вызывает не техническая часть, а то, что им придётся допоздна задерживаться и в выходные работать. Тут нужна твёрдая рука, чтобы пресечь возражения. Работа превьше всего.

Лиза ухмыльнулась, взяла призму со стола:

— Я готова. Где проходит совещание?

— Прошу сюда, — Эдуард подхватил девушку под локоть. — Николай, подожди нас здесь.

— Нет, он с нами пойдёт, — отрезала Настя. — Это не обсуждается.

Эдуард не стал возражать. Дело почти сделано, скоро они избавятся от взбалмошной и глупой девчонки. Так легко было нащупать её слабость и сыграть на ней, чтобы Настя сама прикоснулась к призме, и сама вошла в зачарованный круг.

— Не знала, что в «Сахаре» такие лектории есть, — Настя восхищённо озиралась вокруг. — Здесь и двести человек поместится. Но где все?

— Огонь приди! — позвал Эдуард, подпрыгнул и упал, сгруппировавшись, на пол. А с пола взлетел белый змей с пылающей короной на голове. И десятки таких же змеев хлынули с потолка и принялись носиться вокруг Насти и Николая.

— Что происходит?! — крикнула Настя. — Николай, ты что творишь? Почему эта хрень светится?

Призма в руках русалки ожила, завибрировала и начала неистово менять цвета. Николай, тем временем, присел и обхватил голову руками.

— Ты куда меня привёл?! — Настя пнула парня носком туфельки, отшвырнула призму и ринулась сквозь змеев. Но её не пустили — мягко, но настойчиво откидывали обратно в центр круга.

Из призмы послышался звон. Он усиливался, резал слух, впивался в голову. Русалка не выдержала, завопила и сбросила облик Насти, приняв свой истинный вид. Стало ощутимо легче. Николай не заметил произошедшей с ней метаморфозы, он катался по полу, тихонько выли и зажимал уши руками. Зато крылатый заслон распался и открыл проход

— Уходи, — прошипел змей с пылающей короной. — Обманула, не человек. Нет в тебе силы живой.

Дважды просить не потребовалось. Через пару секунд Николай остался один в лектории. Кто-то из змеев подтолкнул к нему призму так, чтобы коснуться голой кожи и парень потерял сознание.

— Лиза, откуда ты здесь? — Дарина изумлённо вытаращилась на плывущую в воздухе русалку. — Ты что вместе с Настей пришла?

— А ты, Дарина, откуда здесь? — ни минуты Лиза не сомневалась, кто перед ней. — Это ты Настьку что ли сюда заманила?

Полуденница смутилась и залепетала что-то несвязное.

— Извини, мне некогда тебя выслушивать. У меня срочное дело, — Лиза равнодушно отвернулась и направилась к выходу.

Дарина осталась одна. Куда же идти?

— Эдуард?

— Я здесь, — раздалось из-за спины. — Я же велел ждать меня в кабинете.

— Получилось? — с надеждой спросила полуденница и спрятала дрожащие руки за спину.

— Да, но цена оказалась слишком высока. Одного из лучших учеников пришлось принести в жертву.

— Николая? Но как же девушка? Настя?

— Негодной оказалась. Это была русалка в человеческом облике. От таких взять нечего.

Эдуард выудил призму из кармана пиджака. Теперь стекло приобрело черноту и

бархатистость ночного неба, в котором сияли редкие звёзды.

— Возьми, эта сила пробудит твою сестру. Но помни о своём долге, полуденница.

— Буду помнить, — Дарина низко поклонилась и бережно приняла дар.

***

Звёздная крупа уже рассыпалась над головой. Лунное блюдо было полно молока, что изливалось из него светлой дорожкой, пачкая небесный бархат. Ветер утих, но внимательный бы услышал, как шелестят деревья.

Беяна открыла глаза — где она?

Полуночница лежала на спине. Над нею сомкнулись кроны с зелёной листвой. С зелёной ли? Если присмотреться, то увидишь, что листва потеряла цвет, стала полупрозрачной, призрачной. Через неё свободно проникал свет луны. Этот же свет обмывал ветви холодными волнами и заставлял их шевелиться и поскрипывать.

Беяна подняла руку, и лунный свет прошёл сквозь пальцы. Пальцы как листья — прозрачные и бестелесные. Ладонью не закроешься, лучи насквозь пронизывают кожу и кости: такие холодные и неживые.

— Беяна, — позвали тихо.

Полуночница повернула голову и обнаружила сидящую поодаль девушку с призмой в руках. Волосы растрёпаны, глаза-омуты, кожа блее первого снега.

— Беяна, ты узнаёшь меня?

— Дарина, где мы?

— Мы в лесу около Сервуги. Сейчас ночь. Ты долго болела...

— Не надо, Дарина, я всё помню.

Полуночница перевернулась на бок и поджала ноги. Тяжело опираясь на руки, попыталась встать.

— Беяна, я помогу, — Дарина подскочила к сестре и аккуратно придержала за талию.

— Спасибо, — пробормотала полуночница. — Где серп мой?

— Пока тебе ещё рано...

— Где серп?! Сейчас моё время, отдай! — приказала Беяна.

— Хорошо, — полуденница начертила в воздухе затейливый знак и сжала кулачок. Между пальцами проявилась потёртая рукоятка с приделанным сверху светящимся полумесяцем.

Беяна выхватила серп у сестры, взмахнула и растаяла. Дарина осталась одна.

***

Анатолий ночевал у Гаяны. Девушка постелила ему на полу в кухне, а сама ушла в спальню, но заснуть не смогла. Когда уже все овцы были сосчитаны, а бока помяты от бесконечного переворачивания, взгляд Гаяны упал на картину Жар-Птицы. Показалось, что нарисованные перья чуть светятся в темноте. Присмотревшись, девушка решила, что это от недосыпания. А может глаза устали от постоянного напряжения — давно она в таком темпе не рисовала.

Гаяне отвернулась к стене. Но нет же, реально что-то светится. В комнате явно посветлело.

— Здравствуй, Гаяна, — прозвучало перезвоном колокольчиков.

Девушка вскочила и воинственно выставила перед собой одеяло.

— Я тебе вреда не причиню, — Беяна подняла руки ладонями вверх, показывая мирные намерения.

— Беяна? Как ты вошла?

— Я же дух. Забыла?

— Что ты хочешь? — сейчас Гаяна порадовалась, что поддалась на уговоры Анатолия и позволила ему остаться. Его предчувствие опасности оказалось пророческим.

Видно, на мысли Гаяны отразились на её лице, потому что Беяна неожиданно фыркнула и рассмеялась.

— Поблагодарить тебя пришла. Ты за меня Рарога просила, желание своё отдала.

Беяна уселась на воздух, скрестила ноги по-турецки и продолжила:

— Не представляешь, как муторно, как плохо мне там было. Застряла я между Навью и Правью и ни туда ни сюда. Как муха в паутине висела, выбраться не могла. И самое худшее, знаешь что? Что умереть не могла, так бы вечность мне там и мучаться, до скончания веков.

— Я рада, что так получилось, — залепетала Гаяна, но гостя прервала её.

— Хотела я спросить, что в награду желаешь. Но сама вижу. Пусть же свершится. Сила твоя зримой станет, и суть проявится в силе своей. Да будет так.

Образ Беяны побледнел и разлетелся дымными кольцами.

— А что за награда? — спросила Гаяна, но отвечать было уже некому. Девушка пожалала плечами и легла спать, решив не будить Анатолия из-за зыбкого подозрения. Но подозрение осталось — рациональная сторона сознания трепетала в ужасе, что её проклинали. А вторая сторона, спокойная и радостная, убеждала, что ничего плохого ей Беяна не сделает. Неожиданно, позитивная сторона победила, или это долгожданный сон, наконец, явился и предъявил законные права на ночное время.

А пока Гаяна спала, творилось странное. За спиной девушки возникли призрачные крылья трепещущего огня, точь-в-точь такие, как на рисунке Жар-Птицы. Гаяна лежала на боку, поэтому одно крыло торчало вверх, а другое почти полностью погружалось в кровать. Несколько часов крылья росли, наливались сочным цветом, постепенно приобретали чёткость. А к утру они исчезли без следа, но лицо Гаяны разгладилось, и на нём появилась безмятежная счастливая улыбка. С такой улыбкой девушку застал Анатолий, принёсший кофе в постель.

***

Хриса с Нежинкой давно ушли, а Настя всё места себе не находила — металась, быстро вышагивала по кругу.

— Тоннель протопчешь, — прокомментировал наблюдавший за ней Славка.

— Зато до нефти докопаемся, — огрызнулась бывшая русалка.

Славка вскочил с кровати одним движением и преградил путь:

— Настя?

— Не знаю, что со мной. На сердце тяжело. Крутит внутри, остановиться не могу.

— Настя, — горячие ладони легли ей на плечи, — ты из-за кикимор переживаешь? Научатся они. Хриса очень способная, даже я вижу, как она потоки вытягивает.

— Нет, наверное, не из-за них.

Хриса, действительно, творила чудеса, такие и Марусе были не под силу. Зелёная Жемчужина с легкостью перемещала предметы в пространстве. Настя знала, что и людей перенести сможет, но боялась экспериментировать. Славка шутил, что на нём нестрашно попробовать, он и умирал уже и на жемчужной силе прокатился аж от границ с Навью. Но Настя наотрез отказалась. И так она Славке жизнь подпортила, встретила не в добрый час. А он хороший, ни словом не упрекнул, не напомнил. Кофе ей варил, вкусоности готовил.

Кикиморы наперебой убеждали парня, что вкус еды им не важен, да и есть особо не надо — Жемчужина ведь питает. Но Славка упорствовал, объяснял, что вкус не главное. А главное — эстетическое наслаждение от блюда и от кулинарии в целом. Его девизом было — «Не умеешь наслаждаться едой — значит не умеешь наслаждаться жизнью!»

Вот и сейчас Славка нахмурился, а потом решительно подтолкнул Настю к кухне.

— Пойдём, чай свежий заварю. От крепкой заварки сразу голова прояснится.

Настя не стала спорить. Процесс поглощения еды обладал неоспоримым преимуществом — монотонные действия способствовали размышлениям.

Чай был с чабрецом. Славка засунул сухие стебли прямо в заварочный чайник и залил горячей водой. Сладковатый аромат окутал заботой и теплом. В углу мерно гудел новенький холодильник, приобретённый Славкой по случаю переезда к Насте. В том же магазине были куплены нежные шторы в бледно-жёлтую полоску, украсившие кухонное окно и какие-то чудные засушенные цветы. «Физалис», — вспомнилось название необычных растений, — «символ любви».

Настя отпила плоток чая и задумалась о любви: «Как там Николай? И Лиза?» В груди кольнуло, отозвалось короткой болью. Так вот что тревожило её.

— Мне надо у Жемчужины кое-что спросить, — Настя отставила кружку. Ты можешь пока здесь посидеть?

Славка согласно кивнул и продолжил чаёвничать, как ни в чём не бывало. Перелил чай в пиалу и пододвинул поближе блюдо с ватрушками.

«Не заметил или сделал вид, что не заметил», — Настя постаралась идти медленно, спокойно переставляя ноги. Глубокий вдох и выдох. Нельзя показывать своего волнения.

Трясущимися руками она подняла Жемчужину и положила в центр кровати, сама легла на бок рядом и зашептала заклинание: «На море-окияне, на острове Буяне, стоит бел-горюч Алатырь-камень. Как на том камне ворон чёрный ходит, за камнем серый волк бродит. Всё видят, всё знают, всё понимают. Так пусть и мне правда откроется, что делается и что делалось с Николаем, любимым моим. Жив ли он, здоров ли он? А если занемог, то пусть и мне покажется».

Жемчужина откликнулась, затуманилась и явила грёзу. Увидела Настя, как Дарина крадётся в «Сахар», прячется за дверь. Незнакомый мужчина приглашает Николая и её, Настю, в свой кабинет. А её ли? Нет больше той Насти, ни волос русых, ни глаз зелёных, ни кожи молочной. Лизка вместо неё пришла в чужом обличье. Грёза приблизилась и увидела Настя огненных змеев, что летали вокруг Николая и Лизы. Беспомощно смотрела, как Лизка морок сбросила и пощадили русалку змеи. А Николая выпили до дна, а душу его человеческую заключили в призму.

«Найти надо ту призму. Срочно бежать, спасать», — дёрнулась было Настя, но грёза не отпустила. С высоты птичьего полёта рухнула Настя вниз и оказалась на маленькой полянке. Перед ней лежала неизвестная бледная девушка, и стояла Дарина с призмой в руках. Губы полуденницы шевелились, и Настя с ужасом поняла, что та читает заклятье. Каждое новое слово протягивалось тонкой нитью между призмой и неподвижной девушкой на земле, каждое новое слово съедало силу Николая и вливалось в жилы спящей или мёртвой красавицы. Когда красавица открыла глаза, призма опустела. И опустело сердце Насти — Николай больше нет.

Мелькнула мысль, что она сама виновата в произошедшем. Не попроси она тогда помощи у Дарины, то Лиза бы не стала русалкой. Тогда бы всё сложилось иначе. И Николай

был бы жив.

Настя отбросила эту мысль, как неправильную. Не хотелось думать, что виновата она одна. Нет, это Лизкины происки. И она ей ответит за то, что сделала.

— Куда ты собираешься? — поинтересовался Славка.

— В Обитель пойду. Надо, срочное дело.

— Что-то случилось?

Настя сделала вид, что не слышала.

— Я с тобой пойду, — Славка натянул свитер. — Не спорь! В таком состоянии одну не отпущу. Жемчужину возьми на всякий случай.

Настя послушно уменьшила Жемчужину до размера горошины и положила в карман. Она могла бы из любого места свой артефакт призвать, но для этого требовалось время и условия для сосредоточения. Славка прав — лучше держать Жемчужину при себе. Так сразу чувствуешь себя увереннее. Мало ли, что Лизка выкинет.

Двое выскользнули из квартиры, оставив Максу за главную и направились в Обитель русалок. Утренние сумерки позволили Насти идти без капюшона, и она наслаждалась свежестью и ветром. Начиналась среда, первое августа.

***

За несколько километров от центра города стояли две девушки — беленькая и тёмненькая. За плечами у обеих рюкзаки. В руках у брюнетки — небольшой ржавый серп.

— Мне кажется, надо идти на восток, — беленькая указала на восходящее солнце.

— Мне без разницы, куда ты захочешь, сестрёнка. Ты только не покидай меня больше.

— Не покину, — лицо блондинки озарила светлая улыбка. — На той стороне может быть так же плохо, как и на этой, если никто тебя не любит.

— А ты научилась любить? Как это?

— Думаю, ты знаешь. Ты всегда знала, Дарина.

— И всё равно, расскажи мне, Беяна.

— Расскажу. Впереди у нас долгий путь!

Сёстры кинули последний взгляд в сторону Сервуги и шагнули в поднимающийся туман. Больше их в городе не видели.

Так случилось, что первого августа все русалки собрались в Обители. Кто-то пришёл случайно, а кто-то целенаправленно планировал свои таинственные дела на этот день.

Обитель представляла из себя частный дом с двумя этажами. Внизу находилась прихожая, похожая по отделке на приёмную залу какого-либо дворца, с восточной стороны была небольшая кухня, там же ванная, с западной стороны — кладовая и скромная библиотека. Наверху располагались только личные комнаты. На второй этаж вела деревянная лестница, которая начиналась из прихожей.

Ранним утром Маруся спустилась в кухню, где уже хозяйничала Катенька. Хоть русалкам обычная еда и не была нужна, а всё же Катя часто баловала сестёр выпечкой и напитками по старинным рецептам.

— Как спалось, Маруся? — заботливо спросила Катенька. — Ты не выглядишь отдохнувшей.

Старшая русалка опустила на край стула и сгорбилась. Последнее время она чувствовала себя древней уставшей старухой.

— Маруся, давай я чай крепкий заварю. Как ты любишь, с травами разными и мяту обязательно положу, — засуетилась Катенька.

— Всё наперекосяк пошло. Жемчужина слабеет. С Настей беда приключилась. Соня с Гаяной куда-то пропали.

— Я не пропала, — прозвенел голосок Гаяны, и сама русалка впорхнула в кухню, держа за руку смущающегося паренька. — Я жениха своего привела показать. Его Анатолий зовут.

Маруся всплеснула руками, сдвинула сурово брови, но сдержалась, не стала высказываться при посторонних. А Гаяна словно почувала и начала оправдываться:

— Он про нас всё знает. Сам догадался, я не говорила. Он видит. По-настоящему видит.

— Ладно, садитесь чай пить, а там разберёмся, — складочки на лбу Маруси разгладились. Если парень — ведун, то другое дело. Такой и пользу принести может.

Чай получился на славу. Травы так одуряюще пахли, что даже Лизу не пришлось звать, сама выползла из спальни и позёвывая присоединилась к компании.

Анатолий познакомился с русалочьим семейством, рассказал про встречу с ведьмой и травницу Инну, про свой дар и как он поборол Тамару Иванну. Гаяна сидела рядышком с женихом и не отводила от него блестящего взгляда. Лиза с завистью наблюдала за возлюбленными, а Катя не поднимала глаз от пола.

— Почти все в сборе, — Маруся окончательно успокоилась и потянулась к кружке.

— Осторожно, — нахмурился Анатолий.

— Не волнуйся, чай уже остыл, — прошептала Гаяна, — она не обожжётся.

— Не пей! — Анатолий перехватил руку Маруси и осторожно извлёк кружку из пальцев. — Что-то не так. Если сделаешь хоть глоток, то беда случится.

— Ты уверен, ведун? — побледнела Маруся, но ответа не получила, так как Лиза подскочила пружиной и набросилась на Катеньку:

— Отравить нас вздумала, признавайся! Что ты подсыпала?!

— Нет, нет! Там нет яда! — Катя отбивалась от взбесившийся Лизы. — Я не хотела вас убивать, хотела усыпить.

Анатолий обхватил Лизу поперёк туловища и оттащил от пострадавшей русалки.

— Но зачем нас усыплять? — недоумённо спросила Маруся.

— Да чтобы Жемчужину украсть. Что ж вы все тупые такие?! — выкрикнула Лиза. — Да отпусти ты меня, жених недоделанный! — это уже в сторону Анатолия.

Гаяна тихонько сидела и не знала, что сказать. Хороша она — привела жениха познакомиться, а тут такие склоки. Было очень стыдно, и от этого стыда больно жгло в груди.

— Катенька, зачем? Зачем? — горячий стыд поднялся к самым глазам Гаяны и покатился слезами по щекам. — Зачем?

— Затем! — закричала Катя. — Затем, что нет мира у вас. С оборотнями поругались, между собой собачитесь. Мы как лучше хотели с Костенькой. Но не отдадите Жемчужину по-хорошему, значит будет по-плохому.

Прежде чем её успели остановить, Катя выхватила из кармана свисток и подула в него. Тоненький свист быстро оборвался и сменился воем.

— Перевертыши, — взвизгнула Маруся. — Все наверх, быстро, закройте в комнатах.

Входная дверь в Обители никогда не запиралась, и оборотням не составило труда вломиться в запретное для них пространство. Несмотря на дневное время, напавшие были в форме волков. Только лидер, Константин, оставался в человеческом обличье и отдавал команды голосом.

В следующие секунды произошло сразу несколько событий.

Катя заняла место рядом с Константином. Анатолий успел вытолкнуть Гаяну на лестницу, а сам вернулся в прихожую, собираясь обороняться прихваченным с кухни стулом. Маруся вместе с Лизой проскользнули в библиотеку и заперлись изнутри. Вслед за волками в Обитель влетели Настя со Славкой.

Настя с ходу оценила обстановку, активировала зелёную Жемчужину и обрушила на оборотней каскад обжигающих лучей. Анатолий удачно оглушил одного волка стулом и постепенно отступал к лестнице. Константин бросился к Насте, рассчитывая отнять опасный артефакт, но путь ему преградил Славка. Между мужчинами завязалась потасовка.

— Пусть атакуют библиотеку. Там Черная Жемчужина, — выдала информацию Катя.

Но волки не спешили выполнять указания какой-то русалки. Они ждали сигнала от вожака, который был немного занят. Пока оборотней заботило только то, как увернуться от зелёных лучей и убрать с дороги надоедливую кикимору. Однако, подойти к Зеленой Жемчужине ближе они не могли — артефакт разил метко.

Перевес в борьбе явно был на стороне Константина — и по опыту, и по весу. Славка проигрывал. И в момент, когда стало совсем туго появилось новое действующее лицо.

Поначалу посреди комнаты перекинулась радуга, фиолетовый слой её потемнел и сполз вниз, обрисовывая тёмный зев пещеры или плохо сделанной двери. Внутри темноты засветились огоньки и выпорхнул рой светлячков, а за ними шагнула Соня.

— Здравствуй, братик, — Соня развела руки, имитируя объятия, и подмигнула. — Вижу, помощь моя нужна.

— Как ты? Откуда? — прохрипел Славка, отталкивая вожака оборотней.

— От тебя и в Нави не скрыться, — Соня зацокала языком и из пещеры за её спиной выступило диковинное существо, похожее на ящерицу-переростка с тремя головами и кожистыми крыльями.

Волки разом взвыли и прыгнули. Ящерица тоже прыгнула, но ловко перевернулась в воздухе головами вниз, откуда вылетели струи пламени.

Пока Соня со своим драконом отвлекали волков, а Славка сдерживал Константина — Настя незаметно отступала в сторону библиотеки, где русалки хранили Черную Жемчужину.

***

— Лиза, найди что-то подходящее для защиты, — сказала Маруся.

— Не поможет, там волков до фига. Ты что не видела?! — ответила Лиза. — Лучше взять Жемчужину и уйти отсюда. Давай через окно.

— Но там наши девочки. Мы не можем их бросить!

Маруся подошла к единственному столу в библиотеке и приподняла накиннутую сверху ткань. Под ней оказался рисунок в виде концентрических кругов. Главная русалка разместила ладони над изображением тихонько запела. По поверхности стола побежали волны, круги начали двигаться, сходиться из центра, как будто в воду кинули камень. Пение Маруси изменилось и круги побежали в обратном направлении, пока из воздуха не сформировалась тёмная сфера. На ладонях русалки лежала прекрасная Чёрная Жемчужина.

— Отдай её мне, — приказала Лиза и вырвала артефакт.

— Ты с ума сошла?! — Маруся отшатнулась. — Она не будет тебя слушаться. Там внутри больше всего моей силы и моей жизни, а твоего-то и нет ничего.

— А зачем тебе эта сила? — Лиза взлетела на полметра и нависла над старшей сестрой. — И жизнь такая — не жизнь. Разве можно жить после того, что он с тобой сделал?!

— Кто сделал?

— Жених твой, Родион. Помнишь такого? Вижу, что помнишь.

Маруся осела на пол и закрылась руками. Плечи её мелко задрожали. Лиза начала кружить вокруг как хищная птица и причитать:

— Он тебя убил, Маруся. Не сама ты решила в речку броситься. Это он.

— Ты врешь! Это неправда!

— Правда, у меня и доказательства есть.

Лиза порылась в сумочке и вытащила копию, снятую в архиве Тимом, протянула Марусе:

— Смотри, Марусь. Там про расследование. Родиона обвинили в твоей смерти. И он признался, что отвёл тебя к речке и утопил.

— Но зачем ему это?!

— Чтобы следы сокрыть и жить счастливо с новой женой и детьми. Так бы и было, но соседи сдали.

Маруся сжала бумажку побледневшими пальчиками и завывала. Тяжёлый плотный комок, что сидел в её сердце вырос настолько, что не уместился в груди и выкатился наружу. Вместе с горем русалки выросла и Чёрная Жемчужина — она меняла размеры и пульсировала, внутри непроглядной тьмы ветвились молнии. Лиза положила нестабильный артефакт на пол и отошла подальше. Ещё немного и она сможет разорвать связь Маруси и Жемчужины.

В дверь постучали и раздался голос Насти.

— Сейчас открою, — обрадовалась Лиза. Как всё сложилось хорошо — лучше и быть не могло.

Настя ввалилась в комнату и бросилась к Марусе, та не реагировала.

— Что с ней?

— Шок от вечера откровений, — ответила Лиза. — А сейчас будет ещё одно.

Маруся подняла сухие глаза:

— Разве мало ты сказала, Лиза? Ничем ты меня удивить больше не сможешь?

— Разве? То есть тебе всё равно, что я хочу забрать власть над Жемчужиной? А Настя обещала мне помочь.

— Настя, это правда? — взгляд Маруси скользнул к кикиморе.

— Так было сначала, но потом я передумала. Я Лизке помогать не буду. Прости меня, Маруся, — повинилась Настя.

— Мне тебя не за что прощать, Настенька. Ты уже сама себя наказала. Да и я перед тобой виновата.

— Ну хватит нюни тут разводить! — прервала Лиза. — Настя, твой Николай погиб.

— Да, я знаю, — прошептала Настя. — Поэтому и пришла. Спросить с тебя хотела.

— Спрашивай сколько хочешь. А Николая больше нет. Но две Жемчужины могли бы его воскресить.

Маруся зажала уши руками и отвернулась. Она не хотела больше слушать и видеть происходящее — слишком больно. А Настя, наоборот, встрепенулась. Это была последняя отчаянная надежда наладить хоть что-нибудь.

— У одной Жемчужины большая сила, а если две сразу? Только представь, чего мы могли бы достичь с тобой?! — распиналась Лиза. — Давай, Настя, надо просто оборвать связь с Марусей. Отвлеки её, а я сама всё сделаю.

И Настя решилась. Впоследствии она не могла сказать, почему поверила Лизе и какое помутнение рассудка на неё нашло. Но кикимора прыгнула на Марусю, повалила ту на пол и потащила к выходу из библиотеки.

Чёрная Жемчужина оказалась в руках у Лизы, и та принялась гладить скользкую поверхность, невнятно шептать и делать размашистые пассы руками. Артефакт откликнулся и увеличился в размерах.

— Давай, давай, моя хорошая, — приговаривала Лиза, вытирая испачканные ладони о платье. Вся русалка уже была перепачкана чёрным веществом, но не замечала, как оно сочится тонкими струйками сквозь пальцы. Словно древняя шаманка Лиза танцевала среди книг, творила злую магию. А Жемчужина питалась злобой и завистью, росла, угрожающе потрескивала, обжигала кожу разрядами электричества. Артефакт, напитанный отчаянием Маруси, изначально был недобрым. А теперь он нашёл, наконец, подходящую русалку и готов был сменить хозяйку. Лиза чувствовала изменения в Жемчужине и дрожала от нетерпения. Скорее, скорее.

В прихожей Настя опомнилась и отпустила Марусю. Волки их не заметили в пылу сражения с Соней, и был шанс скрыться, уйти необнаруженными.

— Настенька, — Маруся подняла голову и потянулась к кикиморе. Ты уж прости меня. Я тебя утопила и русалкой сделала. Мне и ответ держать.

И не успела поражённая Настя ничего ответить, как Маруся прижала руки к груди и вытянула оттуда переливающуюся всеми цветами радуги нить. Быстро смотала в клубок и вложила Насте в руку.

— Держи. Дарю тебе всё.

— Маруська, ты что сделала?!

Тело Маруси стало прозрачным и рассыпалось на мелкие кристаллы льда, которые тут же растаяли, потекли ручейками, а затем изошли паром. Одновременно из библиотеки раздался вопль Лизы, а мгновением позже появилась и она сама.

— Где Маруся? Жемчужина исчезла. Это Маруська забрала? Я же просила придержать её!

— Маруси больше нет.

— В смысле нет?! Что ты мне тут гонишь? А это что за фигня разноцветная? Дай посмотрю.

Настя испуганно сжалась и спрятала прощальный подарок за спину, отступила в сторону сражающихся.

— Маруся умерла, — повторила кикимора и неожиданно расплакалась.

— Ах вот как? Вот почему Жемчужина развалилась. И здесь нагадила мне, — Лиза развернулась и сделала вид, что уходит, а потом взвилась в воздух и перелетела Насте за спину. Хотела перелететь, но яркая волна света сбила русалку вниз.

Подарок Маруси, её последняя воля, горел в руках у Насти. В маленьком радужном клубочке сконцентрировалась вся суть Маруси, добрые дела и мысли, невысказанная любовь. И Настя не собиралась расставаться с даром старшей сестры. В одну руку кикимора взяла Зелёную Жемчужину, в другую — разноцветный клубок и совместила их резким хлопком.

На другом конце города вздрогнули Хриса и Нежинка, почувствовав огромную вливающуюся в них силу. Славка, почти сдавшийся под напором Константина, в миг скрутил противника, а сама Настя взвилась в воздух. Она всё ещё оставалась кикиморой, но глаза полыхали изумрудным светом, волосы заструились водорослями, вокруг тела возникло слабое свечение. Сейчас она могла бы горы свернуть, такое ощущение могущества было внутри Насти. И все, кто так или иначе был связан с Зелёной Жемчужиной, почувствовали изменения и обрели новую силу.

С русалками же, напротив, творилось что-то непонятное. Лиза не смогла встать с места, куда её отшвырнуло волной света. На втором этаже потеряла сознание Гаяна, и Анатолий безуспешно пытался привести девушку в чувство. В эпицентре битвы упала Катя, и волки недоумённо остановились и поджали хвосты, ожидая нагоняя от вожака за то, что не усмотрели за его возлюбленной.

Соня остановила своего ящера и прислушалась к чему-то.

— Алатырь-камень треснул. Беда большая идёт.

— Идёт беда-лихо, топают потихоньку, скоро и до нас доберётся. — закричал дед Потап, появившийся из Сониного портала. — Неслыханное среди мира навьего случилось — принесла русалка свою не-жизнь в добровольную жертву. Да не простая водяница, тьфу, а Кострома, главная русалка, что здешним племенем всем управляла. А вместе с русалкой почившей, и Жемчужина истаяла, как и не было.

— А что с Алатырём? — спросил Славка свою сестру, но ответил дед Потап.

— Трещина пошла, прям наискось через весь камень. А от трещины той, чары все из мира вытекут, ежели не заделать. А чар не будет, то и навьи дети сгинут все. Вон русалкам уже плохо стало. Без Жемчужины — не жильцы они на этом и на том свете.

И действительно, Катя и Лиза лежали без движения и лишь тихо постанывали. Лиза цеплялась пальчиками за пол и пыталась подползти ближе к остальным. Она ощущала себя так, будто все кости разом вынули из тела, и оно обмякло и перестало слушаться. Сильно кружилась голова и перед глазами мелькали тёмные мушки. — И что теперь делать? — раздался голос Константина, и дед Потап строго на него взглянул. — Отпусти Слава, мальчика. Пусть со своей любимой попрощается. А я на остров отправлюсь, трещину

заделать-то можно, если поработать вволю. Так что некогда мне тут с вами.

— А нам что делать? — упорствовал Славка.

— Русалок проводить в последний путь. Скоро, хе-хе, не станет в Сервуге русалочьего племени, одни кикиморы останутся. Повезло тебе, — дед Потап шутливо погрозил Насте, отвернулся от неразумной молодёжи и ушёл в портал.

Славка отпустил Константина и тот кинулся к Кате, обнял её. Волки сгрудились вокруг вожака и скрыли происходящее от чужих глаз. Желания нападать они больше не высказывали.

Славка, Настя и Соня держали совет. К радости Сони, на неё русалочья беда не подействовала, видно Навь признала её своей новой проводницей вместо Бабы Яги и одарила другой силой, не зависящей от Жемчужины. Настя же, понятное дело, давно была кикиморой была со своим собственным артефактом и новой семьёй.

Наверху пришла в себя Гаяна. Анатолий помог русалке подняться на ноги и придерживал её, пока они спускались вниз.

Гаяна с трудом держалась на ногах, но постепенно восстанавливалась в отличие от Лизы. Та совсем поникла и лежала неподвижно около библиотеки.

— Есть ли какое-то средство, чтоб девчонкам помочь? — спросил Славка у сестры.

Но Соня лишь пожала плечами:

— Не слышала, Слав. Надо у дедушки Потапа уточнять. Он — ходячая древность, может знает.

— Не знает, иначе помог бы, а не прощался, — резко ответила Настя. — Он водяной, живёт с начала времён. Всё видит, всё ведаёт, что есть в мире. А если не сказал ничего, значит и нет такого способа.

— А Гаяна как?! — вмешался Анатолий. — Я ее не отдам.

— Со мной всё хорошо, — вымученно улыбнулась Гаяна и ласково коснулась руки любимого. — Намного лучше себя чувствую. Правда. Вот уже и стоять сама могу, ноги дрожать перестали.

— Тогда почему с Лизой не так? — Анатолий повернулся в сторону недвижимой русалки.

— А давайте проверим, что с ней, — предложил Славка и направился в сторону библиотеки, но не успел сделать и пары шагов, как началась гроза. Молнии сверкали внутри помещения, кидались вниз юркими змейками и жалили пол, оставляя за собой обугленные пятна. Громовые раскаты раздавались над головой и оглушали. Сквозь грохот донёсся голос Сони, которая создала магический навес, защищающий от буйства стихии. Внутри защищённого пространства сгрудилась невероятная компания — проводница в Навь, кикимора, русалка и двое обычных парней. Хотя вряд ли Славку можно было считать обычным после пережитого путешествия и установления загадочной связи с Зелёной Жемчужиной.

Постепенно гроза затихла и полил дождь. Совершенно непонятно, откуда вода попадала в помещение, но капли возникали под потолком и оттуда устремлялись вниз. За пару минут пол покрылся водой по меньшей мере на сантиметр.

Славка стоял с краю навеса, и именно он уловил движение волков за дождевой стеной:

— Ребята, там у них ерунда творится! Смотрите.

Оборотни выстроились за жожаком, что единственный был в человеческом обличье. И Константин повёл свою стаю к двери. На секунду приостановился напротив Славки, кивнул — уходим мол, больше претензий к вам не имеем.

На руках Константин держал Катеньку. Или не Катеньку? Настя напряжённо всматривалась в облик своей младшей сестры. Почему у нее волосы не рыжие, а цвета схваченной морозом рябины? Почему кожа так потемнела, из белоснежной стала песчаного оттенка? А что у Катеньки такое в руках — бежевое с багряными прожилками?

Оборотни покинули обитель русалок, и ливень прекратился. В прихожей осталась только компания, жавшаяся под навесом, Лиза и бесчувственный волк.

— Ой, кажется, одного все-таки задели, — расстроилась Соня.

— Это не мы, — глухо возразила Настя, которая наконец-то поняла случившееся. — Это Катенька взяла его жизнь и создала новую Жемчужину. Поэтому и непогода была. Почти как у меня.

Славка аккуратно обнял Настю, а та уткнулась лбом ему в плечо и разрыдалась. Слишком сильны были свои воспоминания о превращении в кикимору.

— Получается, Катя теперь кикимора, как Настя? — растерянно спросила Гаяна. Никто ей не ответил, да и не нужно было.

Мёртвый оборотень лежал посреди прихожей и не давал покоя. Соня предложила его накрыть и остальные облегченно вздохнули. Пока размышляли, где взять подходящее по размеру покрывало, а подошло бы совсем не каждое, так как волк был размером с молодого телёнка, — совсем упустили Лизу из виду. Казалось, что русалка еле дышит и вреда от неё не будет. Никто и следить за ней и не думал.

Гаяна вспомнила, что большой плед есть в кладовке рядом с кухней, где хранились вещи для пикников. Вся толпа бросилась за вожделенным куском ткани, когда шестым или даже седьмым чувством Гаяна ощутила дискомфорт. Девушка обернулась и увидела бледного Анатолия и повисшую на нем Лизу. Анатолий даже не пытался оторвать от себя русалку — он медленно, как в фильме ужасов, заваливался на пол.

— Она его выпить пытается! — опомнилась Настя и попыталась оторвать Лизу. — Да что вы все стоите?! Помогайте. Она его энергию пьёт, чтобы кикиморой стать.

С помощью Славки удалось разделить Лизу и Анатолия, но результатов это не принесло. Несмотря на расстояние в несколько метров, русалка продолжала тянуть жизненную силу человека.

Гаяна упала на колени рядом с любимым:

— Толь, пожалуйста, давай. Ну проснись! Не надо. Не уходи.

Остальные оттаскивали визжащую Лизу в сторону библиотеки, надеясь разорвать связь русалки с Анатолием.

— Не получается! — выкрикнула Настя. — Она крепко в него впилась.

В прихожей снова загромыhalo. Начиналось превращение русалки в кикимору, уже второе за этот день. Гаяна закрыла глаза. Только-только она поняла, что такое счастье, и вот, оно уже ускользает сквозь пальцы. Видно, счастье — не для неё. И рисовать она больше не будет. Пастель с Жар-Птицей станет последней работой, но какой же прекрасной. Гаяна представила огненную девочку с распахнутыми полупрозрачными крыльями. Пламя струилось по пёрышкам, водопадом ниспадало до загорелых ног Жар-Птицы, жило и дышало, согревало кожу. Даже сейчас в мыслях было горячо от волшебного огня.

— Гаяна, у тебя крылья, — прошептал Анатолий. Он открыл глаза и смотрел снизу на свою девушку. — Ты похожа на греческую богиню. Такая красивая.

Гаяна скосила глаза и увидела крылья. Огненные и мощные, как у Жар-Птицы. Этими крыльями девушка накрыла Анатолия, и лопнула некая струна, натянутая между Лизой и её жертвой. Последний раз сверкнуло над головой, и всё исчезло. Обитель русалок вернулась в обычное состояние.

— Магия пламени земли проснулась, — прошептала Соня. — Но как, Гаяна?

— Кажется, это подарок. Не могу сказать от кого. — Гаяна несмело потрогала крыло. — Не жжётся. Зато тёплое.

— Очень своевременный подарок, — оценил Славка. — А теперь давайте решать, что с Лизой делать будем. Пока пусть в библиотеке посидит, но долго там не продержишь. Однако, в голову ничего дельного не приходило.

Постепенно все разошлись, как бывает после шумной и дурной вечерники. Соня сослалась на срочные дела в Нави, требующие её непременно присутствия. Славка обнял

сестру и обещал, что они справятся самостоятельно и нет причин задерживаться. Выглядела Соня донельзя уставшей. Сказывалась битва с оборотнями и создание защитного навеса, да и само пребывание в Яви постоянно тянуло из девушки силы. После ухода Сони портал свернулся в белую точку и со свистом осыпался меловой крошкой.

Анатолий увёл Гаяну домой. Точнее сказать, Гаяна увела своего жениха. Анатолий бодрился, но бледное до синевы лицо выдавало истинное состояние парня.

Настя с облегчением выдохнула, когда в обители остались только они вдвоём со Славкой. Весь следующий час они посвятили уборке. Не то чтобы оба были приверженцами чистоты, но монотонные несложные действия успокаивали нервную систему и помогали очистить голову от тревожных мыслей.

Настя остановилась только тогда, когда пол заблестел первозданной чистотой, а мебель заняла свои места. Оставалась всего одна неубранная комната — библиотека. Идти туда не хотелось, но и бесконечно откладывать было нельзя. Пока Лиза вела себя тихо, что удивительно.

— Ну что, заходим? — уточнил Славка.

— Давай!

Ключ провернулся в замке два раза, поцарапанная дверь отворилась внутрь, демонстрируя пустую комнату с распахнутыми настежь окнами. Настя мотнула головой и шепнула одними губами:

— Проверь за дверью.

— Никого, — ответил Славка и прыгнул к ближайшему окну. — Она, походу, улетела.

— Не может быть. У неё сил почти нет. Если их на полёт потратить, то на жизнь уже не хватит.

— Ну значит хватило. — Славка хлопнул себя по лбу и рухнул на стул. — Я и забыл совсем, что русалки такое могут.

Настя покачнулась и уставилась на спутника лихорадочно блестящими глазами:

— Мы должны догнать её. Срочно! Пока она человеческую жизнь не забрала и новую Жемчужину не сотворила. Там же везде люди.

Началась погоня. Зеленая Жемчужина безошибочно определила положение Лизы. Та не успела уйти далеко, так как выскользнула из обители буквально перед носом у преследователей. Настя со Славкой пробежали по Фруктовой улице и повернули на ближайшую автобусную остановку. Первым беглянку заметил Славка. Точнее не саму Лизу, а её жертву — задыхающегося паренька лет шестнадцати, над которым склонились сердобольные прохожие. А Лиза преспокойно стояла за рекламным столбом и довольно улыбалась.

— Лиза, отпусти его! — крикнула Настя.

И Лиза отпустила. И правда, зачем ей этот парень, если и другие найдутся. Вон их сколько, целый город. Только и ждут — пока она придёт и заберёт причитающееся по праву. Лиза хихикнула и побежала в направлении центрального парка Сервуги. Там, в зарослях, легко запутать преследователей и оторваться от погони.

Показалась уже первая полоса деревьев, когда солнечный свет потускнел, а воздух стал густым и вязким. Каждый шаг давался с трудом. Лиза потеряла глаза, но лучше не стало. Шли секунды, стучало набатом сердце, перед носом крутились серые мушки, собираясь в плотный рой. Рой этот постепенно перекрыл и небо, и землю, и виднеющиеся деревья. «Это были ясени», — успела подумать Лиза, прежде чем темнота накрыла её. Три дыхания русалка

провела в темноте, и уверилась, что никогда больше не выйдет отсюда, как всё изменилось. Невидимый водоворот подхватил её, закружил до тошноты и выплюнул на поле. Лиза подняла голову и обомлела.

***

— Куда ты её отправила? — растерянно спросил Славка. Только что он своими глазами наблюдал, как артефакт кикимор переместил Лизу в пространстве. Пусть конечная точка и не известна, но парень верил словам Насти о возможностях Зеленой Жемчужины. Да и на своей шкуре он уже убедился в том, что этот артефакт способен на телепортацию, как минимум из Нави в Явь.

— Не знаю, — ответила Настя. — Я пожелала, чтобы Жемчужина перенесла её в место, где она не сможет никому навредить. Сейчас спрошу, где это.

Кикимора склонилась над Жемчужиной, приложила к ней ладони, задала вопрос.

— Ага, поняла. Слав, это на окраине. Поехали. Там закрытый стадион. Его уже пять лет ремонтируют.

— И что, Лиза внутри?

— Да, там двери все заперты, чтобы подростки и бомжи не лазили. А окна узкие, человек не пролезет. Не должна выбраться.

— А мы как попадём.

— Не знаю, давай на месте придумаем.

Честно говоря, Настя надеялась на помощь Жемчужины и не прогадала. Пыльная дверь радостно распахнулась, приглашая гостей в пыльные внутренности.

Старый стадион представлял из себя тяжелое и нелепое здание, скрывающее уродливые ряды железных стульев, что поднимались амфитеатром от земли до самого потолка. Сверху нависали устрашающего вида металлические конструкции, назначение которых оставалось загадкой даже для директора стадиона. Насте пришла на ум ассоциация, что они внутри большого механического жука, который готов их переварить.

— Здесь жутко, — тихо сказала кикимора.

Эхо подхватило и разнесло её голос, искажая его до неузнаваемости.

— Лиза, ты здесь? — крикнул Слава.

— Здесь, здесь, — откликнулось эхо.

— Здесь я, — раздалось шипение сзади.

Настя обернулась и встретилась лицом к лицу с Лизой в русалочьем обличье. Сил поддерживать человеческий облик у Лизы не было. Да и вообще все силы ушли на то, чтобы защититься от большого количества железа на этом стадионе. Еще немного и проклятый металл сжёл бы русалку, которая так и не научилась слышать песнь железа, не научилась жить с ним в мире.

Лиза знала, где она находится и хорошо помнила, что стадион давно закрыт и стоит на отшибе. Она уже не успеет добраться до людного места, чтобы восстановиться. Осталась последняя надежда. Лиза мысленно потянулась к Славке и попыталась зацепиться за него, но не смогла. Энергетический аркан скользил по ауре парня, но не проникал внутрь. Лиза усилила нажим, отдавая последние силы, когда Настя отшвырнула её в сторону.

— Не трогай его, ты тварь!

Лиза удачно приземлилась на ближайшее сиденье, схватилась за спинку кресла впереди, чтобы встать, да так и примёрзла к металлу руками. Сил больше не осталось, и железо взяло своё. Яркое пламя взметнулось столбом, и Лизы не стало.

Спелым наливным яблочком август катился к своему завершению. Берёзовые листья начали желтеть, а трава пожухла после засушливого лета. В «Сервужском Кресте» царило затишье — разъехались все пришлые и просветлённые. Да и оборотней осталось с пару десятков, остальные же покинули область, не приняв новых порядков.

На деревянном крыльце сидела Катя и грызла большое жёлтое яблоко. То ли кикиморы ближе к природе, чем к Нави, то ли ещё по каким причинам, но вкус еды стал ощущаться лучше и ярче. Поэтому Катенька наслаждалась каждым новым ощущением.

Тёплые руки обняли кикимору сзади и приподняли вверх.

— Костя, — Катенька взвизгнула, — поставь меня!

— Ты что высоты теперь боишься? — прогудел Константин, но отпустил возлюбленную. — Не бойся, я тебя не выроню и не отпущу.

— Ну тебя, — Катя шутливо стукнула будущего мужа в грудь и сразу же поцеловала.

Неделю назад Костя сделал ей предложение, и подарил весь лес и своё поселение. Город тоже был свободен, там не осталось ни одной истинной русалки. Весь мир лежал у ног и ждал их.

Больше всего Катя переживала, что Константин отдал ей жизнь одного их перевёртышей. Как это в стае воспримут? Не станут ли нападать исподтишка или вызывать на поединки? Но всё обошлось. Несогласные ушли в тот же страшный день, как разрушилась Чёрная Жемчужина. Те, кто остались, склонили головы в жесте покорности, пообещав свою верность вожаку и его паре.

— Я тут подумала, — Катя несмело улыбнулась, — ведь мы могли бы детей усыновить. Ты бы хотел, Костя? Тогда у нас будет полная семья, как настоящая.

— Наша семья и так настоящая, — Костя притянул Катеньку к себе. А насчёт детей, я согласен.

Катя улыбнулась и поцеловала любимого. Теперь у них всё будет хорошо.

***

В старом Колодезе травница Инна принимала гостей. Она искренне обрадовалась возвращению Анатолия, да ещё и с невестой. На первое время Инна поселили приезжих у себя, но Анатолий быстро подлатал один из сохранившихся домиков. Сегодня у них с Гаяной новоселье.

— Первым кота запускают, — Инна потянула им мелкого рыжика. — Тут кошка недавно окотилась, а я их подкармливала, чтоб не одичали. Одного котёнка себе возьму, а второго вам.

— Спасибо, Ин, — Анатолий принял подарок и поставил перед входом. — Как назовём, Гаяна?

— Пусть будет Агни, Огонёк. Ты не против?

— Отличное имя, — одобрил Анатолий. — А ты мне расскажешь эту историю про Агни.

— Сегодня расскажу, — потупилась Гаяна.

Когда вещи были перенесены, а переносить особо было и нечего — всего два рюкзака и взяли с собой из города, то наступил вечер. Звёзды сверкали, сверчки пели как сумасшедшие, воздух лился парным молоком.

Гаяна шла в новый дом от Инны. Травница позвала её к себе и велела прийти одной, без жениха, чтоб дар сделать. И теперь Гаяна несла этот дар в ладошке — миниатюрную подушечку с травами-оберегами на женское счастье. А ещё несла знание, ох уж эти вездесущие женские сплетни, что Анатолий на днях в город мотался. И видели его в ювелирном магазине, где кольцо обручальное покупал. Стало быть, недолго холостым ходить будет. От этого знания сладко ныло в животе и замирало сердце.

Тёмная фигура заступила дорогу Гаяне.

— Да не бойсь, чего орёшь? — фигура испуганно отпрыгнула от вскрикнувшей Гаяны.

— Дед Потап, ты чего пугаешь?

— Дак я не хотел. По делу пришёл. Помощь твоя нужна?

— Помогу, если получится. Я готова.

— Ну так вот. Алатырь-то треснул. Ходил я, ворожил, трещину заделал. Кондунство теперича не вытечет. Но камень-то всё равно треснутый. Так нужно его целым сделать?

— И как это сделать?

— Так надо бы его нарисовать. Как раньше был. Сможешь?

— Так я ж не видела его никогда.

— Так слетай посмотри, — огрызнулся дед Потап. — Крылья тебе на что? Вот свадебку сыграете с ведуном своим, так и слетай.

Хлопнула дверь и раздался голос Анатолия:

— Милая, всё в порядке?

— Да, я иду уже, — ответила Гаяна и шагнула в новый дом и новую жизнь, где обязательно будет много счастья и приключений.

Дед Потап довольно ухмыльнулся. Молодец девчонка, ничего не боится. Давно у него сильной помощницы не было. А пока учится она и силу свою раскрывает, он уж присмотрит за ней и ведуном, чтоб несчастья все стороной обошли.

***

— Слав, пошли на посадку.

— Ещё 20 минут, Насть.

— Ну и что! Там идти долго, и пока платформу найдём. Смотри какой вокзал, раз в десять больше, чем в Сервуге.

— Это ты в Москве ни разу не была.

— Хочу побывать, — Настины глаза засветились от предвкушения.

— Обязательно побываем. Пока только в метро, но потом специально приедем погулять. А сейчас в Питер. Как там Хриса и Нежинка?

— Собираются. Выезжают завтра.

— Ну вот и хорошо. Ладно, пойдём, чтобы ты не нервничала.

Седой паренёк и девушка в капюшоне вышли из зала ожидания и направились к пятому пути, где стоял поезд на Москву. Вещей у них было немного — по рюкзаку на каждого. Да брать из старой жизни ничего и не хотелось.

— Как там Соня? — спросила Настя, устроившись в купе.

— Всё хорошо у неё. Привет тебе передавала?

— Она что? Приходила к тебе?

— Неа, снилась, — Славка хаотично помахал в воздухе рукой. — Некогда ей. То трещину на Алатыре латала вместе с дедом Потапом, то духов чужих гоняла, которые из-за грани выползли. Сказала позже свяжется, когда дела переделает.

— Сдаётся мне, дел там всегда полно, — Настя поёрзала, устроилась поудобнее и принялась накручивать локон на палец.

Путешественники помолчали о своём. Славка — о новой работе журналистом в Питере. Первое собеседование он уже прошёл онлайн, осталось встретиться вживую и утрясти последние формальности. Настя размышляла о том, как её примет новый город, есть ли там общины русалок или кикимор. А если есть, то как её примут. Но, как бы то ни было, она теперь не одна. Настя покосилась на Славку и почувствовала тепло в груди.

Славка тоже что-то почувствовал, поднял голову, несколько мгновений пристально смотрел, а потом резко двинулся вперёд и поцеловал. И Настя ответила ему.

***

Соня сидела у Алатаря и катала яблочко по блюдечку с синей каёмочкой. Яблочко было мелкое, с червоточиной и, наверняка, кислое. Блюдечко оказалось слишком маленьким, и невозможно было рассмотреть все детали. Но основное Соня ухватила.

Братик нашёл себе возлюбленную и похоже она отвечает ему взаимностью. Вот и ладно. У огненнокрылой Гаяны с Анатолием новоселье, осенняя свадьба и новые приключения. Дед Потап уже и приглашение оставил, чтобы в гости в Навье царство заходили.

У Катеньки тоже сложилось. Пусть не так, как им с Костей хотелось, но Сервуга и лес теперь под надёжным присмотром.

Соня улыбнулась, закинула яблочко с блюдцем в ямку под Алатырь-камнем и сладко потянулась. За родных и близких можно не волноваться. Хотя приглядывать иногда стоит.

А теперь пора приниматься за дела. Ведь ничего не происходит просто так. Каждое существо меняет мир своими действиями и решениями, а изменившийся мир влияет на каждое существо в нём. И идёт вечный круговорот.

Больше книг на сайте - Knigoed.net